

НОВАЯ ПОЛЬША 1/2014

Содержание

1. ЕЖИ ГЕДРОЙЦ О ПЕРЕЛОМЕ
2. ЧТО-ТО НА БУДУЩЕЕ
3. ВНИМАНИЕ! КУСЬМЕРЕК
4. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
5. КАКИЕ ОНИ — ПОЛЯКИ, ИЛИ ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В «ПОЛЯНДИЮ»
6. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
7. КАЖДЫЙ НАРОД ДОЛЖЕН ВЫЙТИ НА МАЙДАН
8. МИЛЛИАРД С ХВОСТИКОМ
9. ВЫСТАВКА О ГУЛАГЕ В СЕРДЦЕ ЕВРОПЫ
10. МНОГОЕ ЗАВИСИТ ОТ ЭМПАТИИ
11. ПРОПАДАЮТ ДЕТИ
12. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
13. ВОЙНА МИРОВОЗЗРЕНИЙ?
14. СТИХОТВОРЕНИЯ
15. О ПЕРЕВОДАХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX века
16. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ НЕВОЗДЕЛЫВАНИЯ САДОВ

ЕЖИ ГЕДРОЙЦ О ПЕРЕЛОМЕ

Поглощенный политической и редакторской деятельностью, Ежи Гедройц внимательно следил за происходившими на берегах Вислы переменами, а остроту его суждений усиливала дистанция почти в 1600 км, отделявшая Мезон-Лаффит^[1] от Варшавы.

Победу бастовавших в 1980 г. рабочих Ежи Гедройц назвал переломным моментом в истории Польши, советуя «Солидарности» проявлять последовательность, умеренность и сдержанность в требованиях. Еще в октябре 1980 г. он на страницах «Культуры» предупреждал, что «польский Август это граничная дата, но и в нем самом существует граница, которую нельзя нарушить». В течение последующих месяцев «карнавала «Солидарности» от редакционных комментариев и главных текстов ежемесячника веяло спокойствием и рассудительностью. В них предлагалась стратегия действий в том трудном положении, в каком оказалась Польша с ее нищетой, со всей этой «мутной, непрозрачной ситуацией».

Горькие слова Редактора

Военное положение застало Ежи Гедройца, не предвидевшего такой формы путча, врасплох. Определив его как «переворот партийной военщины», осуществленный «с согласия и поощрения Москвы», Редактор не пожалел горьких слов и для соотечественников, напомнив слова Юзефа Пилсудского: «Поляки хотят независимости, но желали бы, чтобы она обошлась им в два гроша и две капли крови — а независимость — вещь не только ценная, но и весьма дорогостоящая». «Культура» писала о «еще одной национальной польской трагедии» и крахе мифа о возможности договориться как «поляк с поляком».

Несмотря на эти горькие слова, Редактор, принимая во внимание драматическое положение в Польше, решил сосредоточиться на «помощи людям, борющимся против коммунистической хунты Ярузельского и все более кровавого террора», а так же на помощи все более многочисленным жертвам этого террора. Он посылал в Польшу посылки с книгами и продуктами, финансировал переделку автомобилей для провоза через границу печатных машин, передавал доллары и франки. Огромных усилий стоили ему хлопоты

связанные с присуждением Леху Валенсе Нобелевской премии мира.

Однако уже в середине 80-х «Культура» обвиняла деятелей «Солидарности» в том, что они демобилизуют профсоюзные массы, вводя их и себя в заблуждение миражом договоренности с коммунистической властью. «Солидарность» постепенно заменялась духом и идеями, становясь безоружным и бессильным символом. «Нельзя покорно ожидать милости от верхов» — утверждал Ежи Гедройц. Когда в 1988 г. после волны протестов коммунисты решили начать переговоры с «Солидарностью», Редактор предостерегал от оптимизма и советовал не спешить принимать условия противника: «Я вижу, что все говорят о либерализации, но забывают о независимости».

Ежи Гедройц не поддался эйфории Круглого стола и выборов 1989 года, считая, что оппозиция не подготовилась к принятию власти, не обучила людей и не разработала программы действий. Он писал: «Никто не задумывался о том, как бороться за независимости и как эту независимость, если она наступит, организовать. На коммунистическую действительность смотрели, как на нечто незыблемое, вечное, считалось, что в такой ситуации можно разрабатывать лишь поправки к реальному социализму».

Приучить к свободе

Редактор — во второй раз обратившись к примеру Юзефа Пилсудского — полагал, что польское общество можно воспитать, что можно говорить ему правду, и оно это вынесет. В то же время он считал, что правящие круги в Польше общества боятся, задабривая его и избегая непопулярных решений. Такой анализ не внушал оптимизма, не давал надежды на будущее.

Гедройц, прежде дирижировавший перьями своих публицистов, сам сел за письменный стол, чтобы по пунктам (без лишних слов и циркуляров) указать на неотложные дела. Он использовал любую возможность, чтобы говорить о том, что пошло не так, оставлено без внимания, замалчивается, как нужно действовать, чтобы Польша вновь обрела — столь дорогую ему — идею государства и государственной ответственности. Его корреспонденция тех лет бьет все рекорды. Редактор не отказывает никому — количество интервью, данных как общегосударственной, так и локальной, польской и иностранной прессе впечатляет, возрастая лавинообразно, в Лаффите перед его кабинетом

выстраиваются очереди, почти как к цадику в Гуре-Кальварии. Он принимает всех (президентов, директоров, активистов, политиков), объясняет, просит, побуждает к действиям. Может быть, осознание того, что времени осталось не так много (ему было уже за 80), тоже придавало ему энергию и силы...

В первые годы свободы Редактор критиковал — иногда весьма резко и недвусмысленно — то, что происходило в Польше. В каждом номере ежемесячника он публиковал свои «Заметки Редактора», в которых обвинял правящие элиты — в том числе и правительство Тадеуша Мазовецкого — в отсутствии контакта с обществом, в неспособности объяснить людям смысл реформ и необходимость лишений. По его мнению, оппозиция допустила ошибку, признав — накануне распада Советского Союза и самоликвидации ПОРП — коммунистов реальной силой, сев с ними за стол переговоров и пойдя на ненужные уступки.

Однако критиковал Гедройц не ради критики как таковой. Он многократно обращался к политикам с конкретными предложениями и предлагал решения: например, в начале 1991 года он писал в «Культуре»: «Одним из самых насущных вопросов, стоящих перед правительством и требующих немедленного решения, является улучшение информирования общества, что требует компетентной реорганизации застойной ситуации на радио и телевидении. (...) Если дело касается экономики, следовало бы создать межминистерскую комиссию, чтобы в самые короткие, конкретные сроки разработать соответствующее налоговое законодательство, которое даст возможность экономического развития страны. То, что творится в этой сфере — это чистое безумие. (...) В то же время следует как можно скорее начать серьезную борьбу со злоупотреблениями, а это требует реорганизации Высшей контрольной палаты и расширения ее полномочий. (...) Исключительно важно вернуть обществу уважение к закону, то чувство, которое дает только правовое государство. (...) Абсолютно необходимо постепенно избавляться от старой номенклатуры. Заметно, как глубоко сидит эта заноза под кожей поляков».

Дырявый зонтик

В 1992 году на вопрос «Дзенника польского», как с перспективы прошедших лет оценивает он «Солидарность», Гедройц ответил: «Отрицательно. Это был впечатляющий порыв рабочих и прогрессивной интеллигенции, который чрезвычайно быстро сошел на нет. Наступила эйфория, но на этом все и закончилось. Никто не поверил в возможность

чрезвычайного положения, хоть об этом их предупреждали. После введения военного положения наступил полный паралич. Понятное дело, это быстро преодолели — выпуск подпольной прессы был в тех условиях впечатляющим делом. Но сама «Солидарность» разделилась, раскололась на соперничавшие группировки. Сегодня «Солидарность» напоминает мне дырявый зонтик, под который прячутся те, кто хочет воспользоваться ее былой легендой».

В это время в Польше повсеместно считалось, что критические оценки Ежи Гедройца оторваны от действительности. История рассудит, кто был прав. А нам остается только ознакомиться с причинами того критического взгляда из Мезон-Лаффита, которые Редактор изложил в послании, опубликованном в 1994 г. в «Автобиографии в четыре руки»: «Для истории Польши характерна постоянная тенденция к ослаблению исполнительной власти: знаменитые *pacta conventa*^[2], анархическая золотая вольность^[3], *liberum veto*^[4]. Прежде всего, мы должны изменить менталитет народа. Это требует укрепления исполнительной власти и ее контрольных функций с помощью Сейма. Это требует перестройки парламентарной системы, исключения из нее партийных и частных интересов. Требуется введения принципов правового государства и упорной борьбы с коррупцией во всех ее видах и облициях. Требуется прессы, которая была бы одновременно и свободна, и ограничена огромным чувством ответственности. Требуется отделения костёла от государства. Требуется уважения прав наших национальных меньшинств: мы должны помнить, что это условие добрых отношений с соседями. Отдавая себе отчет в том, что католицизм — вероисповедание многих польских граждан, мы должны заботиться о евреях, мусульманах и протестантах, а также о православии, которое является вероисповеданием многих польских граждан, но одновременно это вероисповедание господствующее в России, на Украине и в Беларуси. Таков общий образ моего видения Польши, за реализацию которого я боролся всю жизнь.

Войцех Сикора в 70-е годы был активистом демократической оппозиции в Кракове. С 2010 г. директор Литературного института в Мезон-Лаффите под Парижем.

Примечания переводчика:

1. Мезон-Лаффит — пригород Парижа, в котором находилась редакция ежемесячника «Культура», руководимого Ежи

Гедройцем.

2. *Pacta conventa* (всеобщие соглашения, лат.) — избирательная капитуляция в Речи Посполитой, с 1573 по 1764 г.г. заключаемая между шляхтой и новоизбранным монархом перед его вступлением на престол. *Pacta conventa* юридически закрепляла обязанность избранного короля уважать законы Речи Посполитой и определяла его обязательства.
3. Золотая вольность — явление политической системы шляхетской демократии Королевства Польского и позже Речи Посполитой. В этой системе вся знать (шляхта) обладала равными и обширными правами и привилегиями. Шляхтичи заседали в сейме, и выбирали короля.
4. *Liberum veto* (свободное вето, лат.) — принцип парламентского устройства в Речи Посполитой, который позволял любому депутату сейма прекратить обсуждение вопроса в сейме и работу сейма вообще, выступив против.

ЧТО-ТО НА БУДУЩЕЕ

«К концу войны я начал думать о том, чтобы организовать что-то на будущее, на случай катастрофы, т.е. отказа союзников признать польское правительство. Я полагал, что лучше всего сделать это, создавая центры, способные продержаться длительное время (...) В отличие от политических и военных лидеров, я считал, что нас ожидает долгая эмиграция, они же рассчитывали на следующую войну, либо на возвращение в Польшу, а кроме того — проявляли заметное легкомыслие», — этими словами Ежи Гедройц начинает в своей «Автобиографии в четыре руки» (1994) [Jerzy Giedroyc, Autobiografia na cztery ręce, Czytelnik, Warszawa 1995] раздел, озаглавленный «Эмиграция». Как известно, «центром, способным продержаться длительное время», стал созданный Гедройцем Литературный институт — учреждение, которое сегодня, в соответствии с желанием его основателя, превращается в Дом польской памяти.

Институт возник в феврале 1946 г. в Италии благодаря финансовой поддержке переведенного туда в конце 1943 г. 2-го Польского корпуса под командованием генерала Владислава Андерса. Цели деятельности Института были сформулированы точно: к ним относилось, прежде всего, ведение издательской работы в культурной, научной, литературной и общественной сферах, а также сбор и хранение произведений польской словесности. За короткий римский период своей деятельности (февраль 1946–октябрь 1947) Институт успел издать 25 «собственных» книг, печатая при этом также издания других польских гражданских и военных структур — прежде всего, 2-го Корпуса, с двумя подразделениями которого (отделом просвещения и отделом культуры и прессы) был связан издательским договором.

В связи с демобилизацией Корпуса командование — под давлением Гедройца — приняло решение о переводе Института в Париж. В августе 1947 г. Андерс утвердил состав Института, в который после первоначальных кадровых перипетий вошли: руководитель — Ежи Гедройц, секретарь — Зофья Герц, администратор — Зигмунт Герц и Густав Герлинг-Грудзинский — литературный консультант и сотрудник издававшегося Институтом журнала «Культура», первый номер которой вышел еще в Риме в июне 1947 года.

«Культура» создавалась в виде чисто литературного ежеквартального периодического издания при Институте, которое было им нужно «как корове седло», как выразится спустя много лет Гедройц. Однако помещенная в первом номере программная декларация адекватно прогнозировала дальнейшее развитие журнала и его будущую, уже не только литературную линию — в редакционной заметке мы читаем: «Культура» стремится напомнить польским читателям, выбравшим политическую эмиграцию и оказавшимся за границами родной страны, что культурное окружение, в котором они живут — это живая культурная среда. «Культура» стремится дотянуться до польских читателей на родине и укрепить их веру в то, что близкие им ценности еще не рухнули под обухом грубой силы. «Культура» хочет найти в мире западной цивилизации ту «волю к жизни, без которой европеец погибнет так, как погибли некогда правящие слои древних империй».

В ноябре 1947 года Литературный институт подобрал себе резиденцию в городке Мезон-Лаффит на ул. Корнель, 1. В конце 1947-начале 1948 г. вышел номер 2/3 «Культуры», в редакционной команде которой произошли изменения: ушел Герлинг-Грудзинский, переехавший в Лондон в составе Польского корпуса адаптации и размещения и временно (до 1956 г.) прервавший сотрудничество с Институтом, зато редакцию усилил демобилизованный уже Юзеф Чапский, который с мая 1945 г. находился во Франции в качестве главы автономного отдела культуры и прессы при представительстве 2-го Корпуса. В течение следующих двух лет вся четверка получила статус политических беженцев.

Дом «на Корнеле» стал не только резиденцией Института, но и в буквальном смысле домом для членов его команды (с мая 1949 г. там жила еще и Мария Чапская, сестра Юзефа). В начале 1948 г. решено было выпускать «Культуру» в ежемесячном режиме — примерно в то же время уже кристаллизировалась новая концепция журнала, который из литературного стал — как говорил Гедройц — «всесторонним, отводящим большое место политике и политическим вопросам». В середине 1949 г. закончились полученные от генерала Андерса субсидии — в номере 4/21-5/22 в том же году редакция сообщала, что с этого момента будет издавать журнал «на свой страх и риск».

Трудное решение окупилось. Число читателей «Культуры» росло с каждым годом, в период пика ее тираж составлял 7 тыс. экземпляров (по некоторым источникам, даже 10 тыс.). Чтобы охватить как можно больше читателей, Институт выпускал

отдельные номера журнала на русском (всего три: в 1960, 1971 и 1981 г.), чешском, словацком языках. Кроме того, чуть ли не с первых лет существования Института Гедройц оплачивал отправку в Польшу специальных экземпляров «Культуры», печатавшихся на «библейской», т.е. самой тонкой, используемой в типографской печати, бумаге, позже он подобным образом подготавливал «контрабандные» книги.

В июле 1949 г. к редакционной группе присоединился лондонский корреспондент Юлиуш Меровский, быстро ставший главным политическим консультантом Редактора, его ближайшим другом и ведущим публицистом «Культуры» — с 1949 по 1976 год (год смерти Меровского) они обменялись почти 3300 письмами.

В числе важнейших сотрудников журнала следует упомянуть Константина Еленского (с 1950 г.), выдающегося литературного и художественного критика, одного из важнейших популяризаторов творчества Гомбровича в Европе. Среди первых писателей поколения Гедройца, начавших заочное, но постоянное сотрудничество с журналом, оказался Ежи Стемповский, эссеист и эпистолограф, автор, в частности, публиковавшихся в «Культуре» «Записок неторопливого прохожего», которые недавно вышли в двухтомном книжном издании [Jerzy Stempowski, *Notatnik niespiesznego przechodnia*, tom 1-2, *Wież*, Warszawa, 2012]. Начиная с первого номера журнала, постоянным его сотрудником был писатель Анджей Бобковский, с 1948 г. живший в Гватемале, автор знаменитых «Набросков пером». В ближайшем окружении «Культуры» в течение многих лет оставался также украинский публицист и историк Богдан Осадчук, публиковавшийся под псевдонимом Берлинец.

В январе 1953 г. начался выпуск серии «Библиотека „Культуры“» — при жизни Редактора в ней вышло 512 томов. В этой серии представлены произведения наиболее видных польских писателей XX века, в том числе Витольда Гомбровича, чьи «Транс-Атлантик» и «Венчание», изданные в одном томе, открывали «Библиотеку», и Чеслава Милоша, который, порвав в 1951 г. с варшавскими коммунистическими властями и оставив службу в польском посольстве во Франции, нашел на несколько месяцев приют в доме «Культуры», где ему было легче не только заниматься творчеством, но и принять решение просить политическое убежище. Гедройц, несмотря на свое критическое отношение к некоторым жизненным решениям Милоша, с достойной восхищения смелостью и

последовательностью защищал поэта от остракизма лондонской эмиграции.

Среди изданных Гедройцем писателей стоит упомянуть Славомира Мрожека, Ежи Анджеевского или Марека Хласко. С самого начала в серии выходили также книги писателей из других стран, в том числе Джорджа Оруэлла, Симоны Вайль, Альбера Камю, Бориса Пастернака, Андрея Синявского, Александра Солженицына.

С 1954 года резиденцией Литературного института становится (и остается ей до сих пор) купленный тогда с большим трудом — при помощи читателей и состоятельных друзей — дом № 91 на ул. Пуасси в близлежащем городке Ле-Мениль-ле-Руа (хотя символом института и поныне считается Мезон-Лаффит). Эта инвестиция оказалась невероятно важной для польской культуры. Детище Гедройца, несмотря на целый ряд препятствий, постоянно развивалось. Чтобы чрезмерно не отягощать «Культуру» историческими материалами, Гедройц с 1962 г. начинает издавать «Зешиты хисторичне» [«Исторические тетради»], редакцию которых возглавил он сам (при его жизни вышло 133 номера журнала).

Согласно воле Гедройца, «Культура» перестала выходить с момента его смерти — в октябре 2000 г. появился последний, 637-й номер, частично подготовленный еще Редактором («Зешиты хисторичне» выходили до 2010 г.). Но Институт остался. Руководство над ним Гедройц передал Зофьи Герц (которая осуществляла эти функции до смерти в 2003 г.) и своему брату Генрику, который — после смерти Герц — руководил Институтом до 2010 года. Его преемником стал Войцех Сикора, доныне выполняющий обязанности директора. В соответствии с планами Гедройца, Институту отводилась роль, в первую очередь, архива и библиотеки. Не менее важно было для Редактора то, чтобы Институт по-прежнему добывал деньги, позволяющие проводить в Мезон-Лаффит исследования. Сегодня уже можно с полной ответственностью сказать, что пожелания Гедройца и его сподвижников исполняются.

Дом «Культуры» воистину становится местом открытым и всё более доступным для каждого. Известный посетителям Мезон-Лаффит гостевой павильон в саду преобразован в современный архив и библиотеку — сам дом для этих целей не годился, он сейчас представляет собой музей. В павильоне по-прежнему есть комнаты для гостей, а также репрографическая лаборатория высочайшего уровня и маленький читальный зал — всё в соответствии с мечтой Гедройца, хотевшего, чтобы

дело его жизни могло служить другим людям. В этом здании оборудовано место для хранения 400 метров документов, книг, журналов и т.д. — в Институте собрано почти 180 погонных метров рукописей и печатных документов, ценных, прежде всего, для культуры Центральной и Восточной Европы. Это собрание — результат необыкновенной заботы Гедройца о сохранении наследия прошлого. Его чутье в области документирования заставляло, в частности, комплектовать многие, нередко специализированные и, казалось бы, чуждые его интересам журналы. Он с особым удовлетворением отмечал также наличие богатой коллекции энциклопедий на разных языках.

В собраниях Института хранятся произведения искусства, звуковые материалы, фотоснимки, музейные экспонаты. Существенная часть архива — корреспонденция Ежи Гедройца (сегодня уже известно, что она насчитывает более двухсот тысяч писем). Все свидетельства Редактор собирал с впечатляющей тщательностью и последовательностью — сам он писал всегда под копирку. Среди накопленной им документации находятся также бумаги, на которые Редактор наложил 25-летний запрет публикации — частично они касаются личной жизни, которую он очень оберегал.

Наследие Института высоко оценило ЮНЕСКО, внесшее его коллекцию в список «Памяти мира» в 2011 году. С 2009 г. обработкой архива и полной инвентаризацией в Мезон-Лаффит занимается коллектив архивистов, собранный из сотрудников Национальной библиотеки и Главной дирекции государственных архивов. Эти работы финансируются польским министерством культуры. Инвентаризация близится к концу. Институт получил финансовую поддержку и от премьера Польши, который выделил сто тысяч евро на замену окон в доме «Культуры».

Главная цель «Общества Литературный институт «Культура» — постепенно сделать коллекции общедоступными — будет реализована благодаря ряду запланированных публикаций. Будут использованы также возможности, открывающиеся при использовании новых технологий. Создается интернет-сайт, который, вероятнее всего, будет готов в 2014 году. На нем появится база данных всего архива Института, а также выпуски «Культуры» и «Зешитов хисторичных» за все годы (с возможностью поиска). Кроме того, планируется предоставить на сайте доступ к собранным Гедройцем вырезкам о «Культуре» (143 тома — более 123 тысяч позиций), подборке фотографий (их более 5 тыс.), части корреспонденции и постоянно

добавляющимся текстам, посвященным окружению «Культуры». Более дальняя — но уже выразительная — перспектива предполагает перевод текстов сайта на русский, французский и английский языки. Текущую информацию, относящуюся к Институту, можно найти на портале Facebook и интернет-страницах «Польского радио».

Перспективам электронного доступа к коллекциям Института сопутствуют обширные издательские планы. Они предусматривают продолжение запланированной Редактором серии «Архив „Культуры”». До сих пор в ней вышло 12 томов (в том числе, 7 при его жизни): упомянутая выше «Автобиография в четыре руки», а также корреспонденция Гедройца с Витольдом Гомбровичем (два издания), Константином Еленским, Анджеем Бобковским, Ежи Стемповским, Юлиушем Мерошевским, Мельхиором Ваньковичем, с несколькими украинскими авторами, а также три тома переписки с Чеславом Милошем. В соответствии с планами Гедройца, вскоре выйдет его переписка с польскими писателями, жившими в Народной Польше (Стефаном Киселевским, Теодором Парницким, Витольдом Едлицким), а также очередные разделы корреспонденции с Лондонцем — Юлиушем Мерошевским. Запланирована публикация писем Зофьи и Зигмунта Герцев к Редактору, а кроме того, вне серии, выйдет обширная переписка Гедройца с Герлинг-Грудзинским.

В настоящее время руководство Института пытается продлить — заканчивающееся уже — финансирование проекта архивизации до 2017 года. По сообщению Войцеха Сикоры, министр настроен положительно. Будем надеяться, что Гедройц — редактор прошлого — станет также редактором будущего времени.

ВНИМАНИЕ! КУСЬМЕРЕК

Поезд отправлялся из Варшавы после комендантского часа. С утра они были в Кракове. Два раза в неделю доставляли подпольные агитматериалы Польской рабочей партии на улицу Баштовую.

Они садились на берегу Вислы и смотрели в сторону гор. Разговаривали о прекрасных городах, которые будут построены после войны, о том, что она покажет ему горы. В любви друг другу не признавались. Они говорили, что незачем откладывать жизнь «на потом», и что они всегда будут вместе.

В 1991 г. в послесловии к сборнику своих репортажей он написал: «[...] когда мне было семнадцать лет, я познакомился с девушкой, без которой не знал бы, что делать с жизнью».

Руки как лопаты

Запись 1985 года. Юзеф Кусьмерек ерошит бороду.

— Я считал, что дальше так продолжаться не может ...

Это история о бунте мальчика, который в конце тридцатых годов прогуливается по улице Краковское предместье среди «самодовольной варшавской буржуазии», проходит мимо шикарных кафе и меховых магазинов, и спускается по склону вниз, в нищий район Повисле. «Чернейшая бездна» — напишет он об этом спустя годы. Он родом из другого мира — из мира богатых. Ученик эксклюзивной частной школы на Новом Свете. Дома, рядом с Замковой площадью, ему случается быть свидетелем бурных встреч отца со сторонниками Польской крестьянской партии (ПСЛ). Мальчик впитывает беспокойные настроения того времени.

Запись 1996 года. Янина Кусьмерек в узорчатой блузке, со старательно сделанной прической:

— Я решила, что должна ассимилироваться окончательно, чтобы не разрываться на две части — еврей, не еврей...

Это история о девочке из Лодзи, которая в конце тридцатых годов живет одновременно в двух разных мирах. Бабушка с дедушкой празднуют еврейские праздники. Родители ассимилировались. Девочка живет с мамой и домработницей в

современном доме на улице Костюшки. Ходит в школу, которую опекает лево настроенный городской совет. Там учатся дети врачей и водителей трамваев, из еврейских и католических семей.

— Я не чувствую себя еврейкой, — скажет она спустя годы.

Во время первомайской демонстрации на ее глазах в шеренги социалистов врзается колонна националистов с криками: «Евреи на Мадагаскар!». Отец очень переживает из-за аннексии Заользья^[1]. Девочке передается его тревога.

Янина взвешивает каждое слово, ее рассказ сдержан. Юзеф подгоняет слова руками, как лопатами, его история несется с грохотом, как горная река.

Не отрываясь от земли

«Краткий, смелый, конкретный, грубоватый и шумный» — пишет о нем Ежи Урбан, познакомившийся с Кусьмереком еще до кризиса 1956 года, который позже назовут «польским Октябрем». Рассказывает Урбан:

— Он ехал собирать материал, привозил текст, но не переставал интересоваться темой — принимал ее по-настоящему близко к сердцу, сочувствовал человеческом несчастью. У него случались запои. Все знали, что он берет деньги авансом, но в сроки не укладывается, поэтому авансов ему не давали, а потом он приносил отличный текст, и снова получал аванс.

Из «Трибуны дольносьленской» его увольняют в конце 1946 года за небрежное отношение к работе. Из «Хлопской дроги» — в марте 1949 г., за дисциплинарные нарушения. Вскоре после того он уходит из «Газеты роботничей» с рекомендацией «ненадежный». Но у этих увольнений есть и вторая, скрытая причина. «Его насмешливая критика носила ярко выраженный пораженческий характер» — сообщает коллега Кусьмерека по редакции на партийном допросе во Вроцлаве в 1952 году. Из «Культуры» его выгонят в 1979 году за отчет об угрожающем состоянии экономики.

Рассказывает Адам Михник: «У него была репутация человека на особых правах, вроде как у Стефана Киселевского, которому власть позволяла больше, чем остальным. Настоящий. В нем было что-то от истинного пролетария, трудяги с характером.

— Заросший, экзотический, с сумкой-мешком, он выглядел как бродячий торговец, — говорит Малгожата Шейнерт. Они

вместе работали в «Газете выборчей». — Мы не были дружны. Он относился ко мне как к человеку, который не знает настоящей жизни.

— Коллег-репортеров он подразнивал: «На два дня поедете, текст сляпаете, а надо изнутри брать!» — вспоминает Юлиуш Равич (сотрудник «Выборчей» с 1989 г.), который познакомился с Кусьмереком в 1970 г. в редакции приложения к газете «Жиче Варшавы». — Сам брал командировочные и пропадал на три месяца. Скандалы в бухгалтерии были страшные: он приносил кипу грязных бумажек, из которых следовало, например, что он ехал из одной деревни в другую на телеге за 5 злотых. Но материал привозил отменный. И обзывал нас оторванными от жизни идеалистами.

Его сфера деятельности — захоlustье. Миссия — поиск абсурда. Метод — не отрываться от земли, без всякой психологии, факты и детали. Его программа, а может быть, мания — изменить мир.

«Уездный Бальзак» — напишет о нем рецензент.

Разругавшийся и с партией, и с редакциями Кусьмерек обычно перебивался без постоянной работы.

У него были знакомства на всех уровнях — от президента до кучера. Его затрапезное пальтишко мелькало и в кабинете министра, и в литературном салоне, и в клубе ветеранов, и в тюрьме, и в курятнике, и в хлеву. Он знал, что такое убить человека, перераспределять землю «помещиков» или поехать «в поле» после инфаркта. Грузный медведь, которого поддерживала хрупкая Янина.

Купец-еврей, купец-христианин

Лодзь. Родители девочки развелись, но она сохраняет близкие отношения с отцом. Леон Шапиро — торговец, владелец бумажного склада. Блондин с голубыми глазами, хорошо говорящий по-польски. Во время войны он останется на арийской стороне и будет спасать дочь.

Брат отца, Ежи, — известный социалистический деятель, пишущий отчеты о заседаниях сейма в газету Польской социалистической партии «Роботник», варшавский корреспондент «Нью-Йорк таймс». В 30-х годах он становится совладельцем придерживающейся левых взглядов газеты «Курьер цодзенны 5 гроши» и заведует этим изданием, пока оно не попадает под влияние Санации^[2]. В Англию он уедет еще

до начала второй мировой войны. После смерти Леона именно он будет, используя свои обширные связи, спасти племянницу.

Варшава. Ян Кусьмерек, отец Юзефа, в 1914 г. окончил сельскохозяйственное училище в Пщелине, новаторское учебное заведение, устроенное по образцу шведских и датских народных школ. В те времена туда приезжали с лекциями Абрамовский и Кшивицкий, выдающиеся общественные деятели радикально левого толка, народники и просветители. В 1927 году, когда родился Юзеф, Ян покупает в Медзешине под Варшавой хозяйство. На пятнадцати гектарах он основывает садоводческие питомники, учит крестьян консервации и переработке, занимается оптовой торговлей сельхозпродукцией. Становится заместителем председателя Христианского союза торговцев. Во время войны на своей даче на Саской Кемпе он спрячет Вишневскую, дочь еврея, торговца зерном с улицы Маршалковской.

В тридцатые годы Бронислава, мать Юзефа, владеет тремя закускими в Старом городе.

Брата отца сажают за коммунистическую деятельность. Слово «коммунизм» звучит для мальчишки как волшебная музыка.

Ненужный осадок пессимизма

«Не будет у нас никакого капитализма «с человеческим лицом», — писал он в 1992 году в одном из своих последних текстов, — «который позаботится о тех, кто зарабатывает меньше всех [...], обеспечит счастливую старость ветеранов труда. Такого капитализма не существует».

— В его взгляде на мир сказывалось то, что он был репортером до мозга костей, — вспоминает Янина Янковская, радиожурналист, деятель демократической оппозиции, в свободной Польше — председатель программного совета Польского радио. Они познакомились в 70-х годах. — Независимо от эпохи, от своей принадлежности к ППР или к милиции, он всегда умел увидеть человека, оказавшегося зажатым между властью, системой и личными проблемами. Название его первой, вышедшей в 1951 году книги — «Внимание! Человек!» — характеризует все его творчество.

Кшепицы, Бжезины, Маршовицы... Эту провинциальную Польшу населяют персонажи на первый взгляд отталкивающие, жертвы революции.

Теофила Адахова берет займы у богатых крестьян, ее хозяйство приходит в упадок, она начинает пить. «Я увидел все [...] несчастье этой женщины. Я с трудом удержался, чтобы не дать Калину в морду, когда он на мой последний вопрос о деталях аренды ответил: «Могла работать так, как я...».

Леону Завидовскому не дает жизни местный диктатор, нелегальный перевозчик товаров с Возвращенных земель^[3], который умеет уживаться с властями. Кусьмерек доносит обо всем службе безопасности. Секретаря ПОРП^[4] повета он спрашивает напрямую: «А где была партия?»

В Польше царит сталинизм, и таких вопросов еще никто не задает. Из-за репортажей «Нищета Адаховой» и «История одного коня» партия признает книгу вредной, а Кусьмерека — автором, чье творчество которого оставляет «ненужный осадок пессимизма».

Он не разглядел силы строя, который «вырывает почву из-под ног деревенского эксплуататора», — утверждает «Трибуна вольности». Общественные отношения в деревне он представил «объективно неверно», заявляет Роман Юрысь в «Трибуне люду». И поясняет: это «гомукловщина» хотела проводить политику усиления кулачества, но она была разгромлена. Кусьмерек «не поймет этих процессов без теоретических основ марксизма-ленинизма». (Вскоре Юрысь перейдет в группу журналистов-реформаторов).

Мнение центрального органа ПОРП эхом разносится по литературной прессе.

Тадеуш Древновский пишет в «Новой культуре», что Кусьмерек видит «только старое, только отмирающее», что ему не хватает духа социалистического писателя. (Сам критик тоже утратит этот дух и в 60-х годах попадет в немилость партии). Анджей Киёвский в газете «Жиче литерацке» заявляет: «В нем слишком много от судьи, слишком мало от наблюдателя»; ведь партия уже справилась с правыми отклонениями националистического толка. (Писатель тоже будет сотрудничать с демократической оппозицией).

И все-таки нельзя было не заметить «Крепкий и благородный талант» Кусьмерека; критиков обезоруживает его «порывистое и нетерпеливое перо».

Адам Михник: «Он на полном серьезе проникся коммунистическими идеалами — эгалитаризм, народ, ленинская борьба с бюрократией. В нем было что-то от

коммунистов-революционеров. Борьба с реакцией, реформа сельского хозяйства, национализация промышленности, защита бедных от буржуев и капиталистов — это была его стихия».

Дом литераторов в Шлярской Порембе, первую книгу Кусьмерека хвалит известная писательница Мария Домбровская. Автор в ответ только хмыкнул. «Какой ужасный мужлан, — напишет она в дневнике. — А с виду — неврастеник в стиле фин-де-сьекль. Был с женой, малокровная дама, в очках, тип «домашней учительницы» времен моего детства».

Партия не накажет его за критику социалистического строя. Приближается Оттепель. Критики признаются, что книга была «палкой в колесо подхалимства» и «не в одной одурманенной голове» развеяла марево соцреализма.

Компаньон предал

Дом разбомбили. Кусьмереки в сентябре 1939 г. переезжают в Медзешин. В потоке беженцев из столицы взгляд Юзефа выхватывает женщину, в одной руке у нее ребенок, в другой — не узелок с вещами, не еда! — икона. Много лет спустя он напишет: «Я технократ и могу, пересчитав все как следует, перевести христианские ценности в материальные блага. Если 20% денежных средств, предназначенных на строительство новых костелов, передать на строительство домов социальной опеки, то в каждом воеводстве у нас было бы по 4 дома престарелых».

Под родительским кровом в Медзешине он проживет до 1941 года.

Дом на улице Костюшки в Лодзи занимают немцы. Сентябрь 1939 года. Янина и ее мама Анела переезжают к двоюродной сестре. В феврале 1940 г. начинается операция переселения евреев в гетто. Они бегут в Варшаву.

В октябре 1940 г. они переезжают в гетто, на улицу Свентоерскую. Янина учится по учебникам, которые привезла из Лодзи. Через здание суда на улице Лешно^[5] она иногда выходит на арийскую сторону к отцу, которого теперь зовут Станислав Левандовский. Земля горит у него под ногами, он едет в Краков. Летом 1941 г. Янина приезжает к нему.

Под фамилией Щигельская она учится и живет у сестер-урсулинок. Вероятно, они не знают о ее происхождении — у нее

«хорошая внешность». За интернат платит отец, который вместе с компаньоном держит магазин.

Однако компаньон его предал. Леона Шапиро отправляют в Освенцим, магазин достается компаньону. Платить за содержание Янины теперь некому, она возвращается в Варшаву и находит приют у свояченицы дяди, Ежи Шапиро, католички. В ее квартире на улице Трембацкой скрывается также и мама Янины.

В один прекрасный день мама — у которой очень «плохая внешность» — выходит из дому и больше не возвращается.

Не на жизнь, а на смерть

Они еще не знакомы, но живут рядом. Юзеф снимает комнату на улице Тломацкой. Если бы Янина пришла к нему в гости, она увидела бы пустые стены и пол, покрытый ковром из окурков.

Может быть, они сталкивались на улице в то лето 1943-го? Она — семнадцатилетняя, затерянная в толпе. Он — на полгода младше, в желтой кожаной куртке и высоких ботинках.

Вскоре они вместе будут возить подпольные агитматериалы.

В 1941 г. Юзефу удалось зацепиться в сельскохозяйственном училище на улице Панкевича. Сверху была школа — вход со двора, снизу — немецкие казармы, вход с улицы. Подходящее место для конспирации. Он дружил с Янеком Ласковским, отец которого был членом КПП^[6].

— В кошмарных условиях оккупации коммунизм возрождался как идея, — скажет он в семидесятых, подчеркивая, что его вступление в Гвардию Людову^[7] было неслучайным.

Он признается, что склоняется к «московской концепции», но не к сталинской. Читает «Историю Польской коммунистической партии в свете фактов и документов» Яна Альфреда Регулы, бестселлер с 1934 года. Он знает, что эта разоблачительная книжка на самом деле — провокация политической полиции, поэтому все отрицательные факты про партию трактует в противоположном смысле. Запоминает фамилии классиков марксизма. Вскоре вступит в ПРП.

Его ровесник Тадеуш Древновский, который в партию вступил сразу после войны, вспоминает, что именно ПРП многие в его поколении посчитали реальной силой, которая преобразит

страну, реформирует полуфеодальные структуры и позволит восторжествовать социальной справедливости.

Кузьмерек, 1985 г.: «Я искал такую идеологию, которая помогла бы осуществить мой бунт против нищеты».

Из училища на Панкевича его исключили за коммунистическую пропаганду. Он оказывается в сельскохозяйственном училище на Урсинове.

С начала 1943 г. активно участвует в Союзе борьбы молодых^[8] под псевдонимом Арнольд Гранце. У него есть велосипед — бесценная вещь в деле конспирации. Он распространяет прессу, пишет лозунги, расклеивает листовки. В парке Совинского в районе Воли его принимают в Гвардию Людову. В тот же день группа под его руководством разбрасывает листовки на Мёдовой.

Осенью в Гвардию вступает Янина. Она, как и Юзеф, работает в так называемой «технике», оба получают маленькие зарплаты.

Янина признается, что она еврейка. В начале 1944 г. они вместе снимают комнату. В 1947 оформляют отношения. До самой его смерти они будут вместе.

В интервью Янине Янковской, записанном в 70-х, он сказал:

— Наша любовь, которая зародилась тогда, была чем-то невероятно прекрасным, это была любовь не на жизнь, а на смерть, без всяких метафор.

По сто грамм — и порядок

Сложная любовь. Янина знает, что кроме дяди Ежи никто из родных не выжил. Ей хочется дома, стабилизации и детей. Их довоенную квартиру в Лодзи занял сторож. Юзефа тянет на Возвращенные земли. Их первая дочка родится в 1947 году в Кудове, вторая через два года во Вроцлаве. Им было по двадцать лет, они не дозрели до отцовства и материнства.

«Они были как огонь и вода», — рассказывает их дочь Эльжбета Хмеляж: «Отец — холерик, категоричный, домашний тиран с комплексом нехватки образования, которое он восполнял чтением. Мама — тихая, мягкая, культурная, с широкими познаниями в гуманитарной области. Она была его машинисткой, секретаршей, медсестрой, врачом — всем».

Она нянчит дочерей, а он обивает пороги редакций Нижней Силезии. Он неводержан на язык. Когда в скором времени

партия заинтересуется «делом Кусьмерека», ему припомнят каждое слово.

Из заметки начальника отдела кадров Рабочего издательского товарищества «Праса» вроцлавского Воеводского комитета ПОРП, 26 февраля 1952 года: хвастался, что во время войны провел ряд операций с товарищем Янеком Берутом, сыном президента. По отношению к партии настроен крайне критически. Провозглашал «какие-то свои теориейки», не совпадающие с ее линией. Буян «не без авантюризма», он шел своим путем, не слушая советов и считая себя гением.

Из материалов МВД (МСВ): в 1948-1954 гг. находился под наблюдением служб безопасности по причине контактов с проживающим на Западе двоюродным братом жены, который, как полагали, посылал Кусмерекам доллары и которого подозревали в шпионаже.

Из показаний Ирены Тарловской, главного редактора «Газеты роботничей»: намекал, что партия не хочет переводить его в столицу, потому что он «слишком много знает» о товарищах из ЦК.

Они возвращаются в Варшаву; живут в Мокотове, откуда в 1959 г. переедут в Медзешин. Часто не хватает средств, чтобы отправить детей на каникулы. А когда деньги появляются, он шикует. Спрашивает только: «Нравится? Покупаем». Янина работает секретарем Польского красного креста, корректором в «Прешглёнде спортивном», «Диалоге» и «Театре».

Кусьмерек пьет со времен оккупации.

«Операция закончилась, нервы у всех взвинчены», — рассказывает его соратник по конспиративной деятельности, Тадеуш Петшак, генерал в Главном штабе польской армии в ПНР, главный комендант Гражданской милиции, заместитель начальника МВД: «Заходим в кафе, по сто грамм — и порядок. После войны я приезжал в Медзешин выпить водки».

Эльжбета: «Вечные перемены настроения. Как выпьет, так крик и претензии. Зато потом — душа-человек. Начинал вдруг интересоваться семейными делами. Мы скрывали от него дату родительского собрания, потому что знали, что если он пойдет, то начнет строить учителей и выйдет скандал. Но это он показал нам радио «Люксембург», научил танцевать рок-н-ролл, слушать серьезную музыку. Благодаря нему мы узнали Польшу. Он любил наших друзей, без конца с ними разговаривал. Брал нас в Спатиф^[9]. А там были все ключевые

фигуры культурной Варшавы. Он блистал, а мы проклинали этот Спатиф, потому что знали, что будет пьянка».

Тереза Кусьмерек, дочь: «Это мамина заслуга, что он функционировал, несмотря на болезнь. В 60-х гг. ему первый раз вшили эспераль».

Эльжбета: «Мама жила с чувством вины перед нами, старалась оберегать нас. Вся тяжесть нашего воспитания лежала на ее плечах. На ней держался наш дом».

Они работают вместе — он диктует, она печатает на машинке. Негромко звучит классическая музыка. Янина ездит с ним «в поле», чтобы ему не приходилось возвращаться в пустую гостиничную комнату. Вечером он все ей рассказывает, это позволяет ему расслабиться. Домашние обеды длятся по два часа, потому что всегда есть о чем поговорить. Во время военного положения она возит ему посылки в изолятор в Бялоленку. Она же привезет его из последней командировки, из Познани.

Эльжбета: «От алкоголизма его вылечило военное положение. Он испугался, что под мухой может подписать все, что ему подсунут следователи. И не надо было никаких эспералей, он не пил до конца жизни».

Щука

В новогоднюю ночь с 1943 на 1944 год в варшавской квартире на улице Твардой идет заседание Крайовой Рады Народовой^[10]. Это зародыш послевоенного правительства, самопровозглашенный парламент, коммунистическая узурпация. Для сохранения видимости плюрализма привлечены также деятели не из ППР. Председателем Рады назначен Болеслав Берут, заместителем председателя — социалист Эдвард Осубка-Моравский.

В 80-х гг. в судебных папках на машинописный дневник Осубки наткнулся Яцек Куронь, который так рассказывал про это дело: «Коммунисты [...] предложили, чтобы он организовал им встречу с группой социалистов. Собрал их в новогоднюю ночь, не сказав, в чем дело. Когда оказалось, что речь идет о Крайовой Раде Народовой, социалисты хотели выйти. Им сообщили, что это невозможно [...]. Начальником охраны коммунистов, выставленной Гвардией Людовой, был Юзеф Кусьмерек [...], который подтвердил, что до утра никого не выпустит».

В эту ночь Кусьмерек был техническим, а не боевым руководителем операции. Он приводит на место встречи группу представителей Союза польских учителей. Он не отдает себе отчета в том, какой характер носит собрание.

«Я не чувствовал на себе тяжести истории», — скажет он впоследствии.

Стефан Киселевский рассказывал, что Кусьмерек стоял с пулеметом на страже у выхода. Сильный мороз. Сверху доносятся слова тоста. В пересказе Киселя: «Тут он говорит: „Я пришел в ярость, что за дела, ни капли водки... Поднимаюсь наверх, постучал, мне открыли [...], а я: — Товарищи, а может быть ... И вижу, что стоит гробовая тишина и все смотрят на этот мой пулемет...”».

Он не стоял на выходе.

«Мы сидели на кухне и облизывались, ребята проголодались. Говорят: „Арнольд, два часа ночи...”. Тогда я вошел на это собрание, пользуясь моментом, когда вносили блюда. Ну и, может быть, как-то неловко выразился...» — рассказывал Кусьмерек.

Он бесцеремонно забирает блюдо со щучкой прямо из-под носа Владислава Гомулки.

После смерти Кусьмерека его друг Александр Вечоровский напишет: «Своими рассказами, идеально драматургически выстроенными, с подчеркиванием собственной роли [...], Юзеф умел обвести вокруг пальца даже искушенных историков».

Зачем ему понадобился миф Твардой? Зачем он регулярно напоминал своему начальству о дружбе с Гомулкой и Берутом? С какой целью ронял иногда: «Берут так и не отдал мне плащ...»? И случайно ли его книга «Рассказы репортера» (1954) открывает текст под названием «Плащ», из которого следует, что после войны Берут прислал ему денежный перевод из Бельведера — за плащ...

Вспоминает Ян Хылинский, сын Болеслава Берута, выполнявший два боевых задания вместе с Кусьмереком: «Всю историю с плащом он выдумал. После войны мне не раз пришлось себя сдерживать, чтобы не дать ему в морду. С отцом мы никогда о нем не разговаривали».

«У него была слава любимца партии», — говорит журналист Стефан Братковский; они познакомились в 1957 г. в редакции

«По просту»: «Аппаратчики его боялись, поэтому не тронули его за эту „Нищету Адаховой”».

Михник: «Боялись его острого языка — он мог сказать о министре, что это горе-работник».

Равич: «Да, он был под защитой, но старых товарищей по партии сменили молодые. Для них он уже был врагом».

Разочарование

«Дело Кусьмерека» началось, по всей видимости, по доносу. В его папке, созданной Центральной комиссией партийного контроля, есть заметка от 10 марта 1951 года: «тов. Касман — аноним. Ю. Кусьмерек — [...] талантливый [...], был исключен, проверить его. Тов. Касман хочет взять его на работу». Леон Касман — главный редактор «Трибуны Люду» и высокопоставленный партийный чиновник; «тов. Касман снова интересуется — написано в заметке от 16 февраля 1952. — Позвонить в ВККП Вроцлава». Идет следствие: почему Кусьмерек не состоит в партии?

Братковский: «Он сдал свой билет в 1949 году. Широкой публике об этом не было известно, но если это делал человек с таким прошлым, то это был демонстративный жест. Я думаю, что дело было в разочаровании — он понял, что страной правит не партия, а службы безопасности».

Михник: «Его верность коммунистическим идеалам довела его до конфликта с коммунистической диктатурой».

В биографиях и личных анкетах Кусьмерек неизменно сообщает только одну дату — вступил в ПРП в марте 1944 г. Остальное варьируется. Состоял до 1945-го, до 1948-го, до 1949-го (в ПОРП), вышел в 1947... Заметка вроцлавской партийной ячейки: «Во время смены билета [после так называемого объединения ПРП и ПСП в 1948 г.] он по нерадению не обменял билет даже тогда, когда его хотели отправить в школу при ЦК, по причине чего не был принят».

Он будет публиковаться в «Трибуне Люду», но не вступит в ПОРП. И в «Солидарность» тоже не запишется. Из Союза польских литераторов выйдет после Марта^[11].

Во вступлении к своей последней книге «Присутствующий» он пишет: «Одни хотели задеть меня, напоминая, что „ты сам за это боролся”, другие — обидеть, говоря, что я „предал боевых

товарищей”. [...] А я знал одно: главное — это не предать действительности, описать ее так, как я ее вижу».

Пагубное чувство божественности

Спецгруппа командования Армии Людовой, куда Кусьмерек переходит в 1944 г., занимается мокрыми делами. Генерал Петшак, попавший тогда в другое элитное подразделение, батальон «Чвартаков»^[12], объясняет: «Он оказался среди проверенных, среди самых отважных. Они ликвидировали агентов, полицейских, немцев. Тот, кто выполнял такие задания, пользовался уважением. Кусьмерек уже и раньше показал себя лихачом. Я был его подчиненным в операции на площади Нарutowича в 1943 году. Он тогда убил полицейского, мы добыли оружие, но это был произвол. Потом нам за это досталось».

С Хылинским они должны были взорвать поезд в Марках. Не удалось. Один из ребят погиб. Хылинский считает, что Кусьмерек не подготовил операцию должным образом.

В записи 70-х гг. Кусьмерек говорит: «Это было большое и страшное приключение, но не самое важное в моей жизни. Тогда взрывали поезда, стреляли, хотя я и был противником «детонации». Но я прекрасно понимаю эмоции, которые вызывает звук выстрела — эту отдачу, которую чувствуешь в руке, эту силу! Это будоражит».

В пустом детском саду на улице Сузина он учил ребят обходиться с автоматом. Вместо мишеней — куклы. Hande hoch! Он показывает, как надо пригнуться, чтобы автомат свободно висел под плащом. «Правая рука на прикладе, левая на магазине и [...] тра-та-та!»

Запись 1985 года: «Мне, шестнадцатилетнему мальчику, дали пистолет и разрешили убивать. Это отрицательно сказалось на моей психике. В 1945 году мы были моральными преступниками. Для нас жестокое обращение с человеком, убийство были нормой. Меня до сих пор это угнетает! Подкладывая мину, я понимал, что на локомотиве, который сейчас взлетит на воздух, едет двое незнакомых мне поляков. «Это война» — объяснял я себе».

Дальше он говорит о пагубном чувстве божественности. О состоянии, близком к бандитизму. О деморализующей безнаказанности.

Ежи Урбан: «Я вижу его в журналистском баре. Выпив, он говорит о вещах, которые тогда казались опасной ложью: что сообщество Гвардии Людовой и ПРП сотрудничало с гестапо. Он орет на весь зал: «Сукины дети! У меня есть документы!». Люди в шоке. Это было до оттепели 56 года».

Запись 1985 года: «В 1945 году я поднялся очень высоко. Но у меня не было аттестата зрелости, хотя я и так был эталоном образованности по сравнению с другими. Я говорю Зосе Гомулко: «Надо, чтоб люди шли учиться», а она отвечает: «Партия — это не детский сад, товарищ Кусьмерек».

В марте 1948 года Гомулка, первый секретарь ЦК ПРП, получает письмо от Эдвина Розлубирского, бывшего заместителя командира Чвартаков по боевой части. В своем шокирующем послании автор описывает послевоенное падение солдат батальона, этих отборных, «готовых на все» молодцев, которые теперь оказались «на прямом пути к полной потере человеческого облика. О них не позаботился никто».

Офицером по просветительской работе была «Оля» — майор Хелена Козловская, которая раньше занималась политическим образованием Кусьмерека, Янины и других молодых конспираторов. После войны она руководила отделом пропаганды ЦК ПРП. Когда Розлубирский обратился к ней с просьбой помочь вытащить из болота его солдат, она отрезала: «Из них и так вырастут бандиты. Больше ко мне не приходите».

Кусьмерек опишет ее в пьесе «Год 1944».

Они с Яниной обещали друг другу, что не будут вспоминать войну, потому что эти воспоминания ни к чему хорошему не ведут.

«Он был резко настроен против фронтовой риторики», — рассказывает Равич. — Говорил: «К чему вся эта болтовня о Гвардии Людовой! Нас там было двадцать человек, и один пистолет на всех. У меня».

Прямо как в кино

Когда Янина Янковская просит его рассказать о эффектных операциях, Кусьмерек не вспоминает ни о Твардой, ни о пулеметах, ни о поездах, которые взлетали на воздух под Целестиновом или Мендзылесем. Он взволнованно описывает, как без единого выстрела спас жизнь Янине.

Ее краковские документы вызвали подозрение у полиции. Юзеф знал, что пока ее держат в комиссариате, есть шансы на

выкуп. Он собирается совершить быстрое нападение на военный склад трикотажа, чтобы получить деньги. Руководство не дает согласия. Время идет, Янину уже перевезли в «трамвай»^[13] на Шуха. Посредник повышает цену. Янек Ласковский, отец и друзья собирают необходимую сумму. Ребята с Воли проверяют посредника — он оказывается агентом криминальной полиции, у него есть маленькая дочь. В кафе на углу Маршалковской и Алей Иерусалимских происходит такой диалог:

Агент: — Это может затянуться...

К.: — Но ведь к трем часам дня, когда ваша Алина выйдет из школы, вы уже будете в курсе, что и как?

— И он понял, что он у меня на крючке, — рассказывает Кусьмерек журналистке. — Он отвел полу пиджака и показал пистолет. Я отвел полу и показал свой. Мой был большего калибра. Прямо как в кино ... Это и была та эффектная операция.

На другую сторону

Трактат о мешках 1975 года — это рассказ о «самой дурацкой работе» — о том, как переносят товары на спине. Это также и разоблачающая карикатура действительности ПНР. Кусьмерек ездит по Польше и исследует все типы предприятий, которые упаковывают свои продукты в мешки. Гречка, цемент, мука на спинах трехсоттысячной армии носильщиков. «Мешок давит человека, — бьет он тревогу. — Нельзя решить вопрос мешка, не коснувшись проблемы железнодорожного транспорта, [...] торговли и сбыта, ба, даже международной политики».

«Мою войну с мешком» публикует еженедельник «Культура». После прочтения знакомый приветствует его словами: «Ах ты, сумасшедший!»

Тереза Кусьмерек: «Он гордился, когда в Польше появились контейнеры, а паллеты привели его в восторг. Он такие видел в Швеции».

Кусьмерек специализируется на экономической тематике. В начале 70-х становится важным сотрудником «Жича и новочесности» Стефана Братковского, журнала со смелой экономической позицией, разогнанного властями в 1973 году.

«Тексты Кусьмерека приводили партию в ярость», — вспоминает Юзеф Тейхма, тогдашний секретарь ЦК.

«Он был специалистом по сельскому хозяйству», — говорит Анджей Целинский, в то время деятель демократической оппозиции: «Кто из нас отличал тушу от живого веса? А он отличал. И держал в голове статистический ежегодник».

Кусьмерек был не только теоретиком — у него был опыт ведения хозяйства в Медзешине, эпизоды разведения уток, гусей, свиней, посадки кукурузы (не слишком удачные).

Он занимается проблемами нехватки веревок для сноповязок, мелиорации, цен на молоко, водного транспорта; пропагандирует идею канала Одра–Дунай и т.п. Выразительный, ироничный, вызывающий раздражение. Когда его спрашивают: «А кого вы, Кусьмерек, собственно, представляете?», он отвечает: «Научно-техническую конференцию в одном лице». Когда его упрекают в пессимизме, он неизменно парирует: «Я там был!». Один из оппонентов — уже в свободной Польше — в ярости напишет: «Чтения Кусьмерека мне следует остерегаться как маринованных грибов, сигарет и спирта натошак».

Янковская: «Я тоже ездила по стране и видела, что его репортажи передают то, что я чувствую, глядя на Польшу. Когда он сталкивался с бессмысленной деятельностью, с глупостью, порчей этого мира, он тут же хотел все исправить. Его критика была не идеологической, а практической. Даже тогда, когда он боролся с коммунизмом, в нем не было ненависти. Он был готов к диалогу со всеми».

В 1978 году Кусьмерек вступает в дискуссионный клуб «Опыт и будущее». Это центр критической и реформистской мысли, сторонящийся, однако, ярлыка «оппозиции». Здесь собрались выдающиеся специалисты разных областей, которые питают надежду на эволюцию режима.

Приходит «зима века» — 1978–1979. Все парализовано. Кусьмерек пишет экономический труд «О чем я знал». Он решает, что об упадке страны нельзя молчать. «Кто-то на одну карту поставил не просто достижения, но всю историю цивилизации нашего народа».

Михник: «Он не занимался абстрактными рассуждениями о независимости и демократии, а говорил: это не работает, это не работает, и это не работает — ничего не работает!»

«Мы стоим на пороге очередного, самого важного структурного потрясения».

И хотя он уверяет, что его критика — не оппозиционна («Можете прочесть любую работу о Гвардии Людовой или Армии Людовой — вы найдете там мою фамилию»), на сей раз заклинание не срабатывает. «Культура» отказывается от текста и увольняет автора. Статью берет Ежи Путрамент, главный редактор «Литературы», но ее не пропускает цензура. В интервью Путрамент говорит: «Кусьмерек берется за политически важные темы, но у него нет политической подготовки. [...] Я знаю его 25 лет. У него все всегда начинается многообещающе, но всегда ему чего-то не хватает. Журналист, который разводит уток — в этом есть идея, но нет завершенности».

И тогда Кузьмерек перешагивает на другую сторону своей биографии. Он хотел коммунизма, с оружием в руках и в милицмейской форме защищал новую власть, в качестве чиновника Министерства общественной безопасности следил за порядком в Лодзи. А теперь переходит на сторону оппозиции.

Янковская на своем крошечном фиате везет в Медзешин Михника и Куроня. Разговор о Польше ведется в клубах сигаретного дыма. Номер подпольной «Критики» с текстом «О чем я знал» расходуется на ура.

Я — вооруженный пролетариат

Тадеуш Конвицкий в рецензии на пьесу Кузьмерека «Год 1944», основанную на автобиографических мотивах, пишет: «Он вспомнил, что ведь эту власть он сам и создавал, что в 1944 году собственным телом отогревал ее слабую жизнь». Варшавская премьера состоялась в ноябре 1954 года. Вскоре пьесу поставили во Вроцлаве, а осенью 1968 — в Олыштыне.

Главный герой пьесы — Богдан, молодой комендант отделения милиции.

«Через линию фронта прорвались двое солдат Армии Людовой и застыли в живописной позе, как с рисунка Гроттгера», — пишет в рецензии Ян Котт. Кузьмерек и Янина переходят линию фронта 11 августа 1944 года. В Гарволине читают первые плакаты ПКНО^[14]. Командированный от армии Юзеф становится заместителем коменданта районного отделения милиции в Минске-Мазовецком. Занимается переделом собственности.

Богдан сообщает Графу: «[...] владельцы имений обязаны [...] поселиться за пределами повета». И дает ему сутки, чтобы покинуть дом. Граф — это командир Армии Крайовой,

отрицательный персонаж. «Кукла, герой совершенно стереотипный», — напишет о нем Котт.

В 1990 Кусьмерек опишет этот передел собственности в Глоскове, которым он занимался в качестве полномочного представителя ПКНО. «Хозяева были в ужасе. Мы, представители новой власти, не обращались с ними демократично. Демократия у нас предназначалась для мужиков из Глоскова. Я помню их заискивающие лица, наивные попытки получить лучший надел, уверяя нас, что они всегда были противниками Санаии и ненавидели помещика-эксплуататора. Они думали, что это убедит нас дать им лишние полморга.

Я перераспределял землю с полной уверенностью, что делаю доброе дело. Идея передела не была принесена на русских штыках и не родилась с ПКНО. [...] Это постулат старый как народно-освободительное движение [...]. Поэтому у меня не было угрызений совести, когда я отбирал землю у помещиков. И все-таки меня мучило беспокойство, смогут ли о ней позаботиться те, кому я ее передаю».

Участок Богдана навещает «Оля», прототипом которой была политрук Хелена Козловская, учившая Кусьмерека коммунизму. Спрашивает, как идут дела. «Руководжу, отдаю приказы, сажаю, провожу обыски, чертыхаюсь. Я вооруженный пролетариат...» — отвечает Богдан и ставит на стол водку.

Они спорят. «Оля», хотя и пьет с Богданом самогон, — героиня монументальная, «святая», воплощение теории и доктрины, железной линии партии. Богдан же — склонный к ереси практик.

Эльжбета Хмелаж: «Когда у хозяев отбирали лошадей и скот, отец уже понимал, что дело плохо».

Котт пишет о Богдане: «[...] это как будто отпечаток живого лица. В нем есть энтузиазм и застарелая горечь, рассудительность и легкомыслие [...], упоение властью и первое разочарование ею. [...] В нем есть молодость польской революции».

Ежи Помяновский пишет, что от пьесы «местами перехватывает дыхание», пишет о ее честном, смелом, суровом тоне, напоминающем кино итальянского реализма. Котт отмечает, что автору не хватает гуманизма, чувства трагического, упрекает его за стилистические несовершенства,

но несмотря на это считает, что пьеса трогает своей правдивостью.

В мае 1945 Кусьмерека направляют на должность референта в Управление безопасности в Лодзи, а затем в отдел охраны правительства как специалиста по оружию. Через несколько месяцев его увольняют со службы с пометкой: «Непригоден». Причина? Рассказывает антиправительственные анекдоты, занимается антисоветской и антидемократической пропагандой. За «недостойное настоящего члена партии поведение» в феврале 1946 года его лишают партбилета.

Человек прирастает к тексту

«Я был сталинистом [...] по убеждениям и по собственному выбору». Так начинается его последний сборник репортажей. Не у каждого хватит смелости сделать такое признание на второй год свободной Польши. И дальше: «Я был сталинистом, но могло ли быть по-другому?». Он не пришел с повинной. Он пытается понять собственную биографию.

В 1952 году он побывал в Новой Хуте. Его потряс ее размах. Он шагает по широкой аллее и гордится тем, что Луциану Басёру, крестьянскому сыну, удалось продвинуться по общественной лестнице и стать плотником «на комбинате». Пройдет три года, и Адам Важик в своей «Поэме для взрослых» назовет таких как Басёр биомассой, отбросами и люмпенами.

Кусьмерек таких слов никогда бы не использовал. В деревне под Ченстоховой он засучивает штанины, берет в руки вилы и выбрасывает навоз из хлева. «Ноги вязли в теплой, влажной жиже». Он взял на себя работу дочери хозяина, чтобы та могла поехать с классом в театр.

В 1954 году он публикует репортаж «Десять праведников» — о человеке, который имел смелость не поддержать нападок на директора предприятия по фамилии Гольдфарб. (Это был отзвук так называемого дела кремлевских врачей — антисемитской провокации Москвы).

Октябрь 1956 года. Кусьмерек с семьей обедает у литераторов. Вдруг шум, входят «люди в клеенке» — гебешники.

— Уходим, — говорит он и резко встает, оставив еду на тарелке.

— Оттепель оказала огромное влияние на отца, он расцвел, — рассказывает Эльжбета. — И был в отчаянии, когда Гомулка отступил от Октября^[15].

Собрание в «Клубе кривого колеса», январь 1957 года. Он говорит о том, что блокируется движение самоуправления, что скомпрометировавшие себя люди снова возвращаются на высокие должности, о растущем антисемитизме. В качестве примера приводит распространявшееся рукописное письмо по делу недавних выборов председателя Союза польских писателей: «Неужели вы, польские писатели, не могли выбрать кого-нибудь другого вместо еврея Слонимского?»

Март 1968-го. Кусьмерек на Гданьском вокзале прощается с друзьями, которые под давлением антисемитских нападок покидают страну навсегда. Янина, запись 1996 года: «Меня убило, что при таком строе могло произойти нечто настолько отвратительное».

«Я стояла в толпе на перроне рядом с Юзеком», — вспоминает переводчица и журналистка Ирена Левандовская: «Он был выпивши, провожал поэта Арнольда Слуцкого. Прицепили локомотив, вагоны подались на несколько метров назад. Юзек громко крикнул патрульным милиционерам: «С какого перрона отправляется поезд в Трешлинку?» Это были совсем молодые парни, и один из них ответил на полном серьезе: «Кажется, не с этого вокзала».

Когда перед Августом Кусьмерек принес репортажи в диссидентский «Информационный бюллетень» Комитета охраны рабочих, они озадачили редакцию.

«Читаю — и чувствую, что как редактор я бессильна, — рассказывает Иоганна Щенская. — Они были растрепанные, взъерошенные, но по-своему замечательные. Как будто человек прирос к тексту».

Август 1980-го он назвал религиозно-национальным карнавалом. Деятелей «Солидарности» считал несведущими в экономике. Он умоляет Леха Валенсу, чтобы тот позволил ему составить специализированные отчеты по отдельным направлениям народного хозяйства. В 1982 году публикует в Институте литературы Ежи Гедройца отчет «Состояние Польши».

Свой арест и время отсидки в Дарлувке с августа по сентябрь 1982 года он расценивает как «подарок небес». Развеивает мифы и провоцирует окружающих: это не место страданий, а шикарный зал ожидания. Его товарищи по заключению обижаются. Он выступает с монологами на тему Польши. Ходит шутка, что его соседи потребуют привилегий как участники

военных событий за то, что находились в одном помещении с Кусьмереком.

Он пишет менторские письма генералу Ярузельскому, премьеру Раковскому, в конце восьмидесятых — Михнику. Ни на одно письмо ему не ответят.

«Разговаривать с ним о стратегии — это была трата времени, потому что у него не было политического чутья, — признается Михник. — Он считал, что все знает лучше всех».

На заре свободной Польши он пророчествует: «Это будет этап великого разочарования, потому что люди голосовали за надежды, а этих надежд никто не в состоянии осуществить. Что будет потом? Эта большая стратегическая победа [...] растворится в маленьких тактических поражениях».

Не для себя

Он снова борется за права пострадавших — жертв трансформации и рыночной экономики. Следит за аферами — сигаретной, кредитной... Предостерегает: «Соотечественник! Погоня за дешевыми обещаниями — это твоя самая опасная болезнь». Аплодисментами и свистом на хлеб не заработаешь, будет нелегко.

«Он писал в этой своей манере — низы хорошие, верхи плохие — как будто все еще царила диктатура, но это уже была свободная Польша и верхи были наши — говорит Адам Михник. — В нем было что-то от польского смутьяна, но в благородном смысле слова, потому что он буянил не для себя».

И все-таки его поздние тексты утратили ту силу, которой были полны в 50-е и 60-е, силу наивного пыла, критики стали писать о них пренебрежительно, что это песенка масштаба повета, сельско-репортерская навязчивая идея, цинизм Хласко, урезанный под формат заводской газетки. Экономическая публицистика вытеснила репортаж. «Бард гмин и деревенских автобусов» превратился в эксперта. В его поздних текстах человек затерялся.

«После 1989 года я часто приглашала его на радио, потому что считала, что он как мастер своего дела не востребован, — говорит Янина Янковская, — и что его огромный репортерский опыт должен быть передан молодому поколению. Сегодня журналистов совершенно не интересует укрытая кровеносная система страны, разве что в форме скандала или сенсации. Они делают себе имя, описывая правительственную элиту, это их

«облагораживает». Я учредила премию имени Кусьмерека для репортеров, но она просуществовала только год».

Спустя четыре года после смерти мужа Янину попросили подвести жизненные итоги. Она отрезала:

— Я осталась одна.

Ее попросили сформулировать какую-нибудь главную идею. Она ответила коротко:

— Никакой идеи.

Название «Внимание! Кусьмерек» отсылает к названию его рубрики в «Газете выборчей».

Магдалена Гроховская. «Упражнения в невозможном». Изд-во «Велька Литера», 2012

Перевод Анастасии Векшиной

Примечания переводчика:

1. Восточная часть Тешинской Силезии, спорная территория между Чехией и Польшей, аннексированная Польшей в 1938 году.
2. Санация (от лат. *sanatio* — оздоровление) — обиходное наименование политического движения, возникшего в связи с провозглашением Юзефом Пилсудским лозунга «моральной санации» общественной жизни в Польше.
3. Бывшие территории Третьего рейха, переданные Польше после Второй мировой войны.
4. Польская объединённая рабочая партия
5. Здание суда на улице Лешно в Варшаве во время немецкой оккупации находилось на границе гетто и через него можно было сбежать или нелегально пронести продукты, лекарства и оружие.
6. Коммунистическая партия Польши.
7. Гвардия Людова (народная гвардия) — военная организация Польской рабочей партии, действовавшая в 1942–1943 гг. на территории Польши, оккупированной Третьим рейхом.
8. Союз борьбы молодых — подпольная антифашистская молодёжная военно-политическая организация Польской рабочей партии, созданная в 1942 г. в Варшаве.

9. СПАТиФ — Содружество польских актеров театра и кино.
10. Крайова Рада Народова (государственный национальный совет) — политическая организация, созданная во время Второй Мировой войны в качестве представительного органа национально-патриотических и антифашистских сил, с перспективой преобразования в парламент.
11. Политический кризис в Польше в 1968 г.
12. Один из батальонов во время Варшавского восстания, названный в честь четвертого пехотного полка Царства Польского, известного по участию в ноябрьском восстании 1830–1831г.
13. Общие камеры в здании полиции Гестапо на ул. Шуха, где арестованные ожидали допроса, назывались «трамваями» из-за похожего расположения лавок.
14. Польский комитет национального освобождения — временный (с 21 июля по 31 декабря 1944 года) орган исполнительной власти Польши.
15. Польский октябрь, он же октябрь 1956 года, он же октябрьская оттепель.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Люблю я писательский взгляд! Он бодрит воображение, не позволяет закоснеть в готовых схемах. Побуждает мыслить. На такой вот взгляд я попал в пространном интервью Ярослава Марека Рымкевича еженедельнику «До жечи» (№ 45/2013), снабженное рельефным заголовком «Кровь на сиденьях «Туполева»». У Рымкевича, надо сказать, в последнее время чутье на кровь тонкое: его недавнее стихотворение, опубликованное на страницах «Газеты польской», так и называется «Кровь» и высвечивает «кровь на перчатках Туска». И вот что в новой публикации разбередило мое воображение:

«Будет еще пятое событие, которое изменит судьбы поляков, и это будет распад Европейского Союза и полная перемена политической и этнической конфигурации в Европе. На обломках царства Карла Великого, Фридриха Барбароссы и Гитлера, на обломках европейской цивилизации, между Днестром и Темзой, между Стамбулом и Рейкьявиком, выжившие племена сформируют какую-то новую цивилизацию. Это будет огромный тектонический взрыв, но я, как ни хотелось бы за ним понаблюдать, до него не доживу, потому что пройдет еще много лет, покуда это случится. Похоже, на мой век не придется уже такого исторического события, еще одного исторического взрыва, который бы радикально изменил судьбы поляков, как изменил его тот самый взрыв, сделавший нас смоленской нацией». Остальные события, радикально изменившие нашу судьбу, по меньшей мере судьбу тех из нас, которых Рымкевич относит к «смоленской нации», — это Вторая мировая война, насаждение в Польше коммунизма, возникновение «Солидарности», и наконец — что уже очевидно — смоленская катастрофа.

Когда я читал приведенные выше слова, все никак не мог избавиться от впечатления, что мне на глаза когда-то уже попадалось нечто похожее. Что же? Вот оно! Слова Ежи Гедройца в книге бесед, записанных Барбарой Торунчик: «Вы знаете, я так себе думаю, хорошо бы было, если бы разразилась заваруха. (...) Новая мировая война. (...) Всё бы развалилось. Всё. И можно будет ездить от Ламанша до Ледовитого океана. На

тачанках. Хаос наступил бы невероятный. Думаю, что это будет анархическая революция. Вы можете уже видеть повсюду ее основы. Никакой идеологии. Бал станет править вся эта сегодняшняя молодежь, то, что у молодых в головах. Это будут страшные вещи. (...) Я уже видел несколько революций, несколько войн, так что, думаю, под конец стоило бы увидеть еще и это». Я сопоставил две цитаты и задумался: чем отличаются представленные взгляды? Мелочью, но существенной — чувством юмора. Рымкевич до смерти серьезен. И еще: Гедройцу, чтобы представить себе картину такого рода, не нужна была никакая катастрофа. Его увлекала игра воображения. Хотя, думаю, и Рымкевича увлекает: вот прямо вижу, как во время авторизации интервью он оттачивает текст, как лелеет каждое слово ... И не столько сама картина его увлекает, сколько форма, в которую он облачает свой взгляд, и сознание того, что именно эта форма станет литературной машиной времени: «Мы все одержимы одной мыслью: то, что случилось внутри «Туполева», может быть предвестием чего-то значительно худшего. Чего-то, что нас ждет. Всех ждет. Даже предвестием какой-то исторической катастрофы, многих исторических катастроф. А это значит, что смоленское дело изменило наше духовное состояние. Изменилось что-то важное в польской душе — возможно, поколебалась внутренняя уверенность, что если уж столько она выдержала, то выдержит всё. Возможно, это убеждение пошатнулось — или, может, иначе: рядом с ним возникло сомнение — если нас снова будут истреблять, если нас снова разделят, снова вторгнутся с двух сторон, если снова будут расстреливать на улицах, то мы этого уже не выдержим — и исчезнем. А когда уж польские раздумья идут в таком направлении, то страх подсказывает, что, возможно, лучше бы сразу исчезнуть, развеяться, раствориться, то есть лучше отказаться от польскости, чем принимать участие в польском историческом кошмаре. В польской душе — после Смоленска — мог появиться именно такой вопрос». Хочу подчеркнуть, что меня такого рода мысли не посещают, а вдобавок я испытываю определенные сомнения касательно реальности существования того, что поэт называет «польской душой». Что же это, собственно, такое? Уж наверняка не то, что, вслед за профессором Анджеем Зильбертовичем, повторяет бравшая у Рымкевича интервью Иоанна Лихоцкая: «Душа народа — это совокупность укоренных в сообщества форм автоматического реагирования на символы, лозунги, события, на иных людей, на иные сообщества. Они передаются из поколения в поколение, но при этом не обязательно осознаются в полной мере». И пусть Рымкевич считает, что это «очень хорошая социологическая дефиниция», у меня этот «автоматизм

реагирования» в качестве аспекта духовной активности все же вызывает определенное беспокойство. Ну, ладно, мне уже рассказывали и про «национальный инстинкт», и про «государственный инстинкт», — переживу и это.

Но раз уж речь зашла о социологии, стоит обратить внимание на интервью в № 12/2013 журнала «Новые ксёнки» (Новые книги), которое дал Войцеху Дмоховскому профессор Иренеуш Кшеминский. Беседа, озаглавленная «Благородные идеалы и трудная действительность», поначалу касается явления, которое называют первой «Солидарностью», то есть имеется в виду организация, действовавшая до введения военного положения. Кшеминский говорит: «В основе тогдашнего феномена лежало весьма искусное совмещение индивидуальных мотивов с общими целями, всё подчинялось определенным правилам, которые, впрочем, вырабатывались изнутри и неукоснительно соблюдались. Это было нечто, чего в современной Польше уже нет. (...) Поляки пришли к выводу, что нельзя думать о собственной карьере, о собственном успехе в отрыве от мыслей об успехе всей нации, гражданского общества, в котором ты живешь. Всеобщем стало убеждение, что одно с другим связано, что «недоразвитое» общество будет мешать двигаться дальше само себе. (...) Глубокая убежденность, что судьба стремящейся к собственному успеху личности связана с заботой об общественном благе, была необычайно важна. Из чего следовал логический вывод, что достойные граждане, то есть подлинные, активные члены общества, должны друг с другом дискутировать. Что именно общественная дискуссия проясняет картину ситуации и выстраивает приоритеты. (...) Очевидное желание некоторых членов партийной номенклатуры вступить с «Солидарностью» в дискуссию доказывало, что такой способ мышления не чужд и представителям власти. Подобная модель поведения, мне хотелось бы это подчеркнуть, находится в оппозиции к национальной повстанческой парадигме».

Военное положение сделало невозможным такой образ действий:

«Из этого факта выростала очень простая дефиниция политики. Настоящая политика — это не благородное, гражданское дело, а умение распорядиться силой. Исследования, которые я со своей группой проводил в течение последних лет, весьма выразительно показывают соответствующие изменения. Бывшие деятели и активисты «Солидарности» теперь сетуют: плохо, что движение было по-настоящему мирным. Лучше было бы, по их мнению,

подготовиться к силовой конфронтации. То есть спустя годы сомнению подвергается один из важнейших, в том числе и в моральном отношении, аспектов того мирного движения, каким была «Солидарность». (...) В Польше сегодня каждый волен сказать несусветную глупость. Но одновременно полностью исчезло то, что было характерно для «Солидарности»: уважение к любому говорящему. Ничем не ограниченной свободе слова не только не сопутствует уважение, но напротив: необычайно расширились границы того, что можно бы назвать приличием в дискуссии. Когда я вижу перед президентским дворцом на Краковском Предместье людей, которые, используя лозунги «Солидарности», кричат о правительстве измены, о премьере с окровавленными руками, о президенте, являющемся русским наместником, во мне кровь закипает. Это не размах свободы, это, я бы сказал, размах анархии, когда публично можно сказать практически всё обо всех и не опасаться какого-либо отпора со стороны других граждан. Меня ужасает дискурс, культивируемый сейчас в польской политике, когда при перестрелке обвинениями переходятся все границы приличия. (...) Видоизменился также такой необычайно важный элемент, характерный для «Солидарности», как неразрывная связь государственной независимости с индивидуальной свободой. Для части политиков и части общества (...) национальный интерес и так называемая национальная традиция стали краеугольным камнем общественной жизни и политики. Таким образом появляются «настоящие поляки», отличающиеся от остальных, то есть от не-поляков или не-совсем-поляков. А настоящий поляк, в соответствии с обновленной националистической традицией национал-демократов, подчинен Народу — конечно, Народу с большой буквы. И права должны иметь, прежде всего, эти «настоящие поляки». (...) Тем временем в Польше мы имеем дело с чем-то, что меня весьма беспокоит, напоминая о самых худших примерах такого рода. А именно: общественный конфликт предельно политизируется, приобретая формы, исключающие возможность согласия. Лозунги «настоящих поляков» предполагают, что соглашение с теми, кого называют «ненастоящими поляками», исключено. Противник становится врагом, смертельным врагом, победить которого можно только устранив».

На горизонте уже появились те, кто займется устранением «ненастоящих поляков» («настоящих», при случае, тоже). О них мы узнаем из озаглавленного «Волки на подходе» интервью, которое дал «Газете выборчей» кандидат наук Мирослав Трычик, занимающийся изучением бунтующей правой молодежи и употребляющий местоимения «мы» и

«они» — возможно, в силу возраста (год рождения 1977) — попеременно. На вопрос, с кем же борются молодые люди крайне правой ориентации, Трычик отвечает, что «с коммуной»:

«С системой. С тем, что ассоциируется с партийными аппаратными манипуляциями, с политическим капитализмом, коррупцией и семейным nepотизмом, с тем, что не позволяет почувствовать равенство возможностей. Такая «коммуна» — это общественные отношения, которые зародились от прежней системы и укоренились среди нынешних элит. (...) «Проклятые» — это революционеры, которые дозревают до революции, то есть до попытки изменить политическую, общественную действительность. (...) Это люди, родившиеся в 80-90-е годы, не только выходцы из небольших поселений, но и «образованная молодежь из больших городов». Мои бывшие ученики, ныне студенты, выпускники вузов. (...) В 90-е годы всех отправляли за высшим образованием, а снижение его стандартов должно было позволить выучиться большинству. И это хорошо, благодаря этому у нас выросло поколение, осознающее свои гражданские права. (...) При этом, однако, забыли, что образованный человек не может быть дешевым, у него высокая самооценка. Он рассчитывает на партнерское, достойное отношение со стороны государства, а получает работу, которая не оправдывает его ожиданий. (...) Я чувствую себя частью поколения, которое так много инвестировало в себя, но видит перед собой все больше перекрытых путей. (...) Молодые люди, с которыми я разговаривал, отдают себе отчет в том, что возможность их продвижения по службе вне политических, общественных или каких-либо иных систем и связей весьма ограничена. (...) Молодой, здравомыслящий человек, обращаясь к прошлому, видит, что Валенса за борьбу с государством сидел в тюрьме, а потом стал президентом. Дональд Туск, как болельщик футбольного клуба «Арка» (Гдыня) дрался с милицией, а теперь он премьер. Моральный урок, который из этого извлекается, не в пользу государственности или гражданственности, а в пользу революции. (...) Социализм уже был — и не оправдал себя. Что остается? Национальное христианство. Несмотря на то, что эти «проклятые» и не особо верующие, и не клерикалы, что живут они в партнерских союзах и добрачный секс для них в порядке вещей. (...) «Проклятые» в своем политическом выборе ориентируются на страны Латинской Америки и системы, созданные Пиночетом в Чили или правой военной хунтой в Аргентине. Опыт этих стран показал, что капитализм прекрасно развивается в условиях политической диктатуры, безо всякой демократии и

без соблюдения прав человека, достаточно, чтобы правление диктатора поддерживалось номенклатурой из проверенных на национальную чистоту капиталистов. (...) Они действительно уже организовываются. Национально-радикальный лагерь создает отделы разведки, контрразведки, появляются почти формальные структуры военного управления. Ведется обучение, они делятся на бригады. (...) Это уже настоящие, не боящиеся насилия революционеры. (...) Большинство «проклятых» пока в стадии революционера, который не знает, в какую сторону пойти. Им еще не предложили ничего, что было бы цельной программой и позволило вызволить их фрустрации. (...) Они верят, что только революция является эффективным способом достижения успеха. Инструментом, который может заменить старую элиту новой, их собственной. (...) Парадоксально, но в национальном государстве, которое защитит их от глобального капитала, именно они хотят быть новой номенклатурой. Они не против системы, которая их угнетает, они просто хотят достичь обещанного успеха. А потом хоть потоп. Они стремятся не к качественному изменению мира, а лишь к количественному. В этом смысле они очень близки фашистам 20-30-х годов или тем чилийским борцам, которые по трупам шли к своей цели».

Так хочется сказать: «А мне не страшно, потому что, пока эти парни и девушки устроят свою революцию, я, пожалуй, успею эвакуироваться туда, где лучше». Но дело в том, что эта волна поднимается не только в Польше. У политиков – ни у правых, ни, тем более, у левых — рецепта на спасение нет. Пожалуй, и в самом деле будет, как хотел Гедройц, до ужаса весело, ибо вот-вот возникнет интернационал националистов или что-то вроде парусной подводной лодки или демократического тоталитаризма. Мы ведь это уже проходили...

КАКИЕ ОНИ — ПОЛЯКИ, ИЛИ ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В «ПОЛЯНДИЮ»

Моя знакомая провела несколько лет во Франции. На вопрос, не сталкивалась ли она с какими-либо общепринятыми суждениями на тему Польши и поляков, она ответила, что скорее нет. Разве что, когда в обществе своих французских знакомых она начинала петь по-польски, те шутили: «О, Дорота опять поет песни о Папе римском!». Другая сценка. В Польшу приехали гости из Индии. В разговор о зиме вкрался ляпсус, и индусы вместо «снег» (англ. “snow”) услышали «змея» (англ. “snake”). Получилось, что зимой в Польше повсюду лежат змеи и нужно сгребать их лопатами с тротуаров. О том, как выглядит Польша и ее обитатели в глазах иностранцев, рассказывает документальный сериал „Polandia, there is a country in the middle of Europe” («Поляндия — это страна в центре Европы»), который показывают по интернет-телевидению WP.TV («Виртуальная Польша»).

Никакой политкорректности

Уже первый выпуск сериала (в 2010 г.) пользовался немалой популярностью у интернетной аудитории. Но всерьез о «Поляндии» заговорили годом позже, когда сериал получил приз на международном конкурсе интернет-проектов “W3 Awards” в Лос-Анджелесе. Не без значения оказалось и то, что «Поляндия» была первым продуктом польского медиа-рынка, который удостоился высокой оценки на конкурсе такого ранга. Особого очарования этой награде добавил факт, что в состав жюри, оценивавшего конкурсные проекты, входили представители таких медиа-гигантов, как HBO, Disney, Wired, Yahoo! или MTV. Ключом к успеху «Поландии» стали три слова: идея, простота и искренность.

Идея создания сериала отличалась той простотой, про которую говорят «все гениальное — просто». Каждый выпуск — непринужденный рассказ живущего в Польше иностранца, по-английски (всё идет с переводом на польский язык) комментирующего культурные и социальные различия между его родной страной и Польшей. Но это еще не всё. Иностранцы открыто говорят о том, что им у нас нравится, а что не очень,

что их удивило, а что потрясло, рассказывают всякие забавные случаи, которые произошли с ними в Польше. Они часто обращают внимание на такие детали и элементы польской действительности, которые нам кажутся очевидными (например, норвежка Вилде, смеясь над названием пирожного «негритёнок», объясняет, что в политкорректной Норвегии такого бы не потерпели). Характерная особенность этого проекта — неподдельная искренность участников. Если бы не это, сериал не слишком бы отличался от похожей продукции такого типа, которую можно увидеть на общественном телевидении, и в которой мнения иностранцев о Польше очень взвешены и позитивны. «Поляндия» дает возможность отойти от политкорректности и затронуть неоднозначные темы связанные со стереотипами или с тем, как поляков представляют за границей. Это темы, которые неизбежно провоцируют конфликты и часто вызывают бурные дискуссии на форуме программы.

Кто ты?

Казалось бы, по сравнению с Западной Европой иностранцев в Польше раз, два и обчелся. Но это не так. Конечно, до мультикультурной Великобритании нам еще далеко (хорошо это или плохо — вопрос, конечно, спорный), но и в нашей стране иностранцы не прочь поселиться, или хотя бы пожить некоторое время. В Польше живут люди со всех обитаемых континентов, и привели их сюда самые разные причины. Агнесе из Франции хотелось узнать страны Центральной и Восточной Европы. Нур приехал в Польшу из Сирии, чтобы написать магистерскую работу на тему сохранения культурного наследия. Его впечатляет быстрота, с которой была отстроена Варшава после Второй мировой войны, и он надеется, что его исследования помогут восстановить сирийские города после опустошительных войн (Нур родом из Алеппо, наиболее пострадавшего от войны города во всем мире). Вилде приехала, так как здесь смогла реализовать себя в качестве танцовщицы. Не важно, что в Польше она зарабатывает меньше, чем получала бы в родной Норвегии — она рада, что живет интересной жизнью и может заниматься любимым делом, развиваться как профессионал. Некоторые попали в Польшу случайно, просто повезло. Кумар признается, что всегда хотел учиться за границей, но выехать из Непала очень трудно. Приехать в Польшу ему помогла одна преподавательница Варшавского университета. Иорданец Омар играет на гитаре в нескольких польских металл-группах. Ему смешно, когда поляки во всех жителях Ближнего Востока видят террористов, а женщины допытываются, сколько у него жен и не в пустыне

ли он живет. Зато такие стереотипы не смешат Ахмеда из Палестины: он огорчен поверхностными знаниями поляков о мусульманах и тем, что ислам у них ассоциируется, в основном, с насилием и такими понятиями, как гарем, джихад или терроризм. Генри прибыл из Самоа, чтобы играть в польской профессиональной команде по... регби!

Много ли они знали о Польше до приезда сюда? Большинство признаётся, что почти ничего. Правда, иностранцам известны наши экспортные имена, такие как Шопен, Валенса и Папа Иоанн Павел II (особенно популярный в Латинской и Центральной Америке), ну а кроме этого? Из собранных по данной теме высказываний можно сделать вывод, что в Польше царит вечная зима, а местные пьют много водки. Камаль из Марокко полушутя рассказывает, что в глазах марокканцев Польша напоминает замок Винтерфелл из сериала «Игра престолов»: вокруг только снег и дерущиеся люди. «Моя семья молилась, чтобы меня не съели волки», – со смехом добавляет он. Для Камалья Польша стала настоящим испытанием, выбором иного жизненного пути (обычно марокканцы ищут работу в Испании, Франции или Германии).

Какие они, поляки?

Как всякий народ, поляки пользуются автостереотипами. Однако создать единый профиль типичного поляка не так-то просто, ведь наше представление о себе это целая мозаика самовосприятий. С одной стороны, описывая национальные черты, мы автоматически обращаемся к традиционным шаблонам, отсюда в исследованиях ЦИОМ так подчеркиваются общественные ценности, создающее стереотип поляка — католика и патриота, для которого семейная жизнь важнее работы^[1]. С другой стороны, трансформация строя и вступление Польши в Евросоюз побудили поляков к процессу внедрения в свою социальную структуру западной модели с ее открытостью к иным культурам и бóльшим индивидуализмом. Поэтому значительной части поляков хотелось бы считаться обществом предприимчивым, образованным, а прежде всего толерантным и открытым на многообразие мира. А какими видит поляков среднестатистический иностранец?

Эти два вида автостереотипов постоянно смешиваются в глазах тех, кто смотрит со стороны. Приезжие отмечают как польскую религиозность и консерватизм (Нур даже сравнивает их с религиозностью и консерватизмом сирийцев), так и наше дружелюбие и открытость по отношению к другим. Ким, гражданка Южной Кореи, была поражена душевностью и

гостеприимством поляков, готовых сразу в пригласить к себе домой новых знакомых. Это гостеприимство (в сочетании с богатой застольной культурой поляков) может, однако, быть несколько назойливым. Особенно, когда при встрече гостям подается большое количество еды. Голод тут ни при чем, просто отказаться от угощения — это дурной тон. Нур не соглашается с мнением о пресловутой открытости поляков, утверждая, что, конечно, в Польше, можно встретить гостеприимство, но скорее в провинции, нежели в больших городах. А Кумар из Непала обращает внимание на другой характер отношений между людьми в Польше. Возвращаясь к упомянутому уже взаимопроникновению автостереотипов, он замечает в польском обществе процесс перехода от коллективистской культуры к культуре индивидуализма. К таким выводам он приходит, сравнивая польскую культуру со своей собственной, которая для него является примером культуры типично коллективистской (с большими семьями, где представлено несколько поколений, и тесными человеческими отношениями). Описанные выше нестыковки в характеристике поляков лишь показывают, как трудно создать цельный портрет нации. Определение типичных черт данного народа тесно связано с собственной культурой приезжих, так как мнения такого рода высказываются на основании прямой культурной компаративистики. Ким будет очарована открытостью поляков, потому что в Южной Корее гостя с хозяином должны связывать очень близкие отношения. На Вилду сильное впечатление произвело польское трудолюбие (по сравнению с норвежскими стандартами), а вот японка Марико удивляется, что в Польше так мало работают (по ее словам, японцы способны работать по 12 и более часов в день). Джерри из Италии считает, что поляков и итальянцев роднит неорганизованность и лень.

Главные грехи поляков

Однако есть у поляков и свои недостатки. Первый из них, конечно, злоупотребление алкоголем. Доступность и относительно низкая стоимость спиртного в свое время вызвала нашествие представителей британского среднего класса, среди которых появилась мода поехать на выходные в Польшу, «напиться до полусмерти» и вернуться домой. Рассказывая о «Поляндии» иностранцы не раз рисуют сцены хорошо всем знакомые. Припоминают, например, алкогольные безумства поляков в выходные дни, которые нередко завершаются вспышками агрессии и драками. Или пригородные поезда, где в последнем (багажном) вагоне можно встретить мужчин в подпитии с банкой пива в одной руке и

сигаретой в другой. Агнесса призналась, что во Франции в ходу поговорка: «Пьян, как поляк». Упомянувшийся уже Омар (гитарист из Иордании) даже приходит к заключению, что алкоголизм — причина большей части социальных проблем в Польше, и связывает его рост с раскруткой в СМИ 70-х и 80-х годов образа мачо — настоящего мужчины. Еще одна проблема для иностранцев — польская этноцентричность и выборочная толерантность. Если белые иностранцы превозносят нашу открытость, то чернокожие далеко не всегда. Об этом говорит, например, конголезец Комбо, не раз видевший, как на него показывают пальцем, и слышавший в свой адрес оскорбления. Впрочем, то же самое может сказать Ахмед из Палестины, которого, в свою очередь, называли террористом. Комбо признается: ему хотелось бы, чтобы поляки поняли, что они ведь тоже рассеяны по всему миру, и что каждый человек имеет право на уважение.

Иностранцы обращают внимание не только на польское общество, но и на то, как функционирует государство. Оказывается, из-за бюрократизма и некомпетентности польских чиновников страдают не только коренные жители. В сферу интересов иностранцев попадают также локальные проблемы городов, в которых они как раз живут. Люк из ЮАР активно участвовал в дебатах на тему ограничения ночной жизни Варшавы, а Айя из Литвы обращает внимание на проблему городского пространства, которое уродует крупноформатная реклама (впрочем, эта проблема становится все заметнее и в последнее время является одной из главных тем общественной дискуссии в Польше).

Открытая Европа и homo oeconomicus

Какую картину польского общества рисует сериал «Поляндия»? Можно с уверенностью говорить о дуалистическом обществе. С одной стороны, оно черпает свою идентичность из традиционных исторических и общественных образцов, отмеченных настороженностью и недоверием по отношению к чужим. С другой стороны, все больше поляков стремится к социальной модернизации по западному образцу. Мы неизменно присматриваемся к тому, как выглядим в глазах других, поэтому сериал «Виртуальной Польши» отражает наши старания в этом направлении. Когда Камалья спросили, что ему нравится в Польше, он ответил, что очень любит наблюдать за тем, как Польша меняется, развивается и эволюционирует. «Быть частью этого процесса прекрасно и увлекательно», — подводит он итог. Слова марокканца хорошо сочетаются с результатами исследований польского социолога Яна

Блушковского. Десять лет тому назад в своей книге он задал вопрос: готовы ли поляки наверстывать упущенное, сокращая цивилизационное отставание от высокоразвитых стран? Блушковский анализировал, до какой степени поляки являются приверженцами открытого общества, толерантного к множеству этнических идентичностей^[2]. Тогда исследования показали, что поляки действительно стремятся к открытой модели общества. Однако эти стремления отличаются определенной иерархичностью: открытость мы проявляем к богатым и предприимчивым жителям Западной Европы (*homo oeconomicus*), а вот с более бедными странами предпочитаем держать дистанцию.

Конечно, трудно переоценить важность подобных исследований, но выясняя, продвинулись ли (и насколько) поляки в модернизации социальной структуры, стоит задать себе несколько дополнительных вопросов. Во-первых, не становится ли эта продиктованная экономическими соображениями биполярная открытость на Другого все более сильной? И во-вторых, существует ли еще нечто такое, как европейский стандарт открытости по отношению к Другим, к которому так стремятся поляки? Уже многие годы из Европы поступают тревожные сигналы. Усиление националистических партий («Фламандский блок» в Бельгии, «Национальный фронт» во Франции, «Золотой рассвет» в Греции) свидетельствует о наличии в западном обществе групп, не согласных с политикой открытости по отношению к иммигрантам. Атмосфера сгущается из-за кризиса, уже пять лет беспокоящего страны Запада. Как известно, экономическое напряжение отражается на восприятии обществом иностранцев. Учитывая нынешнюю ситуацию, стоит задуматься, смогут ли европейские государства избежать политики выборочной открытости, направленной исключительно на приезжих из богатых стран. А может, это просто неизбежное зло, позволяющее сохранить модель открытости к Другим хоть в какой-то форме? На эти вопросы «Поляндия», скорее всего, нам не ответит. Во всяком случае, не прямо. Однако серия интервью WP.TV позволяет нам встретиться с Чужим, и встреча эта — благодаря английскому языку — происходит на нейтральной для обеих сторон территории. А нейтральная земля благоприятна для знакомства.

*

В данный момент Интернет-проект „Polandia, there is a country in the middle of Europe” состоит из ок. 90 коротких выпусков.

Сериал можно смотреть бесплатно по интернет-телевидению WP.TV на сайте polandia.wp.tv, а также на официальном веб-портале Республики Польша poland.gov.pl. Проект «Виртуальной Польши» находится под официальным патронатом МИДа.

1. J. Bluszkowski, Polacy — narod otwarty czy zamkniety, w tegoz: Stereotypy narodowe w świadomości Polakow, Warszawa 2003, s. 239. (Я. Блушковский, «Поляки — народ открытый или замкнутый», в его же «Национальные стереотипы в сознании поляков», Варшава, 2003, стр.239)
2. J. Bluszkowski, Stereotypy narodowe w swiadomości Polakow, Warszawa 2003. (Я. Блушковский, «Национальные стереотипы в сознании поляков», Варшава, 2003)

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «В Варшаве успешно завершился климатический саммит ООН. (...) Были намечены основные шаги для подписания через два года в Париже глобального соглашения по климату на период после 2020 г. Польше удалось убедить почти 200 государств, что охрана климата имеет смысл лишь тогда, когда становится общим делом. Не должно быть так, чтобы одни страны строго ограничивали собственную эмиссию парниковых газов, а другие активно отравляли атмосферу и при этом в больших количествах привлекали энергоемкие инвестиции, чтобы улучшить конкурентоспособность своей экономики. Хотелось бы, чтобы Евросоюз наконец-то перестал бороться за нормальные климатические условия в одиночку, тратя при этом десятки миллиардов евро, в то время как главный отравитель планеты — Китай — продолжает наращивать валютные резервы, уже превышающие биллион долларов». (Томаш Прусек, «Газета выборча», 25 ноября)

• «Это настоящий успех всех 194 государств, поддерживающих климатическую конвенцию ООН. (...) Во время варшавской встречи впервые в истории саммита обсуждалось соглашение, которое бы охватывало как можно большее количество участников, а не только тридцать с небольшим стран, главным образом — членов ЕС. Мы достигли взаимопонимания по поводу самых важных аспектов нового международного соглашения, финансирования климатической политики, помощи странам, на территории которых возникают чрезвычайные ситуации природного характера, а также по вопросам предупреждения гибели лесов в развивающихся странах», — Мартин Королец, председатель 19-го климатического саммита ООН. («Газета выборча», 29 ноября)

• «Несколько сотен представителей экологических организаций покинули 19-й климатический саммит ООН, решение об этом было принято в ночь со среды на четверг. Экологи на протяжении нескольких дней предупреждали, что переговоры идут кое-как, и достичь согласия по поводу ограничения эмиссии углекислого газа не удастся. (...) Чаша терпения переполнилась в среду, когда премьер-министр Дональд Туск отправил в отставку министра окружающей среды Мартина

Корольца. А ведь именно на нем, как на председателе саммита, лежала вся ответственность за ход переговоров и разработку соглашения. (...) Жест премьера Туска делегаты саммита и мировые масс-медиа расценили как демонстративное пренебрежение вопросами климата и ходом переговорного процесса в Варшаве. (...) Национальный стадион, где проходили заседания, покинули представители крупнейших мировых экологических организаций. (...) За всю 19-летнюю историю климатических саммитов ООН это беспрецедентный случай бойкота встречи экологами». (Анита Карвовская, «Метро», 22–24 ноября)

- «Ученые из США, Канады, Франции, Австрии, Германии, Голландии, Китая, Индии, Бразилии, Японии и других стран опубликовали вчера открытое письмо, в котором они утверждают, что без ограничения роли угля в энергетической промышленности будет совершенно невозможно снизить эмиссию вредного для атмосферы углекислого газа. По их мнению, даже удорожание современных, но по-прежнему зависимых от угольного топлива технологий — а именно на необходимости такого шага настаивало польское правительство во время климатического саммита — многого не изменит. (...) Польская экономика держится за счет угля, на основе которого вырабатывается 90% энергии». (Михал Душчык, «Жечпосполита», 19 ноября)

- «Во время саммита мы пытались убедить отдельные страны снизить в будущем объем эмиссии углекислого газа. Эти усилия практически не увенчались успехом, как и во время предыдущих саммитов. Несмотря на это, и в 2015 г. в Париже, и, вероятно, позднее мы продолжим встречаться, пытаясь добиться всеобщего согласия по этому вопросу. И снова ничего не получится. (...) После 1990 г. глобальная эмиссия углекислого газа выросла почти на 57%. Согласно оценкам, обусловленным особенностями экономических моделей, в том случае, если бы не состоялся ни один из саммитов и климатическая ситуация не обсуждалась бы вообще, эмиссия углекислого газа выросла бы на 57,5%», — Бьорн Ломборг, директор центра «Копенгагенский консенсус», профессор Копенгагенской бизнес-школы. («Газета wyborча», 1 дек.)

- «Все 46 активистов «Гринпис», разместивших в четверг свой транспарант на здании Дворца культуры и науки в Варшаве и задержанных полицией, после беседы были отпущены на свободу. (...) Надпись на транспаранте гласила: «Save the Arctic — free our activists» («Защитим Арктику — свободу нашим активистам»). («Жечпосполита», 25 ноября)

- «Томаш Дземянчук, один из тридцати активистов «Гринпис», задержанных в сентябре на борту судна «Arctic Sunrise» в Баренцевом море, вчера вышел из петербургского следственного изолятора. Ранее стало известно, что «Гринпис» заплатил за него залог в размере 60 тыс. долларов». («Метро», 22–24 ноября)

- «Дональд Туск, без предварительных консультаций с собственной партией и коллегами по коалиции совершил перестановки в кабинете министров. (...) Свои должности покинули вице-премьер и министр финансов Яцек Ростовский, министр администрации и цифровых технологий, министр окружающей среды, министр спорта, министр образования, министр науки и министр транспорта. Новым вице-премьером стала Эльжбета Беньковская, которая также возглавила объединенное министерство транспорта и регионального развития. Беньковская — выпускник факультета ориенталистики Ягеллонского университета и Национальной школы государственного управления, бывший директор Бюро по вопросам европейской интеграции маршалковского управления Силезского воеводства». («Тыгодник повшехный», 1 дек.)

- «Меня постоянно окружают люди, для которых политика — не более чем игра. Я с такими стараюсь не связываться, — как-то заявила она, проработав шесть лет в правительстве Туска. — Настоящая политика, в моем понимании, должна работать на реализацию общих целей. (...) Я, скорее, технократ, а не политик». («Газета wyborcza», 23–24 ноября)

- «“Для многих стран, особенно тех, кто был принят в ЕС после 2004 г., Польша служит образцом разумного подхода к расходованию денежных средств, получаемых от Евросоюза. Министр Эльжбета Беньковская весьма высоко котируется среди других министров регионального развития”, — подчеркнул Йоханнес Хан, комиссар ЕС по региональному развитию. (...) Беньковскую очень уважают в Европе за компетентность, и другие министры всегда внимательно прислушиваются к тому, что она говорит». (Лукаш Липинский, Игнаций Немчицкий, «Политика», 27 ноября — 3 дек.)

- «Эльжбета Беньковская только что стала вторым человеком в правительстве. (...) Один из чиновников транспортного ведомства вспоминает: “Когда в нашем министерстве проходило совещание относительно фондов ЕС, и дискуссия почти зашла в тупик, Беньковская стукнула кулаком по столу: «Мне всё это глубоко по херу. В восемь вечера доложите мне, что обо всем договорились. Ясно?»”. ”Ругается не хуже

извозчика, матом кроет за милую душу”, — добавляет чиновник. (...) Не исключено, что Туск, повысив Беньковскую до статуса вице-премьера, указывает таким образом на своего возможного преемника. (...) Ее коллеги, по большей части будучи с Беньковской на «ты», иногда обращаются к ней “Ваше величество”». (Александра Павлицкая, «Ньюсуик-Польска», 25 ноября — 1 дек.)

- Ее назначение на должность вице-премьера для многих стало неожиданностью. Беньковской предстоит руководить своего рода «суперминистерством», появившимся в результате слияния министерства регионального развития с транспортным ведомством. (...) Снова будет кричать на подчиненных, как обычно: «Да мне плевать, как вы это сделаете! До вечера готовый пакет документов должен лежать у меня на столе!». ”Это министр так ругается? ”, — спрашиваем с удивлением. ”Как сапожник, — слышим в ответ, — если Беньковская посылает всех в задницу, это значит, что она сравнительно спокойна. Стоит ей немного занервничать, тут же раздается: «Да мне это по херу!»”. (Агнешка Бужинская, «Впрост», 25 ноября — 1 дек.)

- «”На селе происходит революция нравов. Да, сегодня жители городов разводятся в три раза чаще, чем селяне, но еще 13 лет назад в деревне распадалось в пять раз меньше браков, чем в городе”, — сообщает Главное управление статистики. (...) При этом более чем в ¾ случаев инициатива развода принадлежала женщине. (...) Да и в деревне слабый пол становится всё более самостоятельным — большинство женщин работает и имеет собственные доходы. (...) По мнению преподавателя Шлёнского университета, д-ра Агаты Зыгмунт, современная женщина отлично понимает, что не обязана пытаться сохранить отношения, которые отравляют ей жизнь, и что существуют соответствующие институты и организации, способные в случае чего прийти ей на помощь». (Януш К. Ковальский, «Дзенник — Газета правна», 18 ноября)

- «Целых 50–60% депутатов в польских регионах и муниципалитетах одновременно занимают руководящие должности в органах власти и местного самоуправления. (...) Сфера государственного управления сегодня воспринимается как трофей, достающийся фаворитам предвыборной гонки, которые потом делят между собой этот аппетитный торт. Правящие партии Польши многие называют своеобразной «службой занятости». На уровне местного самоуправления также начинает прослеживаться подобная тенденция. (...) Депутаты становятся «службой занятости» для родственников,

знакомых и друзей этих самых знакомых. Точно неизвестно, сколько именно должностей в сфере госуправления занимают такие люди. (...) Должностные лица органов самоуправления вместе с мэрами и бурмистрами из других городов тасуют между собой кресла в наблюдательных советах и правлениях компаний. И то же касается, к примеру, их супругов и родителей. (...) Расцвету протекционизма способствует и тот факт, что в значительной части Польши зарплаты в государственном секторе выше, чем в секторе частном». (Бернадета Вашкилевич, «Впрост», 2-8 дек.)

- «Организация «Трансперенси Интернешнл» опубликовала свой ежегодный «Индекс восприятия коррупции». Польша оказалась в нем на 38 месте среди 177 стран. Из ста возможных баллов мы получили 60 — чем больший процент населения считает свою страну незатронутой коррупцией, тем больше баллов получает эта страна. (...) В прошлом году Польша находилась на 41 месте (58 баллов)». («Газета wyborcza», 4 дек.)

- «Постсоциалистическая трансформация в Польше ознаменовалась грандиозным экономическим успехом — за эти 25 лет произошел беспрецедентный рост благосостояния страны, обеспеченности ее граждан, а также темпов цивилизационного развития». (Вальдемар Кучинский, «Дзенник — Газета правна», 15 ноября)

- «По предварительным данным Главного управления статистики, в третьем квартале этого года рост польской экономики составил 1,9%. Это довольно серьезный скачок по сравнению со вторым и первым кварталами (рост ВВП 0,8% и 0,5% соответственно)». (Агнешка Каминская, Хуберт Козел, «Жечпосполита», 15 ноября)

- «70 миллиардов евро — столько денег Евросоюза мы потратили за последние семь лет на реализацию 177 842 проектов». («Газета wyborcza», 21 ноября)

- «Без денег Евросоюза не было бы 398 очистных сооружений, 10 632 километров дорог, 4 164 детских садов, 42 651 километра четырехжильного интернет-кабеля, 2,3 тыс. трамваев, автобусов и троллейбусов, 322 санитарных машин, 1700 лабораторий, 50 посадочных площадок для вертолетов при больницах. Не было бы отреставрированного старого города в Торуни, электронных налоговых деклараций, бесплатного телефона экстренной помощи и скоростных поездов «Эльф». (...) А также 318 717 рабочих мест». (Александра Клих, «Газета wyborcza», 23-24 ноября)

- «Европарламент принял бюджет ЕС на 2014–20 гг., в соответствии с которым Польша достанется свыше 303 млрд. злотых на реализацию политики единения и 106 млрд. на Единую сельскохозяйственную политику. Общая сумма в евро составит около 106 млрд. Польша является крупнейшим бенефициантом политики, направленной на постепенное преодоление разрыва в уровне развития между богатыми и бедными участниками Евросоюза». («Тыгодник повсехный», 1 дек.)

- «На 2014–2020 гг. Польша получит из Фонда единения на 9,6 млрд. евро больше, нежели предполагалось на февральском саммите ЕС. (...) Это связано с тем, что на переговорах относительно финансовых перспектив на ближайшие семь лет за основу были взяты цены 2011 г., в то время как тратить деньги мы будем, исходя из цен сегодняшних. Поэтому на самом деле мы будем располагать большим количеством средств». («Жечпосполита», 2 дек.)

- «Благодаря денежным средствам, которые Открытые пенсионные фонды (ОПФ) держали в облигациях, государственный долг снизится на 146 млрд. злотых, или на 8,5% ВВП. Более чем на 15 млрд. злотых уменьшится также «дыра» в Фонде социального страхования». (Рафал Писера, «Впрост», 25 ноября — 1 дек.)

- «Национальный банк Польши довольно быстро сменил точку зрения относительно функционирования накопительного уровня пенсионной системы (то есть ОПФ) и его влияния на сектор государственных финансов. (...) В феврале в банке полагали, что ОПФ не представляет угрозу для государственных финансов. (...) Сегодня руководство банка думает иначе, по сути, одобряя национализацию пенсионных сбережений поляков. (...) В правлении банка ситуацию никак не комментируют. (Давид Самонь, Марек Татала, «Жечпосполита», 14 ноября)

- «Тридцать известных юристов обратились к правительству, призвав отказаться от внесения изменений в закон об ОПФ в их запланированном виде. Бывший председатель Конституционного трибунала Ежи Степень, профессор Александр Хлопецкий, бывший премьер-министр Влодзимеж Цимошевич и другие просят парламент отклонить неконституционный законопроект, а президента — в случае, если закон все-таки будет одобрен — привести в действие механизм превентивного контроля, осуществляемого Конституционным трибуналом, с целью предотвратить

реализацию противоречащих конституции норм».
(«Жечпосполита», 5 дек.)

• «Правительство буквально завалили протестами относительно ОПФ. 115 экономистов, 31 юрист, работодатели и профсоюзные лидеры шлют заявления и обращения, призывая правительство, депутатов и премьера не ликвидировать ОПФ. В это же самое время оппозиция умудрилась нагрузить Сейм более чем тысячью поправок к спорному законопроекту. Запланированные правительством изменения в законодательстве нанесут ущерб будущим пенсионерам и могут привести к обвалу всей пенсионной системы, предостерегают ведущие экономисты, а также бывшие премьер-министры и члены правительства, среди которых проф. Лешек Бальцерович, проф. Дариуш Филар, проф. Станислав Гомулка, д-р Мирослав Гроницкий». («Газета wyborcza», 6 дек.)

• «Предложенный правительством проект изменений в законодательстве о деятельности ОПФ не поддерживает 53% поляков, а положительно относятся к возможным переменам лишь 13% опрошенных. 34% участников опроса затруднились обозначить свою позицию по данному вопросу. Опрос ЦИОМа от 7-14 ноября («Жечпосполита», 4 дек.)

• «16,4 млн. будущих пенсионеров держит в ОПФ 306 млрд. злотых. Правительство хочет забрать больше половины, в результате чего государственный долг уменьшится на 150 млрд. злотых». («Газета wyborcza», 7-8 дек.)

• «Вчера Сейм принял закон о передаче свыше половины активов ОПФ Управлению социального страхования (УСС). «За» проголосовали 232 депутата, «против» — 216, один депутат воздержался. (...) В соответствии с новым законом на счета УСС поступит 51,5% активов, составляющих облигационную часть ОПФ. Это означает, что со счетов ОПФ исчезнет 150 млрд. злотых. Благодаря этой операции, правительство в будущем году сэкономит 9 млрд. злотых на выплате процентов от облигаций, которые после их вывода из ОПФ окажутся погашены, а также на дотациях в Фонд социального страхования. Кроме того, в результате погашения казначейских облигаций, показатель государственного долга снизится на 7% ВВП, так что у правительства появится возможность брать новые кредиты». (Артур Ковальский, «Наш дзенник», 7-8 дек.)

• «53,3% поляков рассчитывает на государственную пенсию (из госбюджета или по линии УСС), 25% — на обязательные отчисления за период профессиональной деятельности, 16% —

на добровольные отчисления за тот же период, 5% не определились с ответом, а 1% опрошенных полагает, что в силу закона пенсионеров должны содержать их дети. Опрос Института исследования общественного мнения «Номо Номіні» от 8–9 ноября». («Жечпосполита», 20 ноября)

• «“Продолжительность нашей жизни увеличивается значительно быстрее, чем это предусмотрено актуальным демографическим прогнозом Главного управления статистики до 2035 г. Средняя продолжительность жизни поляка, родившегося в прошлом году, может составить 72,7 года, а польки — 81 год. Согласно же официальному прогнозу, такой возрастной планки смогут достичь мужчины, родившиеся после 2015 г., и женщины, родившиеся после 2020 г. Однако рассчитать до конца продолжительность жизни нельзя, поэтому прогнозируемый срок будет меньше реального. (...) И может получиться так, что люди, претендующие на пенсию, станут получать ее дольше, чем предвиделось. Это, в свою очередь, означает, что УСС понадобится для выплаты пенсий больше денег, чем было запланировано на долгосрочную перспективу”, — утверждает главный экономист «Инвест-банка», д-р Виктор Войцеховский. (...) Больше денег понадобится и организациям здравоохранения, поскольку люди старшего возраста чаще болеют». (Януш К. Ковальский, «Дзенник — Газета правна», 25 ноября)

• «Согласно последним исследованиям экономической активности населения, проведенным Главным управлением статистики, количество профессионально активных поляков уже несколько лет колеблется от 17,2 до 17,4 млн. Это примерно столько же, сколько и в начале реформ, в 1992 г. Людей, имеющих работу, тогда было 15,2 млн., сейчас их — 15,5 млн., безработных же было 2,3 и 1,8 млн. соответственно. Так что за 20 лет преобразований ситуация на рынке труда изменилась слабо. При этом речь идет о довольно больших временных циклах. Количество безработных в 2003 г. превысило 3,5 млн., чтобы в 2008 г. снизиться до 1,1 млн. Сейчас снова появилась тенденция к увеличению числа безработных, во втором квартале их было на 100 тыс. человек больше, чем в прошлом году», — проф. Кшиштоф Рыбинский. («Жечпосполита», 23–24 ноября)

• «Из 15,7 млн. работающих поляков в третьем квартале этого года только 187 тыс. (1,2%) подыскивали себе работу, на которой они могли бы получать больше. Это на 20% меньше, чем год назад. Никогда ранее количество людей, ищущих более высокооплачиваемую работу, не было таким низким, как

сейчас. Таковы данные исследования экономической активности населения, проведенного Главным управлением статистики». (Януш К. Ковальский, «Дзенник — Газета правна», 3 дек.)

• «Слишком хорошее образование осложняет поиск работы. Иногда молодым людям приходится утаивать факт получения ими высшего образования и заканчивать курсы для лиц без определенной квалификации либо идти учиться в техникум. «Появились выпускники высших учебных заведений, в основном гуманитарии, которые не могут найти работу и просят направить их на курсы, к примеру, оператора электротележки, оснащенной компьютером, что позволяет найти работу в больших логистических центрах под Варшавой. Либо получают профессию водителя городского автобуса или продавца косметики», — говорит Лех Антковяк, вице-директор варшавского Управления труда. (Иоанна Бликовская, Иоанна Чвек, 23–24 ноября)

• «Отечественный предприниматель за один час работы платит нам (вместе с отчислениями) в среднем 10,4 евро. Греки получают 20,3 евро, британцы — 39,4, немцы — 42,6. В среднем же по Евросоюзу — 32 евро. Конечно, если мы сравним покупательную способность этих денег, то в Польше за 10 евро можно купить больше. (...) За последние два года почасовая ставка в Польше выросла всего на один процент, а в ЕС — на два процента. (...) Примерная зарплата «брутто» в злотых в 2013 г.: водитель автобуса — 2820, дистрибьютор — 2700, гидравлик — 2580, курьер — 2580, медсестра — 2580, шлифовальщик — 2500, кладовщик — 2440, маляр — 2380, строитель — 2240, почтальон — 2200, повар — 2070, пекарь — 2060, бармен — 1790, продавец-кассир — 1780, официант — 1680, парикмахер — 1620, охранник — 1600, уборщица — 1530, швея — 1500». («Политика», 27 ноября — 3 дек.)

• «“Репатриации из стран бывшего СССР ждут 1727 семей (2628 человек), и ждут уже в среднем от шести до восьми лет. За 13 лет, прошедших с момента вступления закона о репатриации в силу, в Польшу вернулось всего лишь 4,8 тыс. человек. А по предварительным данным, возвращения на родину ждет 50–100 тыс. человек. На репатриацию мы ежегодно выделяем минимальную сумму 6–9 млн. злотых. (...) 20 тыс. поляков хотят вернуться, но даже не подают соответствующих прошений, поскольку консульские учреждения их просто не принимают. (...) Из Казахстана поляки вынуждены уезжать в Россию, поскольку родная страна в них не заинтересована”, — говорит Валентина Каминьская, которой удалось вернуться в

Польшу в 1995 г. (...) Из 2628 человек, которые сегодня ждут возвращения в Польшу, 1888 живут в Казахстане, 256 — в Узбекистане, 197 — в России, 98 — на Украине». (Бартош Марчук, Богуслав Хработа, «Жечпосполита», 16-17 ноября)

• Вчера в возрасте 77 лет умерла Наталья Горбаневская. «Она была не только выдающимся поэтом. (...) Она была голосом свободной России и поработенной в то время Польши. А в освободившейся Речи Посполитой, чьей гражданкой она стала, ее наградили медалью Благодарности Европейского центра солидарности. Горбаневская была почетным доктором люблинского Университета им. Марии Склодовской-Кюри, опорой, многолетним сотрудником и членом редакции «Новой Польши» — печатного органа взаимопонимания польской и российской интеллигенции», — Ежи Помяновский, главный редактор журнала «Новая Польша». («Газета wyborcza», 30 ноября)

• «Герард Линдер (...) — чемпион мира по кикбоксингу. (...) Он живет в Андрыхове, где возглавляет юношескую спортивную секцию (...), а также Малопольское общество цыган «Ямаро». «Мой дед еще ездил в кибитке с табором, он был первым цыганом, который осел в Андрыхове в 60-х годах, когда цыганам запретили кочевать. (...) В Андрыхове нас считают хорошей цыганской семьей, мы подаем добрый пример другим. (...) Когда звучит гимн Польши, я прикладываю руку к сердцу, я горжусь тем, что представляю Польшу на международных соревнованиях. Но не всех это устраивает. Я постоянно где-то читаю: «Как он может носить польский флаг, не будучи поляком?»». («Газета wyborcza», 30 ноября — 1 дек.)

• ««Наши парни — это настоящие патриоты», — так даже о самых радикальных участниках «маршей независимости» отзываются священники, лидеры «Солидарности» и просто знакомые. (...) И только архиепископ Генрик Мушинский критикует тех, кто забрасывал российское посольство петардами и сжег будку охранника у здания дипмиссии. (...) Очень важно, чтобы подобные хулиганские действия были решительно осуждены именно деятелями польской католической Церкви — но, к сожалению, этого не происходит», — о.Томаш Достатный, доминиканец. («Газета wyborcza», 14 ноября)

• «Наконец-то мы дождались постановки «Носорога» в Национальном театре — эта пьеса Ионеско актуальна и сегодня. «Носорог» вернулся к польскому зрителю спустя несколько дней после «маршей независимости», которые уже успели

окрестить «маршами ненависти», — Ян Бонча-Шабловский. («Жечпосполита», 20 ноября)

• «Вчера утром в штаб-квартиру российского МИДа был вызван посол Польши в России Войцех Загаевский. Ему был вручен официальный протест, в котором польская полиция обвинялась в бездействии, а ответственность за нападение на российское посольство возлагалась на «многотысячную толпу агрессивно настроенных участников так называемого “марша независимости”». (...) Тем временем россияне усилили охрану польского посольства в Москве». (Михал Потоцкий, «Дзенник — Газета правна», 13 ноября)

• «Мы попросили усилить охрану посольства, в ответ нас лишь заверили, что всё будет в порядке, — заявил министр иностранных дел России Сергей Лавров. — К слову, комиссар немецкой полиции, отвечающий за безопасность дипломатических представительств в Берлине, рассказал, что в Германии полиция ни за что не разрешила бы проводить демонстрацию вблизи посольства и предложила бы в качестве альтернативы другой вариант». (Яцек Лизиневич, Войцех Муха, «Газета Польска цодзенне», 20 ноября)

• «В 11 тыс. долларов оценило российское посольство причиненный ему ущерб во время беспорядков 11 ноября, в День независимости. (...) Были повреждены въездные ворота, домофон и три автомобиля, а территория посольства оказалась устлана осколками, бутылками и частями петард. Пострадали и другие объекты российского дипломатического комплекса — здание Торгового представительства и Российского центра науки и культуры». («Жечпосполита», 26 ноября)

• «Большинство россиян не обратили внимания на инцидент у посольства. (...) У нас есть Жириновский, у вас — Мацеревич и Качинский. Нашего поддерживают два процента населения, ваших — в десять раз больше», — Дмитрий Бабич. («Впрост», 18-24 ноября)

• «Через два дня после инцидента перед российским посольством в Варшаве последовал симметричный ответ. Члены национал-большевистской партии Эдуарда Лимонова забросали польское представительство в Москве петардами». (Михал Потоцкий, «Дзенник — Газета правна», 14 ноября)

• «Первый польский научный спутник «Лем» уже в космосе. На орбиту он был запущен с российской военной базы «Ясный» на Урале в четверг в 8.10 утра при помощи ракеты “Днепр”». («Метро», 22-24 ноября)

- «Объем польского экспорта в Россию в 2006–2012 гг. вырос на 119%, а объем российского экспорта в Польшу — на 139%. России достается 5,3% всего нашего экспорта (по этому показателю Россия занимает пятое место после Германии, Великобритании, Чехии и Франции), в то время как импорт из России составляет 14% всего нашего импорта (второе место после Германии)». (По материалам «Bloomberg Businessweek Polska» от 25 ноября — 1 ноября)

- «Во время поездки Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Калининградскую область в местной епархии состоялась встреча Его святейшества с бывшим министром иностранных дел Польши, председателем международного совета Фонда «Российско-польский центр диалога и согласия», проф. Адамом Даниэлем Ротфельдом». («Пшеглэнд православный», декабрь)

- «Ситуация в Киеве обостряется и становится всё драматичнее. (...) Был отменен сегодняшний польско-украинский экономический саммит во Львове, в котором должен был принимать участие вице-премьер Януш Пехоцинский. Президент Бронислав Коморовский принял решение не участвовать в сегодняшнем открытии нового польско-украинского пограничного перехода. (...) В митинге на Майдане участвовали не только лидеры украинской оппозиции, но и зарубежные гости. Аплодисментами были встречены как председатель партии «Право и Справедливость» Ярослав Качинский, так и вице-председатель Европарламента Яцек Протасевич. (...) Я видел, как радостно встречают манифестанты польских депутатов и журналистов, а также живущих в Киеве поляков, явившихся на Майдан с бело-красными флагами. Последний раз Польша испытывала такое теплое отношение к себе со стороны украинцев почти десять лет назад, во время “оранжевой революции”, — из Киева Богуслав Храбта, главный редактор газеты «Жечпосполита». («Жечпосполита», 2 дек.)

- Ярослав Качинский (фрагменты интервью после возвращения из Киева): «Вокруг нас собралось множество людей, которые специально пришли, чтобы поблагодарить нас, пожать руку. (...) Они кричали: «Спасибо!», «Да здравствует Польша!», скандировали нашу с братом фамилию. Для них польско-украинская солидарность представляет огромную ценность, эти люди демонстрировали необыкновенную сердечность и теплоту. (...) Виталий Кличко очень хотел, чтобы я был среди тех, кто нес украинский флаг. В какой-то момент появился Хенрик Вуец, которого я пригласил поучаствовать в несении

флага. Мы шли рядом друг с другом». («Газета Польска цодзенне», 3 дек.)

- «Сдержанность польских властей относительно ситуации на Украине уместна в той же степени, что и активная поддержка манифестантов лидерами польской оппозиции. Правительство должно контактировать как с представителями власти, так и с оппозицией; участие же в митингах для официальных лиц недопустимо, так как это уже будет вмешательством во внутренние дела Украины», — Александр Квасневский, бывший президент Польши. («Жечпосполита», 3 дек.)

- «Украинские студенты провели в Познани митинг в поддержку интеграции Украины с Евросоюзом. Теперь им придется предстать перед судом, поскольку свою самопроизвольную акцию они должны были согласовать с властями не позднее, чем за три дня до ее проведения». («Газета wyborча», 3 дек.)

- «Только четверть поляков позитивно относятся к украинцам, к белорусам — 36%, к россиянам — 35%. Больше всего любят словаков (59%) и чехов (57%), далее идут голландцы (58%) и французы (57%). Немцам симпатизируют 47% опрошенных. По данным опроса, проведенного Институтом общественных отношений». («Жечпосполита», 5 дек.)

- «В этот решающий момент Польша могла бы помочь украинским союзникам Запада. “Я думаю, что мы должны заставить Брюссель отменить визы для украинцев”, — говорит Павел Коваль, депутат Европейского парламента и председатель делегации Комитета парламентского сотрудничества ЕС–Украина. В подобном духе высказался Александр Квасневский. “Миллионы украинцев, которые едут в Европу работать, высылают оттуда своим близким деньги. В этом суть проевропейской ориентации украинского общества. Поэтому важно смягчить визовый режим, чтобы это позволило как можно большему количеству жителей Восточной Европы увидеть Запад собственными глазами”, — считает бывший президент Польши, который от имени Европарламента вот уже полтора года осуществляет на Украине объединительную миссию». (Енджей Белецкий, Бартош Марчук, «Жечпосполита», 3 дек.)

- «По вопросу интеграции Украины с ЕС у нас было не так уж много сильных союзников. (...) Наше правительство и президент изо всех сил поддерживали Украину. Руководство МИДа и канцелярии президента вели интенсивные переговоры с главами посольств государств-членов ЕС в Варшаве. (...) После

внезапного отказа Януковича от ассоциации с ЕС, нам будет сложно убедить Запад в том, что диалог с Украиной имеет смысл», — Ян Малицкий, директор Восточноевропейского отделения Варшавского университета. («Жечпосполита», 4 дек.)

- «Вчера состоялось заседание Совета национальной безопасности. Представители канцелярии президента Польши, правительства и парламента обсуждали вопрос о дальнейших направлениях политики в отношении Украины после срыва вильнюсского саммита. (...) Премьер-министр Дональд Туск уже обсудил ситуацию вокруг Украины с рядом европейских политиков, в том числе с канцлером Германии и президентом Франции». («Жечпосполита», 3 дек.)

- «После более чем 20 лет постоянных перевооружений и 14 лет членства в НАТО, наши вооруженные силы не в состоянии выполнять свой конституционный долг. (...) Если численность наших сухопутных войск (15 бригад) умножить на среднюю ширину одной оборонительной зоны (10 км), каждую из которых защищает одна бригада, то, принимая во внимание протяженность нашей восточной границы (1200 км), выясняется, что мы в состоянии эффективно оборонять лишь 10–15% всей ее длины. И это еще в лучшем случае. (...) Во время стратегических учений отрабатывается ситуация, в которой наши вооруженные силы не защищают границ и территорию Польши, но ведут так называемую подвижную оборону (сдерживающее сопротивление). (...) Ни на стратегических, ни на оперативных учениях не отрабатываются информационные атаки в киберпространстве либо общественном секторе. Так что мы не готовы ни к войне в старом стиле, ни тем более к современным боевым действиям», — Гжегож Квасняк, эксперт Национального центра стратегических исследований. («Жечпосполита», 28 ноября)

- «Приказ НКВД №00485 от 11 августа 1937 г. ознаменовал начало так называемой «польской операции», подразумевавшей, в том числе, полное уничтожение этнических средоточий поляков на всей территории СССР. (...) Кроме консервативно-католических сельских масс, поляки были представлены в СССР идейными коммунистами, и в довольно больших количествах. Среди польского населения СССР процент партийных был в три раза выше, чем среди русских, в семь раз выше, чем среди украинцев, а в случае с белорусами — выше в десять раз. Можно с уверенностью сказать, что поляки вместе с евреями составляли авангард советского коммунистического движения. (...) Предполагалось,

что «польская операция» продлится три месяца, в действительности же она закончилась лишь в конце 1938 года. В ходе операции погибло свыше 111 тыс. поляков — точнее, столько было вынесено смертных приговоров. Реальное количество жертв репрессий, согласно самым осторожным подсчетам, могло составлять от 200 до 250 тыс. человек. (...) Большинство проживавших в СССР поляков пропало без вести в 1937–38 гг. Места их захоронений до сих пор неизвестны», — Яцек Боркович. («Жечпосполита», 23–24 ноября)

- «Наиболее конфронтационной оказалась проповедь епископа Казимежа Рычана, произнесенная им по случаю Дня независимости 11 ноября. Он говорил о «советском тоталитаризме», который еще «жив во многих угодливых душах». “Я хочу спросить у вас, — рассуждал епископ, — кто из вас помнит содержание резолюции «Круглого Стола» 89-го года? Кто с кем поделился властью и национальным достоянием?”». (Катажина Вишневская, «Газета выборча», 13 ноября)

- «В нашем обществе наблюдается эскалация ненависти по отношению к католической Церкви. По сути, идет борьба с Церковью, причем на самых разных уровнях. И я убежден, что за всем этим стоит тот самый дьявол, которым были одержимы Сталин и Гитлер. Сегодняшний царь тьмы по-другому одет и иначе выглядит, но то зло, которое он причиняет людям, не стало меньшим. (...) Я всё жду и надеюсь, что появятся люди, которые наконец-то почувствуют ответственность за судьбу отчизны, а не только за своих друзей и знакомых», — о. д-р Ян Сикорский. («В сетях истории», декабрь)

- «Перед надвигающимися выборами в Торунь съехались толпы политиков, чтобышний раз показаться перед избирателями и публично пожать руку отцу Рыдзыку. Радио «Мария» отмечало 22-ю годовщину своего существования. (...) В Торунь приехали 10 тыс. верующих, 13 епископов и, разумеется, политики из «Права и справедливости» и «Солидарной Польши». (...) В ходе торжественных мероприятий продавались книги «Хватит платить евреям», «Нацистские корни Евросоюза» и «Как убивали Польшу», на обложке которой размещены портреты премьер-министра Дональда Туска и президента Бронислава Коморовского». (Дорота Ковальская, «Польша», 2 дек.)

- «22-тысячный Голеньов вот уже несколько дней находится под покровительством Царя Вселенной. А всё благодаря предусмотрительности мэра, который вверил гмину Иисусу

Христу Царю Вселенной. (...) Благодаря Католическому информационному агентству стало известно, что титул польского короля присваивался Иисусу Христу в истории Польши трижды: в 1920 г., в 1921 г. и в 1951 г., поэтому в 2012 г. польский епископат не дал согласия на очередную коронацию. (...) Часть верующих отнеслась к отказу епископата крайне негативно. (...) Также предпринимаются попытки доказать, что коронации 1920 и 1921 гг. были осуществлены лишь в отношении Сердца Иисуса, а не Христа в целом, и поэтому всё это время Иисус Христос ждет полноценной коронации». (Анджей Сарамонович, «Впрост», 2–8 дек.)

- «175 полек стали «христовыми невестами», дав обет целомудрия. (...) Сегодня в Кракове таких мирских монахинь двадцать одна и столько же в Варшаве, одиннадцать — в Гданьске, в некоторых городах всего по одной. (...) Некоторые настоятели считают это чудачеством. Поэтому иногда прошение о таком обете лежит у епископа несколько лет и никто не дает ему хода». (Марта Мазуш, «Политика», 29 окт. — 1 ноября)

- «Из вестибюля Дома туриста, принадлежащего Польскому обществу туризма и краеведения, на вершине горы Сленжа, что в тридцати километрах южнее Вроцлава, убрали копию статуи Свентовита — главного божества в пантеоне древних славян. (...) В результате давления со стороны прелата Рышарда Сташака, настоятеля прихода Святейшего Сердца Иисуса в Сулистровице и подчиненных ему представителей органов местного самоуправления, заведующая учреждением была вынуждена убрать скульптуру». (Радослав С. Чарнецкий, «Пшеглэнд», 18–24 ноября)

- «Количество поляков, которые хотели бы прибегнуть к помощи экзорцистов, растет так быстро, что начало беспокоить епископов. За 15 лет число экзорцистов в Польше выросло от четырех до 120. (...) Экзорцисты всё чаще выступают в средствах массовой информации, выпускают книги об одержимости бесами и прочую литературу, которая выходит немалыми тиражами. (...) Первые номера ежемесячного журнала «Изгоняющий беса» расходились так быстро, что их приходилось допечатывать. (...) Ситуация развивается по какой-то удивительной спирали — люди начинают видеть зло там, где его нет и в помине», — говорит о. Яцек Прусак. («Жечпосполита», 2–3 ноября)

- «Суд в Раде-Мазовецкой признал 49-летнего местного священника Станислава Е. виновным в сексуальном растлении

пяти мальчиков, приговорив его к 8,5 годам тюрьмы». («Газета wyborча», 3 дек.)

- «Сенат одобрил законопроект о «терапевтической» бессрочной изоляции в отношении лиц, «представляющих опасность для общества», которые заканчивают отбывать наказание. Лишь шесть сенаторов проголосовали «против». (...) Юристы полагают, что новый закон нарушает принципы, согласно которым нормы права не имеют обратной силы и никто не может быть дважды осужден за одно и то же преступление. Психиатры, в свою очередь, считают, что данная юридическая новелла, по сути, вводит элементы карательной психиатрии». (Эва Седлецкая, «Газета wyborча», 15 ноября)

- «Сегодня очень многие выбирают эпатаж как средство заявить о своем существовании. А проще всего эпатировать общественность, оскверняя святыни, возводя напраслину на священников и выдавая гипертрофированные прегрешения немногих оступившихся за повсеместную тенденцию», — архиепископ Хенрик Хозер. («Наш дзенник», 7-8 дек.)

- «Сталинский палач Ежи Кендзера был вчера приговорен мокотовским судом Варшавы к двум годам тюрьмы. (...) Ранее он уже приговаривался к трем годам лишения свободы за аналогичные преступления. Суд признал, что бывший начальник отдела следственного управления Министерства общественной безопасности виновен во вменяемых ему преступлениях. (...) Кендзера, в частности, несет ответственность за систематическое физическое и психическое издевательство над политзаключенными». (Мацей Марош, «Газета Польска цодзенне», 3 дек.)

- «Европейский суд по правам человека в Страсбурге (ЕСПЧ) неоднократно указывал Польше на недостаточно усердное расследование случаев нанесения гражданам побоев со стороны полиции. Комитет против пыток ООН также подверг острой критике нашу страну за безразличное отношение к вопросам, касающимся полицейского насилия. Прокуратура закрывает уголовные дела, а суды механически одобряют такие решения. Это подтверждается и полицейской статистикой: лишь 3,5% заявлений о побоях, нанесенных полицейскими, приводят к обвинительным приговорам. В прошлом году к Уполномоченному по правам человека с жалобами на жестокость полиции обратилось 750 человек. А с января по октябрь 2013 г. — 645». («Газета wyborча», 30 ноября — 1 дек.)

- «В понедельник состоялись первые слушания ЕСПЧ в связи с затягиванием польской стороной следствия по делу о

секретных тюрьмах ЦРУ. (...) Польша расследует это дело с 2008 года. С жалобой на следственную волокиту и недобросовестное проведение расследования в ЕСПЧ обратились Абдель Рахим Хусейн Мухаммад ан-Нашири, являющийся поданным Саудовской Аравии, и палестинец Зейн аль-Абидин Мухаммад Хусейн. Польская прокуратура признала обоих потерпевшими. (...) Юзеф Пинёр, сенатор от партии «Гражданская платформа»: «В интересах нашей страны не скрывать обстоятельства этого дела и продемонстрировать всем, что Польша — это правовое государство, в котором права человека значат гораздо больше, чем интересы спецслужб». («Газета wyborcza», 3 дек.)

• «Президент Бронислав Коморовский по-прежнему возглавляет рейтинг доверия польским политикам, ему доверяют 71% опрошенных, гласят данные опроса ЦИОМа от 7-11 ноября. На втором месте находится депутат Рышард Калиш, которому доверяют 49% опрошенных. На третьем — министр иностранных дел Радослав Сикорский (46%). (...) Премьер-министру Дональду Туску доверяют 32% анкетированных. (...) Ярослав Качинский и Збигнев Зебро получили по 31% голосов. Наибольшее же недоверие вызывают у поляков Януш Паликот и Дональд Туск. Им не доверяют 51% и 50% опрошенных соответственно. (...) Глава «Права и справедливости» Ярослав Качинский получил в рейтинге недоверия 48% голосов, а депутат от этой же партии Антоний Мацеревич — 47%». («Газета wyborcza», 25 ноября)

• «Поддержка партий: «Право и справедливость» — 29%, «Гражданская платформа» — 19%, Союз демократических левых сил — 15%, крестьянская партия ПСЛ — 6%, «Твое движение» (бывшее «Движение Паликота») — 5%. Опрос Института исследования рыночных и общественных отношений «Номо Номини», 22-23 ноября». («Жечпосполита», 6 дек.).

• «В ноябре этого года у пациентов появились новые права — теперь больные могут обжаловать ущерб здоровью, наносимый принимаемыми ими лекарствами. (...) Уполномоченный по правам пациента напоминает, что каждый пациент либо его представитель или опекун могут теперь официально пожаловаться на то, что прописанный им лекарственный препарат нанес вред здоровью либо вызвал непредвиденный эффект». («Жечпосполита», 6 дек.).

• «Больной раком умирает незаметно. В среднем онкологические больные ждут предварительного диагноза 45 дней, после чего им могут сказать, что на их лечение не хватило денег. Врачи требуют от правительства прекратить эту

варварскую практику. “Недопустимо, чтобы врач говорил пациенту: «Лимит дотаций Национального фонда здравоохранения исчерпан, денег нет, поэтому вы умрете»”, — негодует Яцек Гугульский, вице-президент Польской коалиции онкобольных. (...) С обращением о «немедленном прекращении административного лимитирования дотаций на здравоохранение в сфере диагностики и лечения онкозаболеваний» к премьер-министру, министру здравоохранения и президенту Национального фонда здравоохранения обратились врачи из окружного профсоюза медиков». (Каролина Ковальская, «Жечпосполита», 26 ноября)

- «Начался убой животных на пушных фермах. Животных травят двуокисью углерода. Погибло пять миллионов норок и миллион других зверьков, которых разводят ради меха. (...) По данным Главного управления статистики за 2011 год из Польши вывезено 5,7 млн. шкурок общей стоимостью 132 млн. евро. По объему производства меха Польша занимает третье место в Европе, а может оказаться и на первом, поскольку страны Западной Европы ужесточают требования к производителям и многие фирмы перемещаются на восток, где законодательство об охране окружающей среды не такое жесткое, а клетки для животных могут быть значительно меньше. К примеру, в Польше норке по закону полагается клетка не меньше чем 0,18 кв.м., а в Германии — не меньше 3 кв.м.» (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 23–24 ноября)

- «Глава польской католической Церкви архиепископ Юзеф Ковальчик даже бровью не повел, когда охотники положили перед алтарем тушу огромного лесного кабана. (...) В последнюю неделю октября архиепископ отслужил традиционную охотничью мессу. 3 ноября, в день святого Хуберта, покровителя охотников, официально начинается осенне-зимний охотничий сезон. (...) В Польском охотничьем союзе состоят 114 тыс. любителей охоты. (...) В прошлом охотничьем сезоне было застрелено почти 800 тыс. животных. (...) Уже 13 лет Польский охотничий союз возглавляет Лех Блох, выпускник Высшей школы политических наук ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Председатель Высшего охотничьего совета Анджей Галута с 1986 г. состоял в ЦК ПОРП. (...) Охотятся старосты, мэры, депутаты, военные, сотрудники спецслужб. Увлекаются охотой и некоторые священники, беря пример с полевого епископа Славоя Лешека Глудзя. (...) Охота на крупную дичь — это реки крови и тонны выпотрошенных внутренностей. (...) Так что самым легким и приятным развлечением считается охота на птиц. (...) Около 36% птиц (и 25% крупных животных) выживают. (...) Когда пес приносит

бьющуюся в агонии птицу, ее нужно быстро добить длинным шилом — тот же, кто этого не умеет, может просто размозжить ей голову каблуком». (Агнешка Сова, «Политика», 13-19 ноября)

КАЖДЫЙ НАРОД ДОЛЖЕН ВЫЙТИ НА МАЙДАН

«Украина это очень близкая нам страна, там живут люди очень близкие нам», — заявил по телевидению российский премьер Дмитрий Медведев.

Вот в этом-то и проблема. Немалой части этой страны, скажем, половине, хотелось бы быть подальше. Живущие там люди почувствовали бы себя значительно лучше и увереннее, если бы премьер Медведев не считал их такими уж близкими.

С этой самой близостью у нас в Европе — особенно в Центрально-восточной Европе — настоящая морока. Ведь близких нам людей так и хочется обнять, прижать к сердцу, отцовской заботой окружить, уму-разуму поучить и путь указать — а они: нет и всё тут.

А почему? Потому что нет. Потому что такова их воля. На Майдан выходят, протесты организуют, автономии и независимости требуют, на своем языке хотят говорить и под собственными знаменами собираться. Как в свое время словаки или румыны в Королевстве венгерском. Или как украинцы, белорусы, литовцы в довоенной Речи Посполитой.

Мы тогда тоже считали их ближе некуда, а они нам, полякам, забастовки и демонстрации устраивали, подпольные организации создавали, в политиков стреляли. В 1934 г. середь бела дня украинские националисты убили на улице в Варшаве министра внутренних дел Бронислава Перацкого. Массовые преступления и убийства 40-х годов обойдем молчанием, время было военное, порядки царили дикие, точнее говоря — не было никаких порядков.

Немало лет должно было пройти, прежде чем до поляков дошло — то есть, до большинства, не до всех же — что для сохранения подлинной дружбы и симпатии неплохо бы слегка отдалиться. Обнимать послабее. Уму-разуму не учить и путь не указывать.

И вот сегодня, когда Украина для поляков стала немного более далекой страной, в которой живут немного более далекие люди, между двумя обществами, несмотря на давние антагонизм и ненависть, появляется контакт и взаимопонимание. За

польскую речь на Майдане по морде не дадут, человека скорее угостят, в палатку пригласят, чаю нальют.

Поляк на этом Майдане почувствует себя как дома. Только немного раньше. Как будто в машину времени сел и вернулся в эпоху, когда в Польше только зарождалось гражданское общество. Он хорошо помнит эту атмосферу и ритм событий со времен «Солидарности» 1980–81 годов. Эти постоянные митинги, этот подъем, ощущение общности. И организация общественных низов в альтернативные, самозарождающиеся структуры, которые противостоят навязанным извне фальшивым государственным учреждениям.

«Майдан это столица новой Украины», — говорил журналисту «Газеты wyborчей» преподаватель киевского ВУЗа Роман Зинченко.

Здесь, на Майдане, возник Открытый университет, то есть сцена, на которой ученые и публицисты целый день с утра до вечера рассказывали либо спорили со слушателями об истории, политике, законах. Кто этого не пережил, не поймет, какое большое, почти магическое воздействие на сознание и менталитет человека может оказать такое участие в строительстве свободного общества, в длящихся целый день и не ограниченных никакой цензурой дебатах. «Мы можем перебраться сюда насовсем. Этот мир лучше. Боюсь, после Майдана все слишком быстро вернется в норму», — говорила польскому журналисту 21-летняя киевская студентка Анна Олександрова.

Поляки, чьи студенческие годы пришлись на 1980–81 гг., прекрасно понимают и помнят это. В те времена польские ВУЗы в ходе длившихся по несколько недель забастовок превращались именно в такие майданы, самоуправляемые и свободные колыбели гражданского общества. Там дискутировали с утра до ночи, спорили обо всем, вникали во все мелочи и проводили одно голосование за другим. Десять лет спустя выпускники этих ВУЗов закладывали фундамент польской демократии.

«Каждый студенческий курс должен пройти через такую забастовку, это необходимо записать в учебный план», — говорил тогда ректор Варшавского университета, историк проф. Генрик Самсонович, тот самый, который в 1989 году в первом правительстве свободной Польши стал министром высшего образования.

Вот и каждый народ должен пройти через свой Майдан. Это следовало бы где-то записать, в какой-нибудь конституции или своде национальных заповедей. На каменных скрижалях или на пергаменте. А может, в хартии ООН.

Народ с опытом Майдана становится гражданским обществом. И уже не столь склонен обнимать людей, которых считает очень близкими, хотя они сами предпочли бы быть более дальними.

МИЛЛИАРД С ХВОСТИКОМ

Уже каждое пятое десертное яблоко попавшее на столы европейцев выросло в ПОЛЬСКОМ САДУ. Как получилось, что из безымянных поденчиков мы превратились в агродержаву?

«Для десертной выпечки из яблок я рекомендую сорт Голден Делишес. Великолепно подходят яблоки из Восточной Европы, у них тонкая кожица и хорошая жесткость», — объясняет гурманам тонкости кулинарии во время своего телевизионного шоу Джейми Оливер, всемирно известный британский повар. Дело в том, что на Британских островах, в супермаркетах «Теско» и «Асда», яблок этого сорта, кроме выращенных под Груецем и Сандомиром, просто нет. В Польше растет более миллиона деревьев этой разновидности домашней яблони. Благодаря подобным рекомендациям эти светло-зеленые, с легким румянцем яблоки стали настоящим экспортным хитом из Польши. После сбора урожая этого года на иностранные рынки попадет миллион тонн польских яблок. А польские садоводы могут заработать даже 1,5 млрд. злотых.

«Знаете, сколько стоит наше груецкое яблоко на полке «Теско» в Лондоне? От одного до двух фунтов за килограмм. А сколько платит садоводам принадлежащее немцам перерабатывающее предприятие? Так я вам скажу: 20 грошей», — говорит Хуберт Возняк, руководитель группы «Райпол», одной из самых крупных среди польских производителей яблок. Удобно устроившись в кожаном кресле, он откладывает в сторону сотовый телефон и протирает стекла модных очков. Может, он и не похож на типичного обожженного солнцем садовода, но в яблочном бизнесе разбирается, как мало кто другой.

Философию бизнеса он излагает в трех предложениях: «Вырастить вкусное и красивое яблоко — это еще не все. Владельцы перерабатывающих предприятий, приватизированных иностранным капиталом, сбивают цены и мало платят. Наиболее рентабельно инвестировать в развитие собственного бренда и без посредников продавать яблоки торговым сетям, оставив любителей загребать жар чужими руками с носом».

В «Райполе» стратегию продажи довели до совершенства. Дешевые промышленные яблоки, которые покупают перерабатывающие предприятия, это менее одной пятой всей

продукции. Все остальные яблоки — красно-зеленые или желтые десертные, упакованные в картонные коробки или в специальные пластиковые формочки — попадают на полки польских магазинов: «Бедронки», «Лидла», «Теско» и «МаркПола». Половина яблок отправляется на Запад. Под носом французских и итальянских фермеров «Райпол» выставляет свои продукты на полки магазинов «Кауфланд» в Чехии, Румынии и Германии. При посредничестве «Лидла» покорила рынки Германии, присутствует в Португалии и в магазинах скандинавских стран. Лучше всего зарабатывает на британском рынке, так как в магазинах «Теско» и «Асда» польские яблоки стоят 1–2 фунта за килограмм. «Мы мечтаем, чтобы наши яблоки оказались на полке деликатесов «Сэйнсберис». Однако нужно еще немного поработать над качеством, над вкусом и твердостью наших яблок. Вот случится хороший урожайный год, тогда...» — Возняк блаженно улыбается от одной только мысли о марже и прибыли, которая исчислялась бы в банкнотах с изображением британской королевы. Ведь курс фунта к золотому составляет 5 к 1, а в Польше килограмм яблок в среднем стоят около 3 злотых.

Яблочные миллионеры

Одна из крупнейших в Польше «яблочных сокровищниц» расположена к югу от Варшавы. Стоит съехать с автострады S7 на широте Груеца, как вдоль шоссе покажутся огражденные сеткой сады. Плодовые деревья тянутся километрами. Садоводством занимается здесь уже не одно поколение местных жителей. Большинство населения работает либо в садах, собирая плоды и обрезая ветки, либо на предприятиях связанных с обслуживанием садовых хозяйств. Единственный серьезный работодатель вне этой отрасли — кондитерская фабрика, на которой делают — кроме всего прочего — знаменитые конфеты «Раффаэлло».

«Райпол» из деревни Вулька Ленчешицкая — это одна из крупнейших производственных групп в Польше, ее членами является сотня садоводов, хозяйства которых распростерлись на тысячу гектаров. К этой же весовой категории относится группа «Фрут-Сад» из Добецина. Около Лодзи, в окрестностях Регнова, расположены 600-гектарные владения группы «Роя», во главе которой стоит Роман Ягелинский, бывший вице-премьер и министр сельского хозяйства. А к юго-востоку от Варшавы, неподалеку от городка Гура-Кальварии, раскинулись владения фирмы «Сан Сад» (Sun Sad).

Десять лет тому назад здешние садоводы каждый год устраивали протесты перед перерабатывающими фабриками.

Перегораживали прицепами ворота предприятий, бросались под цистерны с фруктовым концентратом. «Разобщенные садоводы продавали яблоки за гроши, набивая кошельки посредников», — вспоминает Мирослав Малишевский, глава Союза садоводов Республики Польша: «Перерабатывающие предприятия были в свое время приватизированы крупными иностранными концернам, а те привыкли закручивать гайки. За самые дешевые промышленные яблоки они платят в несколько раз меньше, чем садоводы тратят на то, чтобы их вырастить, обработать и собрать».

Тот, кто отказался сдать урожай за бесценок, в отчаянии продавал яблоки у дороги, либо пытался сбыть на оптовых рынках и базарах. Именно таким образом разорился кооператив, членами которого были родители Хуберта Возняка. Когда Польша входила в Евросоюз, Возняк заканчивал юридический факультет. Много говорилось о евродотациях, и Хуберт юриспруденции предпочел экономику. Разработал план по созданию группы производителей, которая была бы в состоянии такие дотации получить. В Евросоюзе подобные объединения, созданные из нескольких десятков садоводов, многие годы пользуются финансовой поддержкой — им, например, возвращают затраты на инвестиции в холодильные камеры, склады, машины для сбора плодов и т.д. Благодаря этому, они набрались сил и сегодня с торговыми сетями разговаривают на равных.

«Нас было девятеро, и мы были первыми польскими садоводами, которым удалось запустить руку в карман Евросоюза», — с удовлетворением констатирует он. Запустили свою руку они глубоко, за несколько лет «Райпол» получил около 50 млн. злотых. На эти деньги построили настоящую яблочную фабрику. Возняк отклеивает от яблока маленькую этикетку «Теско» и вонзает в румяный бок зубы. За ним одни машины автоматически сканируют, взвешивают, измеряют и сортируют фрукты, другие упаковывают их в картонные ящики и укладывают на паллеты. Сейчас в «Райполе» за год перерабатывается 50 тыс. тонн фруктов. Именно такие фирмы способны вести рыночную войну с садоводами из Италии и Франции, традиционно господствовавшими на рынках Западной Европы. После урожайного лета и осени 2012 года Польша стала третьим, после Китая и США, производителем яблок в мире.

По данным Союза садоводов Республики Польша в прошлом году мы продали за границу более 950 тыс. тонн яблок стоимостью на 1,4 млрд. злотых. Глава Союза Мирослав

Малишевский полагает, что ближайший сезон, т.е. осень 2013 года, обещает быть еще лучшим, и на зарубежные рынки может попасть даже миллион тонн польских яблок.

«Сан Сад» из Мазовии продает за границу 70% своей продукции. Успеху способствовало то, что после неурожая яблок во Франции, Испании и Италии продавцы из этой фирмы заняли место конкурентов. Все чаще поляки появляются на арабских рынках, а вскоре начнется финансируемая Брюсселем кампания по продвижению европейских яблок в Китае.

Яблоки за нефтерубли

Пока больше всего польских яблок съедают все же россияне. В нынешнем году на этом рынке самые высокие продажи за десять лет — следует из данных службы Agra-net.com. Тот, кто доберется со своей продукцией до Москвы, станет миллионером. Так как семья Радецких из Бронишева, что под Груецем. Их «Садпол» (Sadpol) 20 лет занимается скупкой яблок у окрестных садоводов и торговлей с Россией.

«Если как следует посчитать, фруктовая отрасль приносит государству не меньший доход, чем торговля медью», — утверждает Мачей Радецкий в беседе с журналом «Впрост». Он не любит говорить о своем состоянии, потому что это раздражает поставщиков, упрекающих бизнесмена в роскошной жизни за чужой счет. Действительно, помпезность его резиденции режет глаза. Перед домом фонтан с огромным мраморным дельфином, за домом парк с богатейшим в Польше собранием хвойных деревьев и искусственной речкой с водопадами. Несколько сот метров от дома до фирмы и дистрибуционного центра бизнесмен преодолевает на роскошном мерседесе.

«Русские годами переплачивают за импортные фрукты, так как собственной промышленности у них, в сущности, нет. Так же, как мы зависим от российского газа, так на Востоке зависят от нас: ни один полдник или ланч не обходится там без польского яблока», — поясняет Михал Малишевский из Союза садоводов РП.

Дело дошло до того, что российские политики всерьез озадачились вопросом, как избавиться от зависимости от поставок польских яблок. Результатом этой политики стала польско-российская торговая война 2005 года. На фрукты из Польши наложили эмбарго. Одновременно российские фирмы из Краснодарского края заказали у нас огромное количество саженцев и молодых яблонь. Кроме того, в Груце и

окрестностях появились объявления предлагающие работу в Россию специалистам и студентам в области садоводства.

Эмбарго должно было дать время для создания собственной яблочной промышленности. Но из этого ничего не вышло. Поляки не позволили вытеснить себя с рынка. Доходную торговлю нашими яблоками взяли на себя посредники из Литвы, подключилась даже молдавская мафия, воспользовавшаяся тем, что торговля между Молдавией и Россией была беспоплатной. Малишевский добавляет, что последний проект снятия зависимости России от польских яблок предусматривает создание огромных садов в Калининградской области. Однако и из этого ничего не получится.

Технология прибыли

Ведь яблоко только с виду простой товар. Хуберт Возняк из «Райпола» перечисляет особенности фруктового ноу-хау: чтобы разбить гектар сада, нужно инвестировать 80–100 тыс. злотых. Таких гектаров хорошо бы иметь несколько, а еще лучше – больше десятка. Чтобы бизнес приносил прибыль, необходимо с каждого гектара собирать по 30–60 тонн пригодных к продаже яблок. Такую урожайность обеспечивают удобрения и опрыскивание. Это опять затраты. Чтобы плоды не выросли червивыми, пригодными только на корм скоту, опрыскивать нужно несколько раз в год. За химию платят в евро, а цены такие же, как на Западе. «Тогда, может быть, экологически чистые, без опрыскивания лучше?» — задаем мы вопрос. «Не смешите меня! На кожице выступают грибковые пятна, и никто ничего не купит. Знакомый прислал мне фотографию из экологического магазина в варшавской торговой галерее. Там наши фрукты продавались по 9 злотых!» — иронизирует яблочный магнат.

Продукция — это еще не всё. Если выбросить на рынок весь урожай лета и осени, цены рухнут в одночасье. Поэтому яблочные бизнесмены строят хранилища. В самых современных из них яблоки хранятся в камерах, из которых выкачивают кислород и нагнетают азот. В такой атмосфере при температуре 2°C фрукты «перестают дышать», но сохраняют свежесть. В Груеце на прошлой неделе закончились последние яблоки, собранные осенью 2012 года, а тут как раз начался сбор урожая нынешнего года. Благодаря этому, садовод зарабатывает круглый год.

Александр Гогун

ВЫСТАВКА О ГУЛАГЕ В СЕРДЦЕ ЕВРОПЫ

Входит Мусор с криком: «Хватит!» Прокурор скулу квадратит.

Дверь в пещеру гражданина не нуждается в «сезаме».

*То ли правнук, то ли прадед в рудных недрах тачку катит,
обливаясь щедрым недрам в масть кристальными слезами.*

*И за смертною чертою, лунным блеском залитою,
челюсть с фиксой золотою блещет вечной мерзлотою.*

Знать, надолго хватит жил

тех, кто головы сложил.

Иосиф Бродский. Представление (1986)

Не многим известно, что вот уже пятый год 23 августа отмечается в Евросоюзе как день памяти жертв тоталитарных диктатур XX века — годовщина пакта Молотова—Риббентропа. Как и по поводу всякого нововведения, официальных мероприятий пока что устраивается немного, но так совпало, что как раз в эти дни в Берлине, в Германском историческом музее, проходит выставка «ГУЛАГ. Следы и свидетельства. 1929–1956». Именно пакт послужил тому, что система сталинских лагерей расширилась сперва до Немана и Дуная, а потом аж до Эльбы и альпийских предгорий. И в каторжном архипелаге оказались представители всех наций Европы.

В двух относительно небольших залах — небольшие справки о событиях той эпохи, в том числе историческом контексте: индустриально-бравурные или кулаконенавистнические плакаты времен первых пятилеток, фотографии советской повседневности, Голодомора, сталинских палачей, обывателей и жертв. Есть общесоюзная карта мест смерти и мучений, оригиналы примитивных орудий труда коммунистических рабов, предметы одежды и быта жителей империи сверхэксплуатации, фотографий заключенных и форма надзирателей. Аудио — и видеозаписи доносят воспоминания

ущевших о пережитом, короткие биографические сведения об отдельных, возможно типичных, обитателях ГУЛАГа.

Выставку до этого показывали в Веймаре и Нойхарденберге, и в течение неполных четырех месяцев в этих небольших городах ее осмотрело двенадцать с половиной тысяч человек, т.е., исключая выходные по понедельникам, в среднем по 125 посетителей в день. В столичном музее за два с половиной месяца ее уже увидело 15 тыс. немцев и туристов, далее экспозиция уедет в Лейпциг, а потом в Бонн.

Ведущие германские газеты отреагировали на нее хвалебными статьями. Более того, как сказала сотрудница пресс-службы музея, экспозиция не получила в СМИ ни одного критического отзыва. Как сообщила нашему изданию Ромми Лангехайе, одна из соавторов экспозиции, — ее уникальность именно в концентрации на быте зэков, наличии значительного количества оригинальных экспонатов из ГУЛАГа, а также в аудио — и визуальном сопровождении. Подобная выставка, причем меньшего размера, в последние десятилетия была продемонстрирована в Западной Европе только один раз — в Швейцарии, а пояснительные таблички были на французском языке.

При этом представленная германо-российская экспозиция не идеальна как с концептуальной точки зрения, так и в отношении конкретного наполнения. Например, в одной из исторических справок «Другие лагеря» — ведь одним ГУЛАГом не исчерпывалось пространство за колючей проволокой в СССР — приведена статистика смертности в... нацистских лагерях для советских военнопленных. Рядом — сведения о том, сколько немецких солдат оказалось под сталинской «опекой». Но нет данных об их смертности! Этот пример показывает, что в немецкую историческую память параллели между сталинским и гитлеровским режимом входят всё еще с трудом. А ведь сведения о «потерянном миллионе» пленных шокировали общественность ФРГ еще в 1950-х, когда из Советского Союза вернулись последние германские военнопленные. Тогда эта цифра добила рейтинг компартии Германии и облегчила ее конституционный запрет.

К сожалению, довольно много фотографий в электронном виде сменяются на экранах, что затрудняет их спокойное вдумчивое восприятие. Правильнее было бы сделать больше стендов со снимками. Это простой, дешевый и удобный носитель информации, который занимает сравнительно мало места. Во всяком случае, пространства для дополнительных стендов в

использованных залах Германского исторического музея точно хватило бы.

Скажем так, оригинальным художественно-оформительским ходом является то, что многие экспонаты демонстрируются в 18 шкафах, напоминающих места хранения папок с документами. Авторы поясняют такое решение тем, что хотели показать: в последние годы открывшиеся архивы позволили исследовать лагеря и репрессии. Но, во-первых, экспонаты в этих шкафах осмотреть полностью не получается. Удастся сделать это только с одной (застекленной) стороны — открытых дверей. Поэтому, например, если глядеть на вывешенный ватник, не видно, был ли у эка номер на спине. Во-вторых, многие хранилища документов или описи эпохи сталинизма, особенно в ведомственных архивах, в РФ остаются закрытыми. Это вызывает постоянную и публичную критику всех независимых историков, в том числе тех же авторов-составителей представленной экспозиции. Поэтому лучше было бы, чтобы 17 шкафов были полностью прозрачными, а один — железным. Его следовало бы закрыть амбарным замком, на котором повесить табличку: «Засекречено на период рассекречивания». Так можно было бы увеличить поддержку общественности в борьбе с начальством российских архивистов. Именно оно вопреки не только праву, но и закону держит фонды частично закрытыми, то есть обеспечивает себе возможность получения взяток и условия для ведения неосталинистской пропаганды, в том числе с помощью фальсификаций.

Выставка информирует, но мало что объясняет: посетителю не становится понятно, зачем же существовал ГУЛАГ. Была ли это бесхозяйственная политическая машина для уничтожения несогласных, усмирения потенциальных и реальных оппозиционеров, аппарата для русификации национальных меньшинств, оказавшихся за колючей проволокой, запугивания всего населения? Или же это был экономический инструмент для ударной разработки стратегических ресурсов ценой немыслимых трат и потерь, на которые «эффективному менеджеру» было наплевать? Ибо он готовился к захвату Европы, а потом и всего остального. По этому поводу в науке существуют разные мнения, но ни одно из них не представлено на экспозиции хотя бы короткой цитатой.

Представленная модель футуристического памятника «Коминтерн», который так никогда и не был построен, косвенным образом относится к теме ГУЛАГа. С другой стороны, интересно было бы увидеть на выставке

уменьшенную реконструкцию одного из, например, воркутинских лагерей — такой модели там нет.

Экспозиция довольно скромная по количеству собственно музейных экспонатов — материальных свидетельств эпохи, т.е. вещей. Лагерь — это заключение и стража, поэтому можно было бы добавить на обозрение кусок колючей проволоки или оружие охранников.

Наверное, собственно ГУЛАГ НКВД представлял собой своеобразный «полюс лютости» среди разнообразных и многочисленных сталинских мест лишения свободы и принудительного труда. Человека там ждало скорее не выживание, а смерть. Солженицын назвал эти лагеря «истребительно-трудовыми». Однако на выставке почти нет фотографий и экспонатов, которые дают понять убийственность этой организации. Понятно, без плакатной «пропаганды ужасов» этого добиться не так просто, но, например, сотрудники ряда западных музеев о поголовном уничтожении еврейского населения сумели это сделать.

Над подготовкой экспозиции три года трудились лучшие представители соответствующей части научного и музейного мира — российский «Мемориал» и немецкий фонд места памяти «Бухенвальд», который был сначала нацистским, а потом советским концлагерем. Финансировался проект в том числе и из германского бюджета — Федеральным фондом культуры.

Тем не менее в книге отзывов можно прочесть массу благодарностей, потому что посмотреть есть что.

Не знаю, как надолго впечатления овладели другими посетителями экспозиции, но я, пройдясь после выставки по залитому солнцем современному центру Берлина, никак не мог отделаться от мысли, что во многих окружающих артефактах наверняка есть частичка труда рабов тоталитарных империй XX века. Пускай эта толика и дошла до наших дней через наследование нескольких «хозяйствующих субъектов».

Завершим статью цитатой из рассказа Пелевина: даже в стране, свободной веками или хотя бы десятилетиями, человек с воображением «увидит гулаговских зэков в рваных ватниках, которые катят свои тачки по деловым кварталам мировых столиц и беззубо скалятся из витрин дорогих магазинов».

Статья написана при поддержке международного института исследования Холокоста Яд Вашем.

МНОГОЕ ЗАВИСИТ ОТ ЭМПАТИИ

О новом Музее, о нетерпимости и мультикультурном самосознании с кинорежиссером Агнешкой Холланд беседует Наталья Синяева-Панковская.

— Большую часть времени вы проводите за границей. На торжества, связанные с 70-й годовщиной восстания в варшавском гетто, Вы приехали специально?

— В каком-то смысле да. Но кроме этого в Польше у меня живет мать, которая уже не столь молода и неохотно выезжает за границу, она как раз отмечала день рождения. Мама тоже очень хотела принять участие в торжествах, она удостоена звания Справедливой среди Народов Мира, и еврейские вопросы всегда были ей близки. Я всегда, если только могла, старалась прилетать на празднование восстания в гетто. Пока был жив Марек Эдельман, мы ходили с ним, и теперь все близкие ему люди поддерживают эту традицию. А здесь еще и круглая дата — открытие Музея истории польских евреев...

— Значит, вы уже были в Музее? Вам понравилось?

— Да, была. Я думаю, что здание замечательное, и это будет место, притягивающее к себе людей. Это очень важно, многие уже посетили музей, приняли участие в мероприятиях. Что само по себе успех. Я не выступала ни в каких дискуссиях, но друзья мне сказали, что за один день музей посетило 7-8 тысяч человек, люди сидели даже на ступеньках, в течение всего дня был полный зал. Это не только из-за годовщины или темы. Думаю, что если бы конференция была в каком-нибудь другом месте, например, в Еврейском историческом институте, то народу пришло бы значительно меньше. Здесь прекрасный, очень современный актовый зал с хорошей акустикой и сценой. Тут ежегодно будут проходить интересные мероприятия. Я убеждена, что Варшаве необходимо такое место, евреям необходимо такое место, полякам необходимо такое место. Сейчас все зависит от людей, которые должны наполнить Музей содержанием. Станет ли он местом встреч и обмена информацией? Если говорить об образовательных программах, у музея смелые планы и большое будущее, но постоянной экспозиции пока нет, и трудно сказать, что это будет. Надеюсь, она оправдает наши ожидания.

— Это будет, наверное, единственный такой богатый и современный Музей в Восточной Европе?

— Похоже, что да. Есть разные музеи в Берлине, Вашингтоне, но это главным образом музеи Холокоста, музей Смерти. Мне нравится, что в Варшаве это будет музей Жизни, поскольку очень небезопасно отождествлять самосознание евреев только с Холокостом, еврейское самосознание гораздо богаче, чем опыт Уничтожения.

— Но с другой стороны, важно не забывать об этой трагической странице истории. До сих пор не все о ней знают. Вы сняли три сильных фильма на тему Холокоста, которые были номинированы на «Оскар» («Горькая жатва», «Европа, Европа» и «Во мраке»). Фильм «Горькая жатва» был снят еще в 1985 году и стал одним из первых затрагивающих эту сложную тему еще до известного «Шоа» Клода Ланцмана. Как раз тогда начались дискуссии в Германии... Что изменилось в кинематографе за время, которое прошло между вашим первым и последним фильмом?

— Конечно, тогда о Холокосте говорилось значительно меньше. Художественных фильмов было немного. Каждая из стран вела свою историческую политику, касающуюся этого вопроса. Для Германии эта тема была не только болезненной, но и постыдной, она была напрямую связана с сильным чувством вины. Однако вслед за официальным признанием вины не последовало никаких попыток ввести эту тему в область образования. На рубеже 1980—1990-х годов, перед съемками фильма «Европа, Европа», я интересовалась, какие образовательные программы по теме Холокоста есть в Западной Германии, их было совсем немного — один урок в лицее. Во Франции — свои проблемы и комплексы: коллаборационизм, Петен, режим Виши, депортация евреев. В Польше: нарастающий антисемитизм в довоенный период, «гетто за партами»^[1], погромы, различные ужасы в период оккупации и после войны, официальный антисемитизм правящих коммунистов, который в 1968 году привел к массовой эмиграции остатков польских евреев... В истории каждой из этих стран были свои особенности, которые приводили к тому, что тема частично замалчивалась, частично искажалась. Я думаю, что сегодня мы значительно ближе к истине. Прежде всего, наконец заговорили сами евреи. Ведь те, кто спасся, пережил Холокост, в первые послевоенные годы — по разным причинам — не хотели рассказывать об этом кошмаре. Начиная с восьмидесятых годов все чаще появляющиеся — в самых разных формах: в виде воспоминаний, книг, фильмов, документальных или

художественных, таких, например, как «Шоа» Ланцмана — рассказы об уничтожении привели к перелому в общественном сознании. Свидетельские показания самих евреев были для людей шоком. Потом тему подхватила массовая культура — появились сериалы, такие, как американский «Холокост», сыгравший существенную роль в пробуждении общественного сознания не только американцев, но и немцев. Потом были моя «Европа, Европа», «Список Шиндлера» и целый ряд фильмов. Появились новые подходы, новые способы говорить об этом, к примеру, комедийный фильм «Жизнь прекрасна». Спилберг создал — и это был замечательный проект — своеобразный архив записанных на камеру свидетельств — многие только тогда вернулись к тому, что пережили, к своему опыту.

Кроме того разные аспекты Холокоста постоянно исследуют историки. В Польше после 1989 года произошел огромный качественный сдвиг — возникла целая школа, которая занимается польско-еврейскими отношениями времен оккупации. Польские историки очень честно и смело поднимают вопросы касающиеся наиболее темных моментов этой эпохи. Я имею в виду даже не Яна Томаша Гросса, а Барбару Энгелькинг, Яна Грабовского, Дариуша Либенка и т. д. На фоне исследований американских и израильских историков их вклад огромен, в том числе и с точки зрения методологии. Польское общество шокировало открытие, что мы были не только невинными героическими жертвами, но несем ответственность за некоторые страницы Уничтожения.

— Иногда это вызывает обратную реакцию...

— Я думаю, что в целом антисемитизм в Польше ослаб, хотя — и это парадоксально — в некоторых кругах он усиливается. Вновь поднимает голову то, что было заморожено во времена социализма — этакий правый, националистически окрашенный, католический, глубоко укорененный антисемитизм. Правда о событиях в Едвабне вызвала бурный рост подобных убеждений. С другой стороны, мне кажется, что теперь легче вызвать эмпатию, просто показывая, что евреи жили среди нас, что они одни из нас, такие же люди, как и мы. В последние годы антисемитские настроения усиливаются так же в западной Европе. Главным образом из-за политики Израиля, которая представляет собой благодатную почву для возвращения к стереотипам: начинаются разговоры, что, мол, что-то не так с этими евреями; как-то легче — осуждая поведение Израиля по отношению к палестинцам — воспользоваться этим как поводом, чтобы избавиться от неприятного коллективного чувства вины за равнодушие или

соучастие в Холокосте. Вместе с тем растет антисемитизм среди иммигрантов из мусульманских стран, например, во Франции. Поэтому так важна деятельность таких организаций, как общество «Никогда больше». Работа в области образования и воспитания позволяет заметить и предотвратить опасность прежде, чем она появится.

— Ваши фильмы меняют общественное сознание. Вы поднимаете темы, о которых до сих пор было не принято говорить вслух. Например, фильм «Во мраке» затрагивает проблему коллаборационизма на Украине. Для некоторых это было настоящее открытие ...

— К сожалению, украинцы к разработке этой темы особых усилий еще не приложили: не анализировалось поведение украинцев по отношению к евреям во время немецкой оккупации, до сих пор не показаны и не осуждены преступления против евреев. Исключение составляют работы нескольких, очень порядочных историков. Украинское общество не готово к принятию нелицеприятной правды. Не проведена даже малая толика той работы, которую проделана в этом направлении в Польше. Фильм «Во мраке» показали во Львове только один раз. На встрече со зрителями слово взял молодой националист, крайне возмущенный представленными фактами. Ему ответил украинский историк, который утверждал, что факты были куда страшней. Ни о каких других реакциях на этот фильм на Украине я не слышала. Зато я знаю, как фильм восприняли в Польше, Соединенных Штатах и во многих европейских странах. Я была на многочисленных встречах со зрителями в этих странах. И там встречала украинцев. Осознание вины собственного народа оказалось для большинства из них слишком трудным.

— Как этот фильм воздействует на людей?

— Люди реагируют очень эмоционально. Насколько я знаю, в Польше фильм прошел с огромным успехом. Была хорошая посещаемость. Только в кинотеатрах его посмотрело миллион двести тысяч зрителей. Реакция была очень сильной. Люди глубоко «входили» в повествование, отождествлялись с героями. Так что этот фильм — вызывая сочувствие к евреям, заставляя сопереживать — сыграл свою роль в пробуждении в обществе эмпатии.

— Но нужно же что-то делать дальше, учитывая этот восточный аспект...

— Это трудная тема, и инициатива должна исходить из внутренней потребности людей творческих профессий. Если речь идет об образовании, о сохранении архивов и документов, то тут нужно работать в любом случае. В особенности потому, что, как я отмечала, свидетели начали говорить очень поздно и теперь уходят один за другим.

— При создании подобных фильмов стало трудно избегать клише, банальности в изображении Холокоста...

— Вот именно. Становится все трудней показать ту действительность. Из-за повторяемости некоторые художественные образы стали просто банальными, и если хочешь удержать зрителя в эмоциональном напряжении, нужно пробуждать чувства какими-то новыми способами.

— С чем связан недостаток эмпатии в Восточной Европе?

— Исторический опыт этих стран таков, что люди в них гораздо менее склонны к эмпатии, чем на Западе. Они сосредоточены на собственных проблемах. Мне кажется, это можно назвать неким националистическим эгоизмом. С другой стороны, в течение целых десятилетий или даже столетий правда о собственном самосознании, историческая правда менялись и искажались, поэтому у людей возникают проблемы с пониманием того, где правда, а где ложь, им сложно признать и принять свои ограничения или собственную вину. Я очень четко вижу, как в Польше работает механизм, позволяющий приписать зло кому-то другому, вероятно, в России или на Украине ситуация такая же: виноват всегда кто-то другой. Если что-то пошло не так, в ответе всегда «другой». Это очень ярко отражается в польской политике, по этой модели, например, построена партия «Право и Справедливость». Но это касается не только политики, это сидит где-то глубоко внутри человека. Как некое следствие комплекса меньшинства: мы — как народ или как общество — с чем-то не справляемся, значит это происки врагов. Еврей в процессе перенесения зла изнутри наружу всегда был важной фигурой — это он виноват в том, что поляк беден, не в состоянии решить собственные проблемы и пьет водку. Другой пример перенесения — отсутствие свободы, русские или немцы нас угнетают, Запад предал, мы невинные жертвы, без вины и личной ответственности. Эти механизмы продолжают работать, разве что еврей исчез с первого плана польской жизни. Сегодня в Польше евреев почти нет. Но идея осталась — как сказал мне один варшавский таксист после мартовских событий 1968 года^[2].

— Как раз недавно вы говорили о гомофобии, как о «новом польском антисемитизме»...

— Гомофобия еще менее рациональна, чем антисемитизм. До войны антисемитизм имел в Польше какие-то экономические причины, еврейское меньшинство составляло около 10 процентов населения. Такое многочисленное меньшинство сильно влияет на жизнь большинства. К тому же евреи составляли большую часть среднего класса, которого у поляков по разным причинам почти не было, и массово занимались профессиями считавшимися престижными. То есть действительно могли быть (или таковой казаться) конкуренцией для коренных поляков. Но ведь опасность, исходящая от гомосексуалистов, — это полная фантазмагория. Этим нельзя никого заразить, и, несмотря на то, что пишут в Польше, гетеросексуалы не теряют ни прав, ни привилегий. Стало быть дело в символических ценностях, вызывающих страх и ненависть... Впрочем, все, что касается секса и положения мужчины в обществе, легко пробуждает разные глубоко укорененные страхи. Можно исторически объяснить польскую неприязнь к России или Германии, но с гомосексуалистами все по-другому: ведь реально они никому не угрожают.

— Есть ли шанс, что однополые браки будут легализованы в Польше? Возможны ли изменения в этом вопросе, ведь Польша давно уже часть ЕС?

— Я не знаю, что будет. Сегодня неизвестно, не разразится ли третья мировая война. Положение дел таково, что давно уже не было мировой войны, а уровень иррациональности и агрессии растет. Так что неизвестно, к чему все это приведет.

Мне кажется, что большинство стран постепенно осваивается с «инаковостью». Я наблюдала за этим процессом в Соединенных Штатах, во Франции. В США еще 10–15 лет назад ситуация во многом напоминала то, что происходит сегодня в Польше. Чувства людей, сознание общества меняются, но политики не всегда за этим успевают. Массовая культура играет большую образовательную роль в ускорении подобных процессов. Это было особенно заметно в Соединенных Штатах. В популярных сериалах и фильмах геи постепенно стали показывать как самых обыкновенных людей, произошло своеобразное осваивание иного. Геи, в свою очередь, начали бороться за свои права, перестали скрываться. Все увидели, что это нормальные, часто симпатичные люди, что их союзы могут быть счастливыми и гармоничными. К сожалению, в Польше практически нет СМИ, которые пропагандировали бы идеи

толерантности. Такого рода воспитательный, освобождающий импульс в наших средствах массовой информации — впрочем, так же, как в школе или в костеле — очень слаб... Католическая церковь как бы забыла, чему учит Евангелие, в Польше она особенно консервативна, служит делу исключения и придерживается крайне правых взглядов. Чтобы принять другого, человек должен быть открыт. Именно этого нам не хватает. Открытости. Вместо нее — нарастающий национальный и религиозный эгоизм. Если в школах говорят о ценностях, то только на уроках катехизиса. И это всё. Аксиологическая пустота вокруг национально-религиозных ценностей приводит к тому, что молодежь придерживается всё более правых взглядов, в ее среде растут нетерпимость и антисемитизм, что подтверждают последние исследования проведенные среди учащихся. Я вижу все это в более пессимистическом свете, чем 8-10 лет назад. Но на самом деле всё зависит от ситуации в мире, и от того, как будет выглядеть Европа, возникнет ли настоящее европейское сообщество или победят эгоистические интересы отдельных племен и государств.

— Мы все же ждем перемен... может быть, они наступят... Поговорим о чем-нибудь приятном. Меня очень интересует мультикультурный аспект в вас самой. К тому же вы всегда так интересно про это рассказываете. Вы происходите из мультикультурной семьи, живете в нескольких странах, говорите на разных языках... Это, конечно, играет какую-то роль в творчестве?

— Меня это обогащает, хотя, конечно, можно и потеряться, почувствовать отчуждение. Но я более-менее справляюсь. Множественная самоидентификация расширяет кругозор. Действительность представляется более многогранной, благодаря чему мир становится богаче, а его смысл воспринимается глубже. Поэтому мне так любопытны разного типа люди, культуры, точки зрения, идентификации. Люди пограничья более открыты, чем моноэтническое население. А уж знание языков обогащает точно.

— Это заметно и по вашим фильмам, в которых звучат разные языки... Взять хотя бы фильм «Во мраке», мы слышим там польский, идиш, украинский и какой-то странный язык, который мне, рожденной на востоке, был понятен, а вот моему мужу из Польши не очень... что это за язык?

— На западе я сняла несколько фильмов на английском, хотя они и не имели отношения к англоязычной действительности.

Иногда из-за этого что-то пропадало. Например, на английском я сняла фильм о французских поэтах. Во Франции я по-английски снимала фильм о польском священнике Попелушко. У меня были блистательные актеры, кроме того в мире кино английский это лингва франка, а значит дает больше возможностей, если дело касается проката. Но в какой-то момент я решила, что не хочу этим пользоваться, если речь идет о новейшей истории. Там, где нужно показать национальное или культурное самосознание героев, правда языка очень важна. Я стала бороться за возможность рассказывать истории на языке оригинала.

В фильме «Во мраке» герои говорили на настоящих языках Львова. Это было мое условие. Я даже не представляла, как много было там языков. Мы исходили из положения, что соответствующее место и время эта история обретет именно благодаря языкам. Зрительный зал воспринял это очень хорошо. Как своего рода путешествие. Прием полностью себя оправдал. В фильме звучит «балак», на этом языке до войны разговаривали львовские поляки. Это язык определенной социальной группы, которая создала свою особую, популярную субкультуру. На балаке рассказывали анекдоты и снимали фильмы. Балак звучал в кабаре и на местном радио, где знаменитый дуэт Щепко и Тонко вел программу «Львовская волна». После войны этот язык практически исчез. Во Львове еще можно найти людей, которые на нем говорят, но в Польше нам было трудно найти человека, который обучил бы актеров лексике и произношению. Потому что это очень своеобразный говор, отличающийся от вильнюсского, на котором говорят многие. В этом языке очень оригинальная лексика, которая, вероятно, является смесью польского, немецкого, русского, украинского, чешского и разных других языков, говоров и наречий. В конце концов во всей Польше нашелся один единственный человек — живущий в Забже пан Рышард. Он превосходно знает балак, занимается его изучением, даже создал любительский театр на этом языке. Пан Рышард приехал в Варшаву и перевел все диалоги героев фильма — Щепки, Сохи и его жены. Потом он научил балакать актеров. Говорить по-львовски — это значит балакать.

— Польше не хватает всего этого? Может быть в последнее время — например, в связи с открытием Еврейского музея — что-то изменилось?

— Более широкий интерес к еврейской культуре вызвал организованный в Кракове под конец существования ПНР Фестиваль еврейской культуры, который стал неким ритуалом,

обязательным мероприятием, на которое приезжали люди со всего мира, в основном евреи, но не только. Еврейская культура всё больше интересовала и притягивала поляков. Помню, как в Кракове в начале восьмидесятых на встрече со студентами во время разговора о еврейском вопросе меня спросили о моем еврейском происхождении. Невозможно себе даже представить, чтобы в где-то еще Польше об этом можно было поговорить. Благодаря этому фестивалю люди открывали для себя другую интересную культуру и всю еврейскую тематику. Сегодня даже в таких маленьких городках, как Пётркув-Трыбунальский или Тарнув, местная интеллигенция издает исторические бюллетени, в том числе касающиеся и еврейской истории этих мест, организует разные интересные мероприятия. С другой стороны, повышению интереса к еврейской культуре симметрично сопутствует усиление антисемитских настроений. Другие культуры, другие национальные меньшинства обладают меньшей пробивной силой. Но потихоньку изменяется и это. Я недавно была под Белостоком, где живет немного татар. Там есть и мечети. Я видела, что местным это интересно. Но в целом Польша, к сожалению, моноэтнична, и ничего тут не поделаешь. Больше всего меня расстраивает то, как плохо в Польше относятся к беженцам: как чиновники, так и простые граждане. Ведь поляки сами часто бывали эмигрантами и должны уметь сопереживать людям, вынужденным жить в чужой стране. Думаю, что мы недостаточно открыты, нам не хватает интереса к другому человеку и желания помочь, которое я видела в других странах, например, во Франции или в Соединенных Штатах. Организации такого типа как «Никогда больше» создаются для того, чтобы постепенно это изменять.

— Что вас вдохновляет?

— Многие вещи. Больше всего меня интересуют разные аспекты самосознания, не только в политическом или социальном контексте, но и в экзистенциальном плане. Мне интересно всё, что я слышу и вижу. Нет, я не хотела бы снимать очередной фильм о Холокосте. Может быть, я бы еще сделала фильм о Яне Карском, курьере польского подполья, который сообщил сильным мира сего о массовом уничтожении евреев тогда, когда еще можно было что-то сделать, но никто не хотел его слушать. Если я найду деньги, я сделаю этот фильм. Причем я не считаю, что Холокост — это исчерпанная тема, следующие поколения будут к ней возвращаться. Это ключевой момент в истории человечества, страшная тайна человека. Много уже сказано, но понять удалось лишь немного...

Беседа подготовлена совместно с Обществом «Никогда больше».

1. Гетто за партами — форма сегрегации по национальному признаку, практиковавшаяся в польских университетах в тридцатых годах XX века; специально выделенные в учебном классе или аудитории места для студентов еврейской национальности.
2. В результате разжигаемой польским коммунистическим правительством антисемитской кампании евреи были объявлены «пятой колонной» израильского сионизма; что привело к массовой эмиграция евреев из Польши.

ПРОПАДАЮТ ДЕТИ

После полудня я уселась за кухонным столом просмотреть материалы для репортажа. Кухня всегда была самым теплым и самым светлым помещением в этом доме, и хотя из заржавевшего крана по-прежнему капала вода, а деревянный пол прогибался так, что в любую минуту мог провалиться и заживо похоронить меня, здесь было чисто. Пан Альберт приложил немалые усилия, чтобы дом не превратился в развалину, и я понимала, что я у него в долгу за все эти годы, которые он присматривал за нашим хозяйством. На столе стояла миска с яблоками из моего сада. Блестящими и душистыми. Я укусила одно и вспомнила, что у всех нас было собственное место за столом. Я всегда садилась по одну его сторону, а отец с Эвой — по другую, будто мы предчувствовали, что нам уготована разная судьба. Уже в те времена я ощущала пронзительное одиночество — ведь они, несмотря ни на что, были вместе, связаны предназначением.

У стола, как и прежде, стояло четыре стула, и я заняла тот, который много лет назад принадлежал мне. Взглянув на пустые места, я выбросила огрызок и включила компьютер. Открыла папку «Пропадают дети». Тексты и фотографии были уложены со свойственным мне стремлением к порядку. В файле «Обстоятельства» я собрала информацию на тему событий, предваривших исчезновение валбжихских^[1] детей и им сопутствующих. Теперь, когда я просматривала материалы, у меня вновь возникло чувство, которое преследовало меня с тех пор, как я занялась этим делом: что-то сгущалось вокруг меня, приобретало форму, словно эктоплазма, о которой рассказывала мне сестра. Однако по порядку. В январе сгорел приют для кошек в районе Русиново, на окраине города. Приют был частной инициативой Малгожаты Фелис, шестидесятилетней архивистки на пенсии, чудаковатой и одинокой. Кто-то ночью облил все бензином и поджег. Погибла хозяйка и почти все питомцы, спавшие зимой в закрытых помещениях. Сто двадцать семь кошек, как старательно подсчитали потом. Я представила себе сто двадцать семь обугленных трупиков, каждый не больше новорожденного ребенка, и дым, поднимающийся над пожарищем на месте убогого строения. Виновных до сих пор не нашли, да и сама история особых эмоций не вызывает — кого интересует сумасбродная старуха и скопище неугодных кошек? «А

вонищей несло!», — кривится житель Русиново, с которым на размещенном в сети ролике разговаривает блондинистая журналистка с местного телевидения Сандра Козюля-Пыжицкая. «Один вонизм от этого кошачьего сброда был...». Местный житель морщится, хотя похоже, что сам он моется гораздо реже, чем среднестатистический кот. Молодая женщина с ребенком, к которой обращается все та же блондинка, считает, что лучше бы Малгожата Фелис занялась проблемами матерей с детьми, а не бездомных животных. Матерям оно нужнее. Особенно матерям маленьких детей. Шумиха вокруг сгоревшего дома быстро утихает. Зато нарастает недовольство из-за нищеты и безработицы. В районе Собентин — до войны там жили одни немцы, а теперь это самый бедный район нашего небогатого городка — из-под земли бьет сероводород, а жители панельных домов времен социализма и довоенных каменных зданий жалуются на такое нашествие тараканов, какого давно тут не было. В апреле пропал первый ребенок, девочка. Спустя два месяца — мальчик. За несколько дней до моего приезда — еще одна девочка. Полиция никаких следов не обнаружила, и следствие застопорилось. Анжелика, Патрик, Калинка как сквозь землю провалились. Растаяли как дым в воздухе. Канули как камень в воду. Улетучились как камфара. Такими словами описывают здесь исчезновение детей, а город погружается в панику и отчаяние. В цыганском квартале, где несколько бандитов начинают крушить машины и выбивать стекла, дело доходит до потасовки. В августе на арене боевых действий, а точнее на валбжихской Рыночной площади, рядом с новым фонтаном из черного камня, появляется Ян Колок, бывший шахтер. Он утверждает, что в заброшенной «штоленке», из которой он нелегально выгребал уголек, явилась ему Матерь Божья Скорбящая. Я смотрю на темное, исхудавшее лицо визионера. Ян Колок стоит на фоне фонтана, который на снимке выглядит как саркофаг. Сухонький, сгорбленный мужичок в старомодном костюме из грубого сукна ни на помешанного, ни на афериста не похож. Немного напоминает пана Альберта. Ян Колок утверждал, что детей забрала к себе Матерь Божья, и до конца своих дней отстаивал эту версию.

Первой пропала шестилетняя Анжелика Мизера из Нового Мяста. Я произнесла вслух ее имя и фамилию, открыла файл «Анжелика», и на экране появилось фотография на документы: большое круглое личико, близко посаженные глаза, темно-русые волосы, небрежно собранные заколкой с бабочкой. Натянута улыбка, неухоженные зубы. «Вы знаете, вот просто как камфара», — сетует в скаченном из интернета ролике соседка Анжелики, пожилая женщина с выпуклым блестящим

лбом. У нее запавший рот, будто сильный удар вмял его вглубь лица, возможно, так оно и было, потому что под левым глазом красуется большой синяк. «Она тут все бегала, носилась туда-сюда, то по двору, то в киоск за сигаретами, топчет по лестнице, туда-сюда, туда-сюда, зимой — на пруд, летом — змея пускать, топчет и топчет, и вдруг как камфара, вы знаете, просто как камфара. Может, цыгане?» — женщина вопросительно смотрит на невидимую в кадре журналистку, но ответа от нее не получает.

Я коснулась личика Анжелики на экране, оно было мягким, но холодным, упругое покрытие экрана, будто кожа, слегка прогнулось под пальцем. Открываю файл, в котором подытожила все обстоятельства исчезновения девочки. Второго апреля этого года с утра падал снег, ближе к вечеру Анжелика вместе с младшим братом и собакой пошли кататься на санках. Брат — Оскар, собака — Пират. Съезжали с горки неподалеку от дома, возле пруда, берега которого заросли бузиной и карликовой лиственницей, пейзаж хорошо знакомый мне с детства. Я представила себе мокрый апрельский снег, похожий на тот, что, предвещая длинную зиму, падает в этом городе уже в ноябре, полозья санок, тонущие в буровой каше, облака пара и следы детских ног. Когда дети не вернулись домой, начались поиски. Точно неизвестно, когда заметили их отсутствие, но брата нашли лишь к утру, он плутал поблизости памятника шахтерам на Грюнвальдской площади. Мальчуган — якобы отстающий в развитии — так и не смог объяснить, что произошло с его сестрой и собакой, и как он сам оказался так далеко от дома. В руке у него была шапочка Анжелики. Розовая шапочка с аппликацией Hello Kitty, фотографию которой потом напечатали в газете, это все, что осталось от девочки. Дурацкий японский котенок на шапочке девчушки из Валбжиха показался мне красноречивым — у него не было рта, а в его черных глазах притаился ужас.

В июне без вести пропал Патрик Милко из Собентина, единственный мальчик в этой компании. У пятилетнего Патрика были проблемы со слухом. Жил он с бабушкой, которая, по ее словам, глаз с него не спускала и лишь на минутку отвлеклась в супермаркете «Реал». Хотя ребенок исчез в оживленном магазине среди бела дня, свидетелей нет, камеры не зарегистрировали ничего подозрительного. Более того на записи вроде бы видно, как бабка в тот день входит и выходит из магазина одна, без внука, который, по ее словам, потерялся в кондитерском отделе, возле своих любимых киндер-сюрпризов. Потом видеозапись кто-то случайно

уничтожил, полиция приносит свои извинения, обещает расследовать, наказать, сделать выводы, но это уже ничем не поможет Патрику Милко из Собентина, веснушчатому мальцу с быстрым взглядом и остренькими, как у эльфов, ушками, немного похожими на мои. Его бабушка, Зофья Соха, смотрит на меня с фотографии с выражением лица, которое трудно назвать, это не отчаяние, во всяком случае не только оно, к моему удивлению мне в голову вдруг приходит слово «голод». Снимок внука она держит перед собой словно щит, а лицо ее кажется мне знакомым. Такое чувство возникает, когда некая подробность впервые увиденного пейзажа, внезапно вызывает ощущение неподдающейся определению близости. Патрику повезло не больше, чем Анжелике. «Как камень в воду», — вздыхает Зофья Соха и беспокоится: обеспечен ли ее внук соответствующим питанием там, где он сейчас находится, или, как она выражается, хорошо ли там хоть кормят детенка. После исчезновения Патрика слухи о цыганской шайке с Почтовой улицы созрели настолько, что, как спелые зернышки, посыпались из лопнувшей маковой коробочки сплетен. Отвечая на вопрос журналистки, крупная женщина с усиками резонно заявила: «А кто сказал, что цыган не может быть педофилом или типа того»? Многие жители города разделяли мнение усатой и писали доносы. Полиция допросила двух женщин цыганского происхождения, сестер Люлюдию и Донку С., обыскала квартиру некоего Альбина К, из этого же цыганского квартала, но на след так и не напала. Сандра Козюля-Пыжицкая поехала туда, чтобы лично поговорить с цыганами, но Люлюдия С. лишь приоткрыла двери и явно все еще оскорбленная подозрениями посоветовала: *Хты манге пэ минц. В вольном переводе: «Иди ты в пизду».* Тем временем на улице Почтовой, на главной улице бедняцкого цыганского квартала, дело дошло до мордобоя, пострадало двое цыган и столько же вооруженных бейсбольными битами нападавших.

Застой в следствии привел ко всеобщему разочарованию, и газеты с облегчением перекинулись на новую сенсацию, в ней хотя бы был труп. Труп Яна Колока. «Ужели я, ничтожнейший из людей, червь презренный сподобился на небесех такой чести, что Пресвятая Матерь Божья Скорбящая выбрала меня, жалкого пигмея, своим посланником» — такими словами Ян Колок начинал пророчества, которые гласил на Рыночной площади Валбжыха. Мне нравилось худое, темное лицо Яна Колока, интригующее как книжка с хорошим названием, и я была склонна верить, что, когда его на три дня и три ночи засыпало в шахте, между ним и местной Богоматерью произошло нечто необычное. Подобные переживания редко остаются без последствий, и Ян Колок вполне мог в своей

«штоленке» встретиться с кем-нибудь настроенным не столь дружелюбно, например, с жаждущими расплаты еврейскими узниками из концлагеря «Гросс-Розен», которых где тут убили и закопали в лесу под замком Ксёнж^[2].

Готическая статуя Скорбящей Божьей Матери стоит в небольшом низком костеле под ее воззванием, в центре Валбжиха, возле Костельной площади. Храм, несмотря на перестройку в восемнадцатом веке, сохранил свою исходную кряжистость, и нам с Эвой очень нравилось это место. Легенда гласила, что там, где теперь стоит костел, когда-то бил источник, вокруг которого возникло первое поселение. Горняки по дороге в забой пили из него воду и верили, что она ограждает от зла, которое подстерегает их под землей. Этой-то водой и напоила из пригоршни Яна Колока Скорбящая Матерь Божья. «Воистину, говорю вам, вода была как жизнь» — хвалил он ее вкус, когда его откопали. Эва называла Богоматерь «мамочкой», произнося это слово с иронией и тоской, которую маскировала смехом, и если нам не хотелось сидеть в Библиотеке под Атлантами, а на пирожное в «Мадрасе» не хватало денег, мы шли к «мамочке». До полудня, кроме нас, в костеле обычно никого не было, и мы могли подойти к статуе поближе и как следует рассмотреть угрюмую женщину с мертвым Иисусом на коленях. Моя сестра считала, что Богоматерь выглядела бы гораздо лучше, если бы на коленях, вместо этого грустного трупика, как она называла Сына Божьего, держала кошку. Как-то Эва решила заглянуть за алтарь, и я, как всегда, пошла за ней. Мы увидели маленький каменный колодец, честно говоря, совсем сухой, но мы все равно обрадовались — значит, источник действительно существовал. Может это углекопы выпили всю воду, хотя скорее всего колодец засыпался из-за непродуманных горных разработок, как это произошло с минеральными источниками на курорте Старый Здруй. Лик Богоматери Эве не нравился, «некрасивая эта наша мамочка» — выражала она свое недовольство, но я ее любила, она мне напоминала шахтерских жен, контролерш с подведенными химическим карандашом бровями, унылых продавщиц торгующих дешевым хламом, официанток в «Мадрасе», библиотекарей. Я была не против, чтобы у моей мамы было такое вот обычное лицо, потому что — в отличие от Эвы — моя душа лежала скорее к доброте, чем к красоте.

Вот эту Скорбящую Божью Матерь и увидел Ян Колок, пятидесятилетний бездетный вдовец, который раньше ни набожностью, ни чем-либо еще не отличался. Оставшись без работы, он — и как многие другие с тех пор как закрыли все

шахты в околице — каждое утро выходил он из дому с дерюжным мешком и спускался в свою «штоленку» в поисках угля, ведь ничего другого делать не умел. За проданные угольные сколки покупал себе хлеб, кровяную колбасу, квашеную капусту, а иногда и бутылку дешевого вина. Если ему особенно везло, он просил продавщицу взвесить двести грамм самых дешевых конфет и съедал их на лавочке возле фонтана, запивая вином «Амарена». Друзей у Яна Колока не было, а соседи по дому знали о нем только то, что по воскресеньям он любил смотреть фильмы о живой природе, включая при этом телевизор на полную громкость, и львиные рыки или галоп бизонов мешали им слушать трансмиссию торжественной мессы из Ватикана. В тот день, как обычно, он отправился в свою «штольню», но до этого купил себе эклер в кондитерской на первом этаже своего дома, что внесло большое разнообразие в его скромную жизнь. Хозяйка кондитерской, худощава женщина с таким выражением лица, будто вид сладостей вызывает у нее тошноту, помнит, что Ян Колок, положил кулек с пирожным в полиэтиленовый пакет и как-то загадочно вздохнул. Как потом оказалось, эту историю хозяйке пришлось повторять неоднократно, так что в конце концов ее скривившееся лицо разгладилось, поскольку в рассказе содержалась та сладость, которой тощей продавщице не дано было познать в своей кондитерской. Вскоре обычные эклеры, которыми она торговала всю жизнь, были переименованы в эклеры Яна Колока, сокращенно — в колки, и торговля пошла бойчее.

Ян Колок вышел из-под земли черным от угольной пыли, но не пострадал. Он вымылся, надел свой свадебный костюм, другого у него не было, и начал рассказывать о встрече с Богородицею. Поначалу на него не обращали внимания, вид у него был не ахти, да и говорил он не как пророк, но вскоре его упорство стало приносить плоды. Вокруг этого невзрачного человека в допотопном костюме собиралось все больше людей, будто каждое сказанное им слово приумножало энергию, притягивающую к себе женщин с полными сумками продуктов, пенсионерок с пустыми кошельками, беспокоящихся о своих детях матерей, прогуливающих занятия лицеистов, лишенных надежды и озлобленных безработных и всех тех, у кого уже не было сил злиться. И стали они слушать Яна Колока, и чем больше была толпа вокруг него, тем больше людей подходило послушать, и весть о пророке с валбжихской Рыночной площади достигла окраин и пошла гулять за городскую заставу. На загородных автобусах из близлежащих деревень приезжали женщины в китайских нарядах из искусственного волокна, сыпавшего искрами,

стоило бедру задеть бедро, а плечу скользнуть по плечу соседки. Мужчины подходили к толпе с презрительно-вызывающей гримасой, давая таким образом понять, что все это не серьезно, но по мере того, как слушали, лица их смягчались. Наконец хоть кто-то мог объяснить, что происходит в городе, хоть кто-то знал, куда пропали Анжелика и Патрик. Скорбящая Божья Матерь сказала Яну Колоку, что забрала детей к себе. Почему? Чтоб наказать людей за грехи, чтоб опомнились и восстали они против дьявола. Она и дальше будет забирать детей, пока люди не образумятся. Почему облюбовала она именно этот город, почему именно валбжихских детей? Жители Валбжиха оказались избранными, и вскоре возблагодарят Богоматерь за оказанную честь. Так же, как к нему под землей, она придет к ним и напоит их, и с каждой каплей воды будут возвращаться к ним силы и надежда. И город возродится, и будет прекрасен, как никогда. Что делать? Молиться и слушать слова Скорбящей Божьей Матери, посеянные в Яне Колоке, ничем не примечательном гражданине и презренном черве. Дети вернутся целыми и невредимыми, если горожане станут жить так, как Ей по душе. Кто украл, пусть отдаст украденное и попросит прощения. Кто солгал, пусть возьмет свои слова обратно. Скряга — отыщет в себе щедрость, а завистник полюбит людей. Тот, кто ненавидит — простит. Убийца признается в содеянном, а обжора поделится с голодным. И так далее. Но самое странное случилось, когда поблизости останавливалась экскурсия из Германии, Ян Колок переходил на немецкий, который до этого не знал. Теперь же изъяснялся на нем бегло, хоть слова были архаичны, а придаточные предложения излишне цветисты. Слава Яна Колока возросла, когда к группе французов он как ни в чем не бывало обратился по-французски, а к чехам — по-чешски, что убедило даже завзятых скептиков. У него отросли волосы, он перестал бриться, костюм его промочил дождь и обгадили голуби. Он исхудал, и только черные глаза светились угольным блеском, что казалось особенно странным, потому что знавшие его помнили, что раньше глаза у него были серые, без особого блеска. Ян Колок стоял у фонтана и вещал, не обращая внимания на погоду и насмешки.

Пророк с валбжихской Рыночной площади приобретал все больше сторонников, особенно сторонниц, которые, стоя перед ним на коленях, творили молитвы за пропавших деток и личные потери. Начались ночные бдения и песнопения, горели свечи, но Ян Колок, даже окруженный ангелочками, крестами и выложенными в форме сердечка кладбищенскими свечами, был спокоен и сосредоточен. Каждое утро он заступал на свой пост у фонтана, не обращая никакого внимания на то, что

женщины чистили ему пиджак от голубинового помета, запихивали прямо в рот кусочки хлеба с ветчиной и повязывали вокруг шеи собственноручно связанные шарфики. Вблизи развернулась торговля предметами религиозного культа, которую ксендз из близлежащего костела осудил словами настолько туманными и мало убедительными, что народ их попросту проигнорировал, и торгоши по-прежнему навязчиво предлагали католические амулеты мгновенно изобретенные как раз для этого случая всем прибывшим, чтобы послушать Яна Колока. Группа сторонниц ни на шаг не отходила от пророка из «штоленки», день ото дня набираясь силы и уверенности в себе. Вскоре поползли слухи, будто в шуме воды в фонтане можно различить шепот Богоматери, подтверждающий слова Яна Колока. Однако шептала она только для избранных и не каждый день. На одном из снимков, помещенных в те дни в местной прессе, какая-то женщина в белой блузке наклонилась над фонтаном и прислушивается. Я сделала увеличение и сфокусировала изображение. Под толстыми стеклами очков ее глаза блеснули словно скованные льдом рыбки. Лицо женщины показалось мне знакомым, но я так и не вспомнила, где ее видела.

В оппозиции к группе сторонников Яна Колока сформировалась партия противников, менее организованная и не столь преданная делу, но тоже многочисленная. Члены ее высмеивали горняка и кочующих у фонтана женщин с крестами, святыми образами и бутербродами. Фамилия Колок стала почти нарицательной. «Колки и психопаты — вон из Валбжиха!», «Отдайте людям фонтан!», «Крест — на кладбище, колок — в забор!» — с такими транспарантами появлялись они на Рыночной площади, но их энтузиазм быстро иссякал, и они рассаживались по близлежащим кафе пить пиво. Лицеисты под руководством тщеславного театрального инструктора устроили экологический и антиглобалистический хэппенинг под лозунгом «Не будь как колок!», в ходе которого сложили из банок из-под кока-колы статую Скорбящей Божьей Матери, готовили вегетарианские блюда и раздавали листовки, объясняющие пользу утилизации отходов. Сторонники и противники Яна Колока высмеивали друг друга и награждали обидными прозвищами, а в начале сентября дело дошло до драки. Неизвестно, кто начал и как все было, но Ян Колок, который до самого конца оставался равнодушным к возникшей из-за него заварушке, упал, ударился головой о бортик фонтана и уже не встал. Вскрытие показало, что у него было большое сердце, и умер он от инфаркта, но сторонники обвинили в смерти провидца своих противников. Те, в свою очередь, считали, что партия Колока манипулирует общественным

мнением, а некоторые прямо заявляли, что сторонники сами довели своего пророка до смерти, чтобы заострить конфликт. Вполне возможно, что детей похитил сам Ян Колок, а потом прикидывался святым, чтоб замести следы? Похороны Яна Колока создали благоприятные условия для очередной стычки двух враждебных фракций. Прозвучало много пламенных речей и деклараций, несколько женщин упало в обморок. Дело дошло до драки, во время которой некая Лидия Б. настолько неудачно ударила крестом Владиславу Г., что выбила ей из искусственной челюсти целых три зуба. Неугомонная блондинистая журналистка Сандра Козюля-Пыжицкая разыскала потерпевшую Владиславу, которая на размещенном в сети ролике, слегка пришепетывая, предупреждает, что не успокоится, пока Лидия не возместит ей убытки.

Потасовки и перебранки погребли под собой дело двух пропавших детей, причем обе группы зачастую путали их имена. Анжелика Мизера становилась то Анелей, то обычной Аней, а Патрика Милко переделали в Павла Микро. Группа сторонников Яна Колока становилась все сильнее и смыкала ряды, их противники были хуже организованы и менее фанатичны.

Прошел месяц после смерти шахтера-визионера. Юбилей отмечали без участия насмешников, и у могилы впервые принародно прозвучала идея поставить памятник на валбжихской Рыночной площади. Тридцатиметровая статуя Скорбящей Божьей Матери с пропавшими детишками, обращающаяся к коленопреклоненному Яну Колоку — вот как это должно было выглядеть. Автор этого предварительного проекта — пенсионерка, бывшая учительница рисования Станислава Брысь — подчеркивала, что эскиз свой она сделала по воле неба и польского народа. Две недели тому назад у фонтана прошел митинг в поддержку замысла, на котором народ убеждали, что идея памятника исходила от самой Богоматери, а Ян Колок лишь передал ее людям. Уже тогда, явившись ему в «штоленке», выразила Она свою волю на сей счет. Богоматерь хотела иметь свою статую здесь, на этой площади, и как можно быстрее. Голоса напоминавших, что Ян Колок никогда и словом не обмолвился о какой-либо скульптуре, быстро заглохли. Кто против скульптуры, тот хулу возводит и на Яна Колока, а кто враг Яну Колоку, тот враг Богоматери. В это самое время среди сторонников статуи появился новый лидер. Звали его Ежи Лебедь, и считался он духовным преемником Яна Колока. Лебедь собирал средства на статую Скорбящей Божьей Матери и был ее горячим

поборником. Помимо этого, ничем особенным раньше не выделялся.

Как раз в ту ночь, когда проходила демонстрация приверженцев статуи, пропал последний, третий ребенок, причем пропал самым ужасным образом, если, разумеется, можно различать степени ужасности, говоря о вещах такого рода. Седьмого ноября после «Спокойной ночи, малыши» пятилетняя Калинка Якубэк пошла спать в комнату на третьем этаже в детском доме «Ангелочек». В комнате, кроме нее спало еще пятеро детей, но утром только ее кровать оказалась пуста. Как сквозь землю провалилась. Как камень в воду. Я не нашла никаких сведений о биологической семье Калинки, которая скиталась по домам опеки с самого рождения. В местных архивах и учреждениях ни такая семья, ни такая девочка не числятся. Из собранных мною материалов следовало, что появилась она ниоткуда и сразу же оказалась под опекой людей, не являющихся ее родителями. Калинка любила играть с воспитателями в прятки, и в детдоме уже неоднократно случались многочасовые поиски, поэтому сначала сочли, что это одна из ее выходов. Полицию известили лишь после обеда. Директор детского дома был в шоке. Этот крупный, мощного телосложения мужчина, немного похожий на Анджея Леппера в его последний период, все совал в камеру игрушку, которая осталась от Калинки — плюшевого серого кота. «Прятаться она была мастерица, как влезет куда-нибудь, свернется в клубочек, мы ее часами ищем. Калинка! Калинка! А она молчок. Как-то залезла в барабан стиральной машины, я ей говорю: „Смотри, а то тебя кто-нибудь выстирает“, а она только смеется в ответ. Иногда спрячется и нечаянно уснет — вот тут вся потеха-то и начиналась...» — рассказывает директор детского дома «Ангелочек» в размещенном в сети интервью. «Она всегда пряталась со своим котом, обслюнявленный весь, потрепанный, но другого она не хотела, с ним и ела, и мылась». Слова директора о ребенке, спрятавшемся в темноте где-то рядом с ищущими его взрослыми, почему-то произвели на меня огромное впечатление, и я знала, что мне придется сдерживать себя, дабы не сосредоточить все внимание только на этой черноглазой девчужке.

После исчезновения третьего ребенка эмоции наконец-то взяли верх, взрыв накопленных за все это время чувств, опасений и сомнений темной тучей будто смогом покрыл Валбжих, где все еще работали шахты и коксовые заводы. Когда пропала Калинка Якубэк, жителей города действительно охватила паника, открыв шлюзы нагроможденному страху и гневу. Эта паника разобщила их больше, чем когда-то

объединяло отчаяние. Городские дворы опустели. Родители отводили детей в школу и забирали их оттуда, нервно выискивая глазами своих чад в шумной гурьбе. Если в остальных случаях вину легко можно было свалить на халатных опекунов, которые не уберегли детей, то с исчезнувшей из своей кровати Калинкой этот номер не прошел. Автор проекта скульптуры Скорбящей Божьей Матери Станислава Брысь добавила в композицию еще одну детскую фигурку, которая вконец разрушила и без того далеко не божественные пропорции замысла, а слухи о цыганской шайке, появившиеся после исчезновения Анжелики и Патрика, теперь, когда пропала Калинка, ожили с новой силой. На Почтовой улице дело дошло до новых столкновений между цыганской молодежью и группой вооруженных битами подростков. Подожгли две исправные машины и маленький «фиат», служивший курятником, разбили несколько окон в цыганских домах, кровь пролилась по обеим сторонам баррикады.

Я еще раз просмотрела собранные материалы, потом открыла все три фотографии пропавших детей в одном окне: Анжелика, Патрик, Калинка. Меня поразило, насколько скупой оказалась информация, как мало снимков было у этих двух девчушек и ушастого мальчика. Может похититель выбирал жертв как раз с таким прицелом, чтоб после них осталось как можно меньше следов: дети Скорбящей Божьей Матери из Валбжиха. Анжелика Мизера из Нового Мяста жила с пятью братьями и сестрами и безработной матерью, отец — в тюрьме. Патрик Милко, веснушчатый малец с большими ушами, воспитывался у больной бабушки, родители его явно бросили. О самом младшем ребенке, о Калинке Якубек, я разузнала и того меньше. Со снимка на фоне елки на меня смотрело серьезное личико в обрамлении темных волос. У нее были огромные черные глаза. Почему никто не удочерил такого ребенка? Почему никто не захотел взять ее себе?

У нас в редакции есть сотрудница, которая вот уже несколько лет пытается усыновить ребенка — девочку или мальчика — и оказывается, что за здоровыми новорожденными выстраиваются целые очереди, а личностные качества потенциальных родителей проверяются с такой тщательностью, словно они метят на должность верховного главнокомандующего НАТО. Без очереди и взятки на усыновление предлагают детей постарше или больных, будто это товар второго сорта для не особо требовательных клиентов. Если бы так образом проверяли все пары прежде, чем разрешить им зачать ребенка, человечество вымерло бы через два поколения. Мы с Эвой тоже бы не родились. Я вглядываюсь

в лица троих пропавших детей, о которых мне предстоит написать, и чувствую, как в гнетущую печаль закрадывается возбуждение, так необходимое мне для работы. Я должна наведаться в эти три дома и встретиться с опекунами двух девочек и мальчика, чтобы своими глазами посмотреть на обстановку, в которой разыгрались эти — невероятно болезненные даже для женщины, которая никогда не хотела стать матерью — события. Наша главная редакторша с самого начала знала, что мое предназначение — это несчастья, трагедии и всякая безнадега. Знала, что пошла она меня туда, где случилось что-то хорошее, я бы все равно нашла разочарованную старушку или погибшую под колесами автомобиля кошку, сделав именно их главными героями репортажа. В этом году я написала историю пятнадцатилетней девочки, которая убила своего только что родившегося ребенка, засунула его в рюкзачок и пошла на дискотеку. Я сделала репортаж о пожилom мужчине, который после смерти своей девяностолетней матери замуровал ее под кухонным подоконником, где в старых домах еще оставались «холодильные» ниши, и переодевшись в женскую одежду ходил получать ее пенсию. Зло никогда не застаёт меня врасплох, но всегда удивляет. Я никогда не перестаю удивляться, потому умею задавать нужные вопросы. В жизни я руководствуюсь принципом, который мог бы стать рекламой швейцарского банка: «Надо делать то, что умеешь лучше всего». И делать это все лучше и лучше. Я составила подробный план работы. Все было готово. Завтра возьмусь за дело, но пока мне предстоит дожить до утра в этом доме, со своим старым медвежонком Гансом и заволакивающей подвал эктоплазмой.

Перевод Ольги Лободзинской

-
1. Валбжих — бывший немецкий город на юго-западе Польши, еще не так давно центр угольной промышленности.
 2. Расположенный вблизи Валбжиха крупнейший замок Польши.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Нынешней зимой непременно следует посетить Национальный музей в Варшаве. Здешняя галерея средневекового искусства обрела новое оформление, драгоценные экспонаты предстают в современной аранжировке. «Темно-графитовые стены, — сообщает «Жечпосполита», — подчеркивают благородное мерцание позолоты. Многие экспонаты отодвинуты от стен, что позволяет рассмотреть живопись на алтарных створках со всех сторон и увидеть скульптуры в трех измерениях (открывая при этом многие профессиональные секреты). Дневной свет проникает сквозь перфорированные металлические ставни, усиливая эмоциональную игру света и тени». Эта самая богатая польская коллекция средневекового искусства в основном состоит из произведений позднего средневековья (XIV—XVI вв.), привезенных из разных регионов Польши и Западной Европы. Среди них, например, распятие «Христос на кресте» из костела Тела Господня во Вроцлаве, скульптура «Мария с Младенцем на троне», созданная во Франции или Германии, «Полиптих Благовещения с единорогом» из костела св. Елизаветы во Вроцлаве. Куратор галереи средневекового искусства проф. Антоний Земба в числе безусловных шедевров называет «Группу трех Марий» XV века работы Мастера распятий из Римини. Эта прекрасная алебастровая скульптура была куплена в 1431 г. в скульптурной мастерской в Париже и пожертвована костелу Богородицы на Песке во Вроцлаве.

Галерея средневекового искусства — это очередная отремонтированная часть Национального музея. Новый облик уже обрели галереи старых европейских мастеров, старинного польского и европейского портрета, искусства XIX века, искусства XX и XXI веков. Нового оформления ждут еще галерея Франаса и галерея древностей.

Яцек Мальчевский (1854—1929) по-прежнему в цене. Его картину «Польский Гектор» продали на аукционе в Варшаве за 2,6 млн. злотых (начальная цена составляла 1,5 млн.). Работа, которую специалисты считают одним из лучших произведений художника, носит ярко выраженный символично-патриотический характер и одновременно является одним из многочисленных автопортретов Мальчевского. Как отмечает корреспондент агентства ПАП, «учитывая год создания картины — 1913-й и ее символику, это произведение, согласно

авторскому замыслу, подтверждает, что художник принимал активное участие в борьбе за независимость Польши. Гектор держит в руке фигурку верблюда — символ таинственности, но также символ награды за преданность делу своей страны и мужество. Изображенная подле Гектора Муза снимает с него шинель, которая означает порабощение Польши и поляков. А грядущее освобождение Польши воплощает Пегас, которого ведет Полония». Это полное символов полотно перешло в частные руки.

Скандал в Национальном «Старом театре» в Кракове. 14 ноября группа зрителей «вооруженная» свистками пыталась сорвать спектакль по пьесе Стриндберга «На пути в Дамаск» в постановке Яна Кляты. Когда на сцене актерская пара в одежде симулировала половой акт, раздались крики «Позор!» и «Стыд!», свист. Появились требования сместить Кляту с поста директора театра. «Я глубоко удручен хамским поведением группы клакеров, которые провозглашают себя защитниками высокой культуры, — сказал Клята в интервью «Газете выборчей». — Меня особенно огорчает то, что оскорбили актеров. Если кто-то, выступающий от имени краковской интеллигенции, не в состоянии отделить актрису от исполняемой ею роли, значит, он не готов к восприятию искусства».

Министр культуры Богдан Здроевский стал на сторону директора. По Кракову поползли слухи, что акция была организованной, а клакеры рекрутировались из крайне правых группировок. Такая ситуация не позволяет высказаться тем, кто, с одной стороны, решительно против подобных псевдопатриотических демонстраций в театре, с другой, не менее решительно не приемлет эстетику Кляты и радикальные художественные решения, которые он реализует в имеющем статус национальной сцены «Старом театре».

Вскоре развернулся второй акт драмы. На 7 декабря была запланирована премьера «Небожественной комедии» Зигмунта Красинского в постановке режиссера боснийского происхождения Оливера Фрлича. От участия в спектакле скандального режиссера отказались семь из восемнадцати занятых в нем актеров — в том числе Анна Дымная и Тадеуш Хук. Об уходе из «Старого театра» заявила также выдающаяся актриса старшего поколения Анна Полоны.

Как сообщает краковский «Дзенник польский», протест актеров вызван тем, что готовящаяся постановка — это «грубая провокация, не имеющая ничего общего с текстом великого поэта и с воплощением его трагедии,

представленным в 1965 году Конрадом Свинарским». Спектакль должен был идти без сценарного плана, а произносимые на сцене тексты являлись «результатом импровизации актеров на тему польского антисемитизма, якобы присутствовавшего в легендарной постановке Свинарского».

До премьеры дело не дошло. Директор Клята, желая, как он сказал, обезопасить актеров «от всяких внешних форм недоброжелательности и проявлений ненависти по отношению к еще не состоявшемуся спектаклю», принял решение о прекращении репетиций. Была ли это единственная причина заставившая его принять такое решение, мы не знаем и, скорее всего, уже не узнаем.

Инцидент в «Старом театре» встревожил многих людей культуры еще и потому, что не был исключением. Напомним: 11 ноября в Варшаве на площади Спасителя во время так называемого «Марша независимости» «патриоты» сожгли (в очередной раз) «Радугу» — инсталляцию современной польской художницы Юлиты Вуйчик.

«Политический конфликт в Польше перебросился на территорию культуры, — написал Роман Павловский на страницах «Газеты wyborczej». — Протестовавшие в «Старом театре» пользовались той же риторикой позора, что и «патриоты» на марше Независимости. И хотя в театре зажигалками они не воспользовались, цель была та же: устранить из общественного пространства то искусство, которого они не принимают. (...) Это не дискуссия, а попытка заткнуть рот художественной свободе. «Старый театр» — не единственный пример действий подобного толка. Например, в Центре современного искусства в Варшаве католический пикет крестового похода Розария уничтожил работу Яцека Маркевича «Обожание», усмотрев в ней святотатство. Кто-то облил краской стену, на которой показывали фильм, кто-то повредил проектор. Раньше участники пикета молились, чтобы работу убрали с выставки, теперь взяли дело в свои руки».

— Скандал в Центре современного искусства — это реакция с опозданием на 20 лет, — прокомментировала инцидент проф. Мария Попшенцкая, историк искусства из Варшавского университета. — Созданное Маркевичем в 1993 году «Обожание Христа», одна из канонических работ так называемого польского критического искусства, неоднократно экспонировалась и репродуцировалась. С какой стати она вдруг заинтересовала манифестантов, размахивающих бело-красными флагами и деревянными крестами?

Проф. Попшенцкая добавляет: «Эта история подтверждает факт, что никто из протестующих на выставки не ходит». Но ведь дело-то не искусстве...

В варшавском театре «Атенеум» 15 декабря прошла премьера «Настасьи Филипповны» по мотивам «Идиота» Федора Достоевского.

Анджей Домалик в своей сценической интерпретации романа Достоевского опирался на замысел Анджей Вайды, который в 1977 году в краковском «Старом театре» поставил «Настасью Филипповну» с Яном Новицким (Рогожин) и Ежи Радзивиловичем (Мышкин). Третьим, невидимым героем был труп заглавной Настасьи Филипповны.

«Роман Достоевского — это очень театральная литература. «Проклятые проблемы», которыми занимался писатель, характерность и выразительность персонажей по-прежнему интересны, провокационны, оригинальны», — отметил Анджей Домалик. Роль князя Мышкина режиссер поручил Гжегожу Даменцкому, Рогожина — Марцину Дороцинскому. Гжегож Даменцкий признался, что Мышкин изначально был ему близок, но воплощение этого образа на сцене — серьезный вызов: «Сейчас такие времена, что нас гораздо больше привлекает все плохое, негативное: нас захватывают жуткие сообщения прессы, мы любим смотреть на зло, герой-негодяй пробуждает больше эмоций. Невероятно трудно играть добро...»

Торжественная премьера документальной ленты «Пендерецкий. Путь сквозь лабиринт» в режиссуре Анны Шмидт прошла в краковском кинотеатре «Киев» 25 ноября, через два дня после 80-летия героя фильма. Режиссер, немецкая журналистка и музыковед, живущая в Лейпциге, рассказала: «Пять лет назад, на Бетховенском фестивале в Варшаве, я лично познакомилась с Кшиштофом Пендерецким. Я могла наблюдать за ним во время репетиций с оркестрами, ходила на концерты».

В фильме, который стал многоплановым портретом музыканта, представляющим и его творчество, и частную жизнь, о своих встречах с Пендерецким рассказывают крупнейшие фигуры музыкального мира, такие, как, например, немецкая скрипачка Анне-Софи Муттер и российский дирижер Валерий Гергиев, который дирижировал предпремьерными исполнениями произведений Пендерецкого в России. О композиторе говорят его друзья и знакомые: гитарист известной английской группы «Radiohead» Джонни Гринвуд, режиссер Анджей Вайда (музыка Пендерецкого звучит

в фильме «Катынь»), а также жена мастера Эльжбета Пендерецкая.

Фильм о Пендерецком — это совместная продукция Польши и Германии.

Данута Шафлярская (род. 1915), выдающаяся актриса, одна из первых послевоенных кинозвезд, 25 ноября была награждена Золотым Скипетром «за актерское мастерство наивысшей пробы и многолетнее служение искусству на сцене и на экране». Шафлярская была связана со многими театрами, до войны она играла на сценах Нового Сонча и Вильно, после войны выступала в Лодзи и Кракове, но в основном в Варшаве. На ее счету 51 фильм, среди которых «Запрещенные песенки» и «Пора умирать».

Премия «Золотой Скипетр» учреждена Фондом польской культуры в 1999 году. Первым лауреатом стал редактор Ежи Гедройц, награжденный «за дело своей жизни, за здравый смысл и интуицию, за силу духа и кристальную честность». Затем лауреатами были Войцех Киляр, Станислав Лем, Роман Поланский, Эва Подлесь, Славомир Мрожек, Януш Гайос, Тадеуш Ружевич, Мария Фолтын, Войцех Млынарский, Кшиштоф Пендерецкий, Юзеф Вильконь, Веслав Мысливский и Ежи Штур. Денежную часть премии (110 тыс. злотых) обеспечивает банк «Миллениум».

Юлия Кольберг, Эльжбета Бенковская и Лукаш Остальский стали в этом году (ex æquo, т.е. вполне справедливо разделив лавры на троих) лауреатами премии «Перспектива» имени Януша «Кубы» Моргенштерна, присуждаемой за режиссерский дебют. Они отмечены за короткометражные фильмы «Мазурка», «Олена» и «Мать». Каждый из трех лауреатов получил диплом и чек на 10 тыс. злотых.

Януш Моргенштерн (1922—2011) был одним из крупнейших польских кинорежиссеров. На его счету такие фильмы, как «До свидания, до завтра», «Надо убить эту любовь», «Йовита», «Желтый шарф», а также сериалы «Ставка больше, чем жизнь», «Колумбы», «Польские пути». Моргенштерн руководил киностудией «Перспектива» в Варшаве. «Эта премия показывает, что наследие Януша Моргенштерна востребовано, — сказал во время церемонии в варшавском кинотеатре «Культура» один из членов жюри, Юлиуш Махульский. — Кроме того, это знак нашей любви, памяти и почитания».

Редакция газеты «Жечпосполита» присудила премию имени Ежи Гедройца. В нынешнем году лауреатом стал почетный доктор Ян Малицкий — ученый, руководитель отделения Восточной Европы при факультете ориенталистики Варшавского университета. Торжественное вручение присуждаемой уже в тринадцатый раз премии состоялось 3 декабря в Национальной библиотеке под почетным патронатом и в присутствии президента Бронислава Коморовского.

Малицкий, который номинировался на премию уже тринадцатый раз (!), родился в 1959 году в Дембах Шляхецких под Жеромином. Он окончил Варшавский университет по историческому факультету (научный руководитель — проф. Александр Гейштор) и дополнительно по классической филологии. Его специализация — история советологических и восточных исследований, процессы перемен в Восточной Европе.

В период ПНР Малицкий был деятелем оппозиции, публицистом в самиздатовской периодике. В 1985 году несколько месяцев провел в тюрьме. Он входил в глубоко законспирированную редакцию «Обоза» («Лагеря») — подпольного журнала, посвященного народам, поработанным коммунизмом. Выполнял работу секретаря редакции «Обоза» и занимался балтийскими странами. Малицкий был также основателем и руководителем подпольного Института Восточной Европы, основателем и главным редактором ежеквартальника «Пшеглэнд всходний» («Восточное обозрение»). Малицкий — редактор международной издательской серии «Библиография Восточной Европы: Польша — Литва — Белоруссия — Украина — Россия». Под его руководством и по его программе ведется спецкурс на отделении Восточной Европы Варшавского университета.

Премия имени Ежи Гедройца присуждается отдельным лицам или организациям, руководствующимися в своей общественной деятельности принципами, которые гласил и пропагандировал легендарный редактор «Культуры».

Прощания

27 ноября в Варшаве умер Вальдемар Свежий — выдающийся график, один из создателей польской школы плаката. В 1952 году он защитил диплом на факультете графики катовицкого филиала Краковской академии изящных искусств, был учеником проф. Юзефа Мрощака.

В 50—70-е годы творили выдающиеся польские плакатисты: Генрик Томашевский, Роман Цеслевич, Ян Леница, Ян Млодоженец, Францишек Старовейский, Войцех Фангор. И, конечно, Вальдемар Свежий. Он специализировался на портретах музыкантов, рисовал Дюка Эллингтона, Луиса Армстронга, Джимми Хендрикса. Художнику принадлежит также знаменитый плакат ансамбля «Мазовше» и цирковой плакат с красным лицом клоуна в синем котелке. В 1959 году Вальдемар Свежий стал лауреатом гран-при имени Анри Тулуз-Лотрека на международной выставке киноплаката в Версале за плакат к фильму «Красная таверна» Клода Отана-Лары. Дважды удостоивался первой премии на Конкурсах киноплаката организованного еженедельником «Hollywood Reporter» в Лос-Анджелесе — за плакаты к фильмам «Земля обетованная» и «Псы войны». Преподавал в художественных учебных заведениях в Польше и за границей, был председателем Международной биеннале плаката в Варшаве.

Художнику было 82 года.

1 декабря в Варшаве умер Ежи Маталовский, актер театра и кино. Зрители помнят его прежде всего по роли Станислава Скерника — Колумба в военном телевизионном сериале «Колумбы» (1970) снятого режиссером Янушем Моргенштерном на основе повести Романа Братного. Кроме того, актер снимался в других популярных сериалах и в нескольких десятках фильмов, таких, например, как «Перстень княгини Анны», «Дульские», «Жизнь, полная риска», «Клан», «Дом», «На Вспульной», «Время почета». В течение всей своей артистической карьеры Маталовский был связан с варшавскими театрами.

Ему было 65 лет.

9 декабря в Варшаве в возрасте 83 лет умерла Барбара Хессе-Буковская, выдающаяся польская пианистка и педагог. Концертную карьеру она начала еще подростком. В 1919 году на конкурсе Шопена заняла второе место. «Молодая, с характерной славянской красотой, Барбара Хессе-Буковская быстро стала польской экспортной артисткой, — пишет музыкальный критик «Жечпосполитой» Яцек Марчинский. — Она выступала во многих странах, на прославленных сценах. Ее стихией были, конечно, произведения Шопена, а прежде всего — мазурки. Никто не умел их играть так, как она: без сентиментальности, искренне и просто. В начале 80-х годов фирма грамзаписи Polskie Nagrania «Musa» записала в ее исполнении все мазурки Шопена».

ВОЙНА МИРОВОЗЗРЕНИЙ?

«Иисус-Мария-Пешек» — это третий альбом Марии Пешек, театральной актрисы и певицы, дочери знаменитого польского актера Яна Пешека. Выпущенный в октябре 2012 года, альбом еще до своего официального релиза взбудоражил обозревателей отечественной поп-сцены, главным образом из-за провоцирующего названия, а также благодаря скандальному интервью актрисы, в котором она рассказывала о пережитой депрессии. Пользователи интернета не простили артистке откровенной исповеди о потере жизненной мотивации, постигшей Марию Пешек на тайландском пляже, о депрессии, которую ей приходилось разбавлять экзотическими коктейлями, лежа в шезлонге. На Пешек обрушилась первая волна критики — дескать, как можно переживать депрессию в таких райских условиях? Да сколько в нашей стране молодых польских матерей, брюзжали недовольные читатели, едва сводящих концы с концами, живущих бок о бок с мужьями-алкоголиками в тоскливых спальных районах? А тут какая-то девица сорока лет, без детей и мужа, смеет жаловаться на жизнь, делаясь своими откровениями с леваком-журналистом из популярного еженедельника. Прокол, да еще какой. И, как выяснилось позднее, это был не единственный промах певицы.

После выхода альбома оказалось, что первая волна критики — это цветочки, разминка перед настоящей критикой в истинном значении этого слова. Рецензентов, слушателей и авторитетных специалистов в области морали и нравственности со всех концов страны буквально развели по разные стороны баррикад две песни — «Sorry, Польша», прямой наводкой бьющая по распространенной модели патриотизма, обязывающей отдать жизнь за отчизну, и «Господь, ты не пастырь мой», перефразирующая 23-й псалом Давида. Тексты Пешек были старательно пропущены через фильтры мировоззренний многочисленных слушателей. В свою очередь, образ лирической героини этих песен стал, в зависимости от идейных подходов, либо жупелом, эдаким «врагом общества №1», за пропащую душу которого остается лишь молиться, либо моральным авторитетом от поп-культуры, своего рода кумиром для тех, кому надоела польская историческая мариология и патриархальный образ общественного устройства (оплотом этих идеологических устоев в первую очередь выступает польская провинция). Оба лагеря

использовали альбом Марии Пешек как своего рода инструментарий для мировоззренческих разборок. В Польше есть поговорка «Стукни по столу, ножницы отзовутся»^[1], и она идеально описывает реакцию тех, кто резко осудил Марию Пешек. Сторонники же певицы писали в интернете, что ей удалось вслух выразить их сокровенные мысли. Масс-медиа воспользовались ситуацией, подлив масла в огонь, чтобы восприятие альбома было как можно более полярным (известно, что продукцию польских СМИ охотнее покупают, когда те раздувают какой-нибудь конфликт мировоззрений, и тогда новостные интернет-порталы посещает рекордное количество пользователей).

Паранодаильная война идеологий, в которую оказались втянуты слушатели, отвлекла внимание от сути альбома. Несмотря на вызванную им суматоху, его главная тема вовсе не связана с разнесением по кирпичику фундамента польской мартирологии и патриархата. «Иисус-Мария-Пешек» — о женщине, чья исповедь начинается с «Людей-псов», а заканчивается «Аварийным исходом». Альбом сделан в депрессивном ключе, с редкими вспышками девичьей инфантильной эйфории («Падаю»), тексты полны различных стилистических приемов, и не будет сильной натяжкой сказать, что пластинка выдержана в духе кабаре. Музыкально же альбом вполне вписывается в современный «альтернативный» тренд (синтез легких гитарных переборов с электронными вставками). И собственно музыкальных изысков тут немного — музыка служит исключительно носителем вербального послания.

Альбом представляет целый спектр страхов, каковые только могут обуревать современную женщину. Отчетливо звучит и мотив, связанный с нежеланием обзаводиться потомством в условиях патриархальной общественной модели, поскольку в таком обществе женщине часто оказывается уготована роль предмета. На первый план выходит невозможность найти для себя убежище в этом мире радикальных взглядов, который с маниакальным упорством навязывает свои правила и ограничения, в мире, где ты не чувствуешь себя в безопасности, если не принимаешь точку зрения одной из конфликтующих сторон, поскольку все живут по принципу «кто не с нами, тот против нас».

Уже давно ни один артист не вызывал такого переполоха в сфере польской поп-культуры. Марии Пешек это удалось. На какую дорогу она вступила, записав настолько личную пластинку? Время покажет, но отделаться от яркого образа

главной скандалистки польской поп-сцены, который артистке создали масс-медиа, ей будет нелегко.

1. По-русски в таких случаях говорят «на воре шапка горит». — Ред.

Мария Пешек

СТИХОТВОРЕНИЯ

Люди-псы

Вот я и банкрот —
меня за горло мир берет.

Жмет судьба плечами
на бирже печали.

Голова в огне,
в сердце сизый дым.

Бог меня оставил,
оборвался фильм.

Я антинародное тело,
я заноза под вашей кожей,
душевная мышца в горячке белой,
я порно, я труп в прихожей,
я черный кот,
я бешеный пес,
сорняк и рана гнилая,
я отчизна пустых и ненужных слов,
единственная, родная.

Для вас слова,
что немало весят,
вяжет узлом, сочиняет драмы,
вам поет
свои песни с плесенью

королева мусорной ямы.

Дворняги,

отбросы

и психопаты,

предатели,

граждане дегенераты,

эй, поджигатели наших душ,

нынче срываем куш!

Эй, вы,

люди-псы,

мокрая у вас шерсть,

эй, сегодня вечером мы

будем тоску ложками есть.

Вот я и банкрот —

меня за горло мир берет.

Жмет судьба плечами

на бирже печали.

Голова в огне,

в сердце сизый дым.

Бог меня оставил,

оборвался фильм.

Я антинародное тело,

я заноза под вашей кожей,

душевная мышца в горячке белой,

я порно, я труп в прихожей,

я черный кот,

я бешеный пес,
сорняк и рана гнилая,
я отчизна пустых и ненужных слов,
единственная, родная.

Эй, вы,
люди-псы,
мокрая у вас шерсть,
эй, сегодня вечером мы
будем тоску ложками есть.

Эй, вы,
люди-псы,
грязная у вас масть,
эй, сегодня вечером мы
покой у людей станем красть.

Дворняги,
отбросы
и психопаты,
предатели,
граждане дегенераты,
эй, поджигатели наших душ,
нынче срываем куш!

Эй, вы,
люди-псы,
мокрая у вас шерсть,
эй, сегодня вечером мы
будем тоску ложками есть.

Эй, вы,
люди-псы,
грязная у вас масть,
эй, сегодня вечером мы
покой у людей станем красть.

Господь, ты не пастырь мой

Господь, говорю, ты не пастырь мой.

И всё, что мне нужно, есть у меня.

Лежу, развалившись, как пес под луной
над темной водой.

И пусть я иду долиной теней,

не побоюсь я зла и обмана,

и на колени не встану,

не встану.

Господь, повторю, ты не пастырь мой.

И всё, что мне нужно, есть у меня.

Зачем мне вера, зачем покой,
с печали какой?

Пускай я иду долиной теней,

не побоюсь я зла и обмана,

и на колени не встану,

не встану.

Господь не ведет меня, я одна

там, где не видно небес и дна,

как славно идти одной.

Господь не ведет меня, мне видней,

куда идти дорогой своей,
рядом с самой собой.

Господь не ведет меня, я одна
там, где не видно небес и дна,
как славно идти одной.

Господь не ведет меня, мне видней,
куда идти дорогой своей,
рядом со мной.

Господь, повторяю, ты не пастырь мой.

И всё, что мне нужно, есть у меня.

Лежу, развалившись, как пес под луной
над темной водой.

И пусть я иду долиной теней,
не побоюсь я зла и обмана,
и на колени не встану,
не встану.

Господь не ведет меня, я одна
там, где не видно небес и дна,
как славно идти одной.

Господь не ведет меня, мне видней,
куда идти дорогой своей,
рядом с самой собой.

Господь не ведет меня, я одна
там, где не видно небес и дна,
как славно идти одной.

Господь не ведет меня, мне видней,

куда идти дорогой своей,
рядом со мной.

Мне не по пути со стадом,
сяду рядом.

Не заманишь теплым хлебом,
все направо — я налево.

Господь не ведет меня, я одна
там, где не видно небес и дна,
как славно идти одной.

Господь не ведет меня, мне видней,
куда идти дорогой своей,
рядом с самой собой.

Господь не ведет меня, я одна
там, где не видно небес и дна,
как славно идти одной.

Господь не ведет меня, мне видней,
куда идти дорогой своей,
рядом со мной.

Аварийный исход

я знаю когда и с кем я умру
вода и дым на холодном ветру
я знаю когда я умру и где
море и свет в темной воде
я знаю когда и с кем я умру
я знаю когда я умру и где
я небом клянусь и высокой звездой

ты будешь тогда со мной
мы накормим голодное море
белизной наших белых тел
вот наш выход исход аварийный
пусть всё будет как ты хотел
но пока вот это
но пока вон то
еще пару снов
рассечет винтом
но пока решишься
быть или не быть
семь морей холодных
надо переплыть

Sorry, Польша

Было бы мне проще,
послала бы всех на,
если бы на улицах
шла война.
Не пришлось бы долго думать —
как же дальше с этим жить?
Только быть.
Только быть.
Я б не бегала с винтовкой,
закусивши удила,
и ни капли крови, Польша,
я б тебе не отдала.

Sorry, Польша.

Sorry, Польша.

Sorry, Польша.

Прости меня.

Sorry, Польша.

Sorry, Польша.

Sorry, Польша.

Прости меня.

Sorry, Польша.

Sorry, Польша.

Sorry, Польша.

Прости меня.

С меня довольно.

Ты слышишь, больно

вот так вот жить.

Все счета оплачены,

не фиг придирааться.

Я хожу на выборы,

я не езжу зайцем.

Только мне не говори —

мол, умри, умри, умри.

Не гони меня в атаку,

нынче толку нет в стрельбе.

Кровь моя алее мака,

но на что она тебе?

Sorry, Польша.

Sorry, Польша.

Sorry, Польша.

Прости меня.

С меня довольно.

Ты слышишь, больно

вот так вот жить.

Лучше б мы еще пожили,
чем геройски гнить в могиле.

Sorry, Польша.

Sorry, Польша.

Sorry, Польша.

Прости меня.

С меня довольно.

Ты слышишь, больно

вот так вот жить.

Перевод Игоря Белова

О ПЕРЕВОДАХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX века

До Первой Мировой войны и вплоть до обретения независимости интерес к русской поэзии в Польше по понятным причинам не мог сравниться с интересом к западноевропейской поэзии. Тем не менее уже в 1900 г. Лео Бельмонт включает в свой сборник переводов «Рифмы и ритмы», кроме переводов из русской классики, таких поэтов, как Фет, Тютчев, Полонский и, разумеется, Надсон, поэзия которого в те времена в Польше была исключительно популярна. За три года до этого Мариуш Заруский издал польски «Избранные стихи» Надсона, напечатанные, что характерно, в Архангельске. В предисловии к сборнику Заруский связывает творчество Надсона с великим движением антинатурализма в западной поэзии. Коротко упомянув о переломе в поэзии и философии во Франции, Германии и Италии, назвав имена таких поэтов, как Бодлер, Верхарн, Метерлинк, Верлен, Малларме, Ада Негри, Лилиенкорн и Гофмансталь, Заруский пишет:

“Именно эта волна нового течения, стремящаяся найти для человека новое место в природе, поглядеть на него с новой, до сих пор неизвестной точки зрения, которая сотворила «новые содрогания» невыразимых желаний, туманных предчувствий, эта волна, которая стремится к «окончательным границам мышления», уже охватила своими потоками запад Европы, затем перекинулась на ее восток, и там тоже унося новое поколение к тому, «что невыразимо в человеческом существе, к тому, что есть молчащего в уме, что не находит голоса в душе, ко всему тому, что не дает себя ни уловить, ни описать»” (Kilka słów o autorze i jego poezji // Z Nadsona. Wybór poezji. Przeł. Mariusz Zaruski. Archangelsk, 1897).

Цитируя Метерлинка, Заруский, однако, не устанавливает прямой связи его творчества с творчеством Надсона, только утверждает, что его поэзия “порождена «духом времени», то есть производной от тех течений, сил, нравственных влияний, которые перед духовным взором человека проходят незамеченными, однако создают атмосферу, полную живительного для него дыхания” (там же).

Как мы видим из этих высказываний Заруского, польские писатели, несмотря на неблагоприятные политические условия, внимательно следили за развитием современной им русской поэзии. При случае следует упомянуть вышедший в Париже в 1900 г. под псевдонимом Ятрань совершенно забытый сборник переводов из русской поэзии Юзефа Липковского. В книгу «Стихотворения», кроме очень слабых собственных стихов, переводчик включил по несколько стихотворений Лермонтова и Некрасова, одно Пушкина и полтора десятка стихов Надсона. Все эти переводы были сделаны в Перми и датированы 1891–1892 годами. Это еще один пример поэтических интересов, по-видимому, насильственного изгнанника. Характерно, что во время Первой Мировой войны Эдвард Слонский в своем сборнике национально-освободительных стихов «Та, что не погибла» (1915) напечатал два перевода: «Их расстреляли» Дмитрия Цензора и «На Западном фронте» Валерия Брюсова, предварив эти два стихотворения своим — «Господину Валерию Брюсову», где пишет (приводим в дословном переводе. — Пер.):

Из далеких степей, из приволжских лесов,
из-под золотых куполов, из-под кремлевских стен
к нам бездомным и к нам бесхозным
ты пришел, страшной вьюгой гоним.
И приветствовал от имени славянских
народов радостным обещанием перемен
вытоптанную войной, как чингисханские
пляхи, нашу бедную мазовецкую ниву.
(...) ночью над окопом
когда станешь, с польским помолишься мужиком,
который там сейчас проходит кровавое крещение.
А когда polegших соберешь ладанки,
то скажешь: — Польские там были воины! —
и крикнешь своим: — Еще Польша есть! —

Это был несомненный ответ на стихотворение Брюсова «В Варшаве», написанное 24 августа 1914 г., где поэт заявлял:

В первый раз по улицам Варшавы
С легким сердцем прохожу один.
Не гнетет меня кошмар кровавый
Темной славы роковых годин.
Всё, что было, — нет, не миновало,
И веков мгновенью не сломать;
Но, быть может, нынче день начала,
Нынче солнце в небе — как печать.
Пусть оно наш день запечатлеет,
День, когда, как братья, мы могли
Всё сказать, о чем язык немеет,
Что мы долго в душах берегли.

Так уже в самом начале войны обнаруживается диалог польского и русских поэтов. Тем не менее интерес к русской поэзии вплоть до первых лет после обретения Польшей независимости оставался сравнительно слабым. К исключениям принадлежали переводы Лео Бельмонта и первые переводческие опыты Леонарда Околова-Подгорского, который в своем первом сборнике стихотворений «Солнечный смех» (1912) под влиянием русских символистов пытался привить на польской почве их версификационные новшества. В процессе преодоления поэтики «Молодой Польши» эти забытые опыты Подгорского опередили поэзию «Скамандра».

Однако как переводчик Подгорский выступил лишь десятью годами позже, сыграв при этом очень важную роль, о чем речь впереди.

После войны, когда все поэтические контакты были, естественно, серьезно затруднены, первым сигналом заново рождавшегося интереса к русской поэзии стал — не слишком, впрочем, удачный — перевод «Двенадцати» Блока, сделанный Каролем Винавером, который под псевдонимом Ежи Карвин напечатал его в августе 1919 г. в «Пшеглёнде военном» («Военном обозрении»). Этому переводу, вышедшему отдельной брошюрой в 1921 г., переводчик предпослал предисловие, в котором определяет «Двенадцать» как «поэму необычайной художественной ценности, написанную с

воистину эпическим размахом. Это поэма о революционном Петербурге конца 1917 — начала 1918 гг., поэма о крови, грязи, преступлении и падении, а в то же время о той всечеловеческой правде революции, о благой вести, которую несут миру связанные кровью люди, произведение прямо незаурядное, если говорить о силе объективного артистизма, о пластике образов и, наконец, об умелой и тонкой идейной ткани». Далее Винавер указывает на связь между «Двенадцатью» и поэмой Андрея Белого «Христос воскрес», подчеркивая общую для обоих поэтов «извечную мессианскую концепцию».

Перевод Винавера, как утверждает переводчик, «был первым и долгое время единственным переводом “Двенадцати”». Следующий перевод поэмы, принадлежавший Вацлаву Денхоф-Чарнецкому, вышел только в 1923 г. в антологии «Новая русская поэзия».

Если первый перевод «Двенадцати» был не только доказательством увлечения творчеством русского символиста, но и документом живой заинтересованности большими социальными переменами, происходившими в советской России, то в еще большей степени таким документом был сборник стихотворений в прозе Алексея Гастева, переведенный Галиной Крагельской и выпущенный в том же году издательством «Рабочая сцена и лютия».

Поворотной точкой в истории переводов русской поэзии стал сборник стихотворений Бальмонта и Брюсова в переводах Юлиана Тувима, изданный раньше, в 1921 году. Замечательный поэт не только впервые предложил довольно большой выбор прекрасных стихов русских символистов, не только, можно сказать, программно превратил перевод в одну из самых немаловажных страниц своего многостороннего творчества. Занятие творчеством русских поэтов такого рода, как Бальмонт и Брюсов, свидетельствовало о поэтической родственности, сознательно и программно переносившейся на польскую почву, в то же время говорило о возвращении плодотворной традиции первой половины XIX века, традиции, согласно которой переводные сочинения включались в сокровищницу поэзии своей страны, становясь стимулом отечественного творчества. Разумеется, это объясняется тем, что как романтизм, так и символизм были течениями довольно универсальными, охватывающими широчайший объем понятий и чувств. Несмотря на то что символизм в Польше приобрел несколько иной характер, несмотря на то что с момента выхода на поэтическую арену группы «Скамандр» можно говорить только о переносе на польскую почву всего

лишь элементов символизма — тем не менее элементы русского символизма еще долго будут в том или ином виде проходить через творчество прежде всего Тувима, а отчасти и Ивашкевича.

Переводя Бальмонта и Брюсова в ранний период своего творчества, Тувим не уберется от того, чтобы искусственно навязать этим поэтам языковое наследие «Молодой Польши». Отсюда в тогдашних переводах Тувима мы находим такие строфы:

Sierp księżycy z góry śle

Na te wody blaski swe.

Cicha świetlność płynie z gwiazd:

Aniołowych oczu zwiast.^[1]

Отсюда такие выражения, как «в лазурной тишине небесной», «предчувствие ночного морока», «безграничья, бесконечья» и т.п. Тем не менее этот первый сборник переводов Тувима поражает высоким поэтическим уровнем, открывая новую, неслыханно плодотворную эпоху в истории переводов русской поэзии в Польше, эпоху, которая продолжается по сей день.

При случае не лишним будет вспомнить, что первые переводческие опыты Тувима относятся к гораздо более раннему времени и почти совпадают с самыми первыми его поэтическими опытами. В бумагах поэта мы находим такую запись: «1912. Начал переводить (символисты). 1919. Маяковский (впервые)». Первый перевод, сохранившийся в его рукописном наследии, — «Я мечтою ловил уходящие тени...» Бальмонта (17 декабря 1913), а переводы из Блока, Фета и Белого Тувим печатал еще в литературных приложениях к «Народу» и в первых выпусках «Pro Arte».

Первая польская послевоенная антология «Новая русская поэзия» вышла в 1923 г. под редакцией Вацлава Денхоф-Чарнецкого и Леонарда Подгорского-Околова. Во вступительном слове Подгорского содержится восторженный дифирамб русской поэзии: «...в произведениях этих поэтов, наряду со многими несомненными чудачествами, бьет чистейший родник вековой красоты, заключенной в новые и бесконечно разнообразные формы. (...) Никто не пожалеет о тех минутах, которые проведет над серебряно-пенным, рвущимся, а местами удивительно спокойным и печальным ручьем их поэзии».

Эти слова, свидетельствующие о первых восторгах перед новой русской поэзией, одновременно показывают, каковы были взгляды на нее молодых составителей антологии, а ведь это антология первопроходческая: тонкий, меньше ста страниц сборник впервые, кроме стихов Бальмонта и Брюсова, уже известных в переводах Тувима, включал произведения поэтов, до тех пор неизвестных или малоизвестных, таких как Блок и Соллогуб, как впервые напечатанные в Польше Цветаева и Ахматова, а вдобавок там были еще стихи Есенина, Мариенгофа и один из самых ранних польских переводов Маяковского — «Левый марш», переведенный Антонием Слонимским.

Пожалуй, футуристов и имажинистов типа Петра Орешина и Василия Каменского имеет в виду Подгорский, когда в своем вступлении говорит о чудачествах новой русской поэзии. Эта поэзия, как и поэзия Маяковского, тогда ничего не говорила поклоннику Блока и Ахматовой, несколько стихотворений которой в почти конгениальных переводах Подгорского впервые были напечатаны в антологии.

Среди переводчиков антологии мы видим Тувима, Ивашкевича, Подгорского, Слонимского и Вежинского, то есть почти всех виднейших поэтов «Скамандра».

В том же году, расширяя круг своих интересов, Тувим выпустил «Облако в штанах», которое наряду с «Левым маршем» стало триумфальным вступлением Маяковского в польскую поэзию. Первые переводы из Маяковского отличались всем тем эмоциональным грузом, который внесло в поэзию творчество скамандритов, — при этом они гладкие, текучие: к взрывной эмоциональности «Облака» Тувим — при всем мастерстве перевода — подмешал капельку своего раннего сентиментализма.

Четыре года спустя, во время пребывания Маяковского в Варшаве, вышло его избранное в переводах Броневского, Слободника, Слонимского, Стерна, Тувима и Ясенского. Этой книге суждено было на долгие годы стать основой знакомства с Маяковским в Польше. Включенные в нее переводы, в особенности Ясенского и Стерна, поэтов-футуристов, самой программой своего творчества близких к поэтике Маяковского, отличаются сильным ощущением поэтического материала и подлинностью тона, пожалуй уже не превзойденными в следующих, послевоенных переводах.

Бруно Ясенский, кроме Маяковского, переводил Есенина — «Исповедь хулигана» в его переводе благодаря своим огромным

лирическим качествам и динамике навсегда вошла в сокровищницу переводов из Есенина.

Прекрасным переводчиком, в особенности Есенина, был в то время Владислав Броневский, который уже в 1924 г. напечатал в №3–4 журнала «Блок» перевод «Пантократора», а в последовавшие годы — несколько замечательных переводов стихотворений Есенина и драматическую поэму «Пугачев» в «Вядомостях литерацких» и «Скамандре». Переводы Броневского отличает глубокий лирический тон, при этом не нужно забывать, что как Есенин, так и Блок оказали серьезное влияние на его раннее творчество.

Поклонником Есенина, его неустанным популяризатором в Польше в межвоенные годы был Казимеж Анджей Яворский, редактор журнала «Камена», где он печатал много переводов из русской поэзии, способствуя тем самым распространению знакомства с этой поэзией в Польше. В «Библиотеке “Камены”» вышли два сборника Есенина: «Избранные стихотворения» (1931) и «Исповедь хулигана» (1935), которые исполнили в отношении Есенина такую же роль, как составленное Стерном избранное по отношению к Маяковскому. К.А.Яворский перевел также многие стихи Блока. В 1934 г. он выпустил «“Соловьиный сад” и другие стихотворения», а также — вместе с Юзефом Лободовским — «Итальянские стихи».

К выдающимся переводчикам русской поэзии, действовавшим до Второй Мировой войны, принадлежал и Владислав Слободник, который начиная с 1931 г. включал переводы в сборники своих стихов. Размах его интересов очень широк: наряду со стихами романтиков, Пушкина и Лермонтова Слободник переводил стихи символистов и постсимволистов — Блока, Сологуба, Мандельштама. Пожалуй, одним из первых — еще в 1931 г. — Слободник напечатал несколько переводов Пастернака.

Особое упоминание надлежит Юзефу Лободовскому: в его выпущенном в 1935 г. сборнике русских стихотворений «У друзей» мы видим уже известные в то время в Польше имена — снова тут повторяются Лермонтов, Блок, Есенин, Маяковский. Лободовский применял в своих переводах довольно ненадежный метод эквивалентов, внося в переводы немало произвола, что не раз меняло тональность произведений.

В 1936 г. вышел сборник переводов Северина Полляка «Из новой русской лирики», включавший стихи Гумилева, Хлебникова и Пастернака.

Чтобы пополнить картину переводческой деятельности межвоенных лет, следует упомянуть еще о двух томах «Переводов» Станислава Рышарда Станде, вышедших в 1935 г. в Минске, в Белгосиздате (сектор национальных меньшинств). Эта публикация, ныне ставшая раритетом, включает, в частности, переводы из Маяковского, Кирсанова, Светлова, Пастернака, Асеева, Сельвинского, Багрицкого, Тихонова, Голодного и Безыменского. По понятным причинам переводы Станде почти не были известны в Польше, и только после войны некоторые из них были перепечатаны составителями антологии «Два века русской поэзии».

Попыткой показать пореволюционную русскую поэзию была антология «Советская поэзия» в переводах Целины Беккер, изданная в 1935 г. в Варшаве. Переводчица довольно толстого тома, где напечатаны переводы виднейших тогда поэтов, во вступлении объясняла, что не смогла достать некоторые сборники стихов, а потому была вынуждена пройти мимо некоторых поэтов, другие же в ее книге слабо представлены. Характерно заключение предисловия, где переводчица выражает надежду, что эта книга «пробьет брешь в стене, которая возникла между нашим читателем стихов и новым советским поэтом». Книга Целины Беккер действительно могла бы благодаря своему объему многое сделать в этой области, но, к сожалению, переводчица не рассчитала свои силы, ее переводы крайне слабы, и в настоящий момент антология представляет собой только документ тогдашнего интереса к русской советской поэзии.

По понятным социальным и культурным причинам после войны в Польше ожил интерес к русской поэзии, что создало исключительно благоприятную атмосферу для развития переводческих трудов. Масштаб этих трудов был с самого начала довольно широк, а в самом занятии ими была очевидная последовательность. Характерно, однако, что долгое время переводами русской поэзии занимались преимущественно поэты старшего поколения, те, кто и до войны переводил русскую поэзию, или те, кто, как Мечислав Яструн или Адам Важик, начал ею интересоваться во время войны.

Так, под редакцией Ежи Борейши и Адама Важика в 1940 г. во Львове вышел однотомник Маяковского, где мы находим, в частности, новый перевод «Облака в штанах», сделанный Яструном, многочисленные переводы Важика, Леца, Пшибося, Шенвальда и многих других поэтов, которые в тот момент находились во Львове. Важик стал в Польше одним из самых

видных, наряду со Стерном, популяризатором поэзии Маяковского. Менее чем за двадцать лет он выпустил несколько сборников Маяковского, самый обширный из которых в 1949 г. вышел тиражом сто тысяч экземпляров, а позднее вместе с Яструном, Стерном и Полляком был редактором большого трехтомника, который подвел итоги трудам польских поэтов-переводчиков в работе над Маяковским. Принципиальное новшество этого издания состояло в том, что большое внимание здесь уделено раннему, юношескому периоду творчества Маяковского, долго замалчивавшемуся, в то время как он имеет исключительное значение для всей поэтической деятельности русского футуриста.

Прекрасный переводчик русской поэзии, в особенности Пастернака, — Мечислав Яструн; его переводы лирически насыщены, верны во всех элементах, составляющих поэтическое произведение. Это образец пиетизма поэта по отношению к поэтам, образец умения прочитывать внутреннее, утаенное содержание поэтического произведения. Среди отдельных изданий переводов Яструна из русской поэзии XX века следует назвать выпущенную в 1951 г. поэму Багрицкого «Дума об Опанасе». Вместе со мной Яструн был составителем антологии «Два века русской поэзии», впервые изданной в 1947 году. Дополняемая и изменяемая в трех следующих изданиях (последнее — 1954), эта антология сыграла важную роль в популяризации русской поэзии в Польше.

Главной областью интересов Анатоля Стерна была поэзия Маяковского. Здесь он наряду с Важином имеет особые заслуги: он переводил поэмы и многочисленные стихи, составил несколько сборников Маяковского и писал о нем эссе и научные работы. Вышеупомянутый трехтомник Маяковского составлялся по инициативе Стерна и содержит многие его переводы. Последняя публикация Стерна, сделанная вместе с Полляком, — сборник «Лирика» Маяковского, выпущенный в 1965 г. в серии «Библиотека поэтов».

Поклонником поэзии Маяковского остается и Артур Сандауэр, который первым после войны, уже в 1945 г., издал свой перевод поэмы «Хорошо!», а в следующие годы — несколько сборников его стихов.

Подведением итогов замечательного переводческого творчества Юлиана Тувима стал трехтомник его переводов «С русского», подготовленный поэтом перед самой смертью и выпущенный в 1954 г. с предисловием Северина Поляка, обозревшего переводческую деятельность поэта. В первый том этого издания вошли переводы из современной русской

поэзии. Видимо, подчиняясь господствовавшим тогда тенденциям, Тувим включил в трехтомник все свои переводы из Тютчева и Фета, но значительно сократил число стихов Бальмонта, Брюсова и Сологуба и убрал, в частности, «Драматическую симфонию» Андрея Белого, напечатанную еще в «Pro Arte» в 1919 г., а также стихи Городецкого, Ходасевича и Северянина. Полную картину интереса Тувима к русской поэзии принес лишь том IV (ч.1) его «Сочинений», изданный в 1959 г. под редакцией С.Полляка. Там напечатаны не только все выходившие ранее в периодике переводы, но и тексты, при жизни поэтом не опубликованные, а найденные в его посмертных бумагах, как, например, фрагменты перевода поэмы Маяковского «Во весь голос».

В 1954 г. в книге Северина Полляка «Избранные стихи и переводы» среди поэтов эпохи, о которой мы говорим, были напечатаны переводы стихов от Брюсова и Блока до Заболоцкого, Щипачева и других. Тот же автор в изданной в 1957 г. антологии поэзии народов СССР «Сто тридцать поэтов», где главным стержнем была русская поэзия эпохи революции и после нее, постарался представить соотношение поэтических сил, школ и течений начиная от символизма и до поэтов, которые в 1957 г. только начинали обретать популярность у себя на родине. Желая достаточно широко показать творчество поэтов, действовавших до Первой Мировой войны, составитель антологии пользовался запасами переводов, напечатанных в Польше в межвоенные годы. Эти переводы, сделанные чаще всего выдающимися поэтами и возникшие из чувства внутренней родственности, отличаются подлинностью тона, так как родом они из той же эпохи, что и оригиналы. Разумеется, и среди новых переводов немало отличных работ, однако в послевоенный период уже выработался новый, своеобразный стиль поэтического перевода, несколько отличающийся от стиля межвоенного двадцатилетия.

Владислав Броневский, как и до войны верный своим привязанностям, особенно к Есенину, вновь издал отдельной книгой свой перевод «Пугачева» (1958), а в сборник своих переводов «Мои поэтические дружбы» (1960) кроме «Пугачева» включил стихи Есенина, а также переводы из Маяковского («Корона и шапка», отрывки из поэмы «Хорошо!», поэму «Во весь голос») и три перевода Пастернака, среди которых замечательно переведенное стихотворение «Шекспир».

Переводы из русской поэзии составляют важную часть поэтического наследия Юзефа Чеховича. Они напечатаны в его «Избранных стихотворениях», изданных Яном Спеваком и

Северином Полляком, которые во вступительной статье обратили внимание на то, что «выбор переводов, их хронологическое расположение указывает, что поэт, переводя, имел двойную цель: им, несомненно, руководила идея ввести в польскую поэзию многие стихи, которыми он восхищался, но в то же время они представляли для него важный источник творческого вдохновения». А значит, ничего удивительного, что среди переводов Чеховича мы находим прежде всего стихи Блока, который оказал несомненное влияние на его оригинальное творчество. Полностью все переводы Чеховича напечатаны только в его однотомнике «Стихотворения» (1963) под редакцией Казимежа Анджея Яворского.

Переводы самого Яворского, тоже большого поклонника Блока, собраны в книге его избранных стихотворений «Стопы времени» (1961). Кроме Блока в книге есть переводы Тютчева, объемное избранное которого, основанное прежде всего на переводах Яворского, издал еще в 1948 г. К.В.Заводзинский, снабдив его исчерпывающим предисловием (кроме переводов Яворского в книгу вошли переводы Тадеуша Стемпневского и Юлиана Тувима), а также поэма Маяковского «Человек», стихи Есенина и Щипачева. Отдельными книгами К.А.Яворский, верный своей любви к поэзии символистов, выпустил в 1959 г. в возобновленной «Малой библиотеке “Камены”», переводы «Зимних сонетов» Вячеслава Иванова и «Моих песен» Николая Агнивцева. Это единственные отдельные издания этих поэтов на польском языке.

Леонард Подгорский-Околов не дожил до издания своих переводов отдельной книгой. Примерно половина переводческого наследия поэта вошла в его «Избранные стихотворения», вышедшие посмертно в 1960 году. В предисловии к этому однотомнику, подчеркивая важную роль, которую сыграл Подгорский как переводчик русской поэзии, я писал: «...он был переводчиком большой поэтической культуры, с великолепным ощущением мелодики стихов, их эмоциональной тональности. Всегда, даже расширив после войны круг своих интересов, он переводил исключительно те стихи, которые ему лично отвечали, которые составляли как бы дополнение к его собственной поэзии и вмещались в границы его собственного поэтического темперамента. Может быть, единственным исключением тут был «Черный человек» Есенина, впервые напечатанный в «Атенеуме» Наперского в 1938 г., притом переведенный со страстью, равной страстности оригинала.

Переводы Подгорского отмечены тенденцией к верному воспроизведению метрической сетки русских стихов. Эта склонность заставляла поэта усиленно трудиться, чтобы сохранить в таких условиях фразы без «ваты» случайных односложных слов, затемняющих чистую поэтическую структуру предложения. (...) Переводы Подгорского в целом отличаются текучестью и ясностью».

Сборник своих переводов «У друзей» выпустил в 1961 г. Леопольд Левин. В заметке «От переводчика» он пишет, что хронологически ограничился поэтами XX века, включив в книгу переводы 37 поэтов от Брюсова и Бунина до Евтушенко и Новеллы Матвеевой.

В 1966 г. Левин выпустил свой перевод поэмы Твардовского «За далью даль», проблематику которой составляют реминисценции войны, вопросы культа Сталина, вопросы вины и ответственности. Поэма Твардовского, полная внутренней тревоги, свидетельствует о позиции поэта, исходит из лучших традиций русской гражданской поэзии. Леопольд Левин также перевел выпущенные отдельными книгами поэмы Константина Симонова «Иван да Марья» (1955) и Егора Исаева «Суд памяти» (1965).

«Молодые голоса» (1965), антология советской поэзии, составленная Яном Speваком, как бы продолжает антологию «Сто тридцать поэтов», заканчивавшуюся Борисом Слуцким — тогда самым молодым. В русский раздел своей антологии Speвак включил стихи поэтов от Бокова, Самойлова, Окуджавы и Винокурова, представляющих поколение, которое начало свое творчество еще в годы войны, вплоть до Юнны Мориц и Беллы Ахмадулиной, творческая индивидуальность которых сформировалась уже после XX съезда, в условиях, облегчающих выбор своей позиции. Тем не менее всё это «молодые голоса», так как исторические события: Отечественная война и все перемены, которые произошли в СССР на протяжении последнего двадцатилетия, — привели к тому, что несколько иначе, чем в других местах, чем, например, в Польше, там рождаются поэтические дебюты, часто очень запоздалые, а бывает, двойные и даже тройные — напомним хотя бы Евтушенко, несколько сборников вторичных стихотворений, вышедших до XX съезда, никто сейчас уже не помнит.

Таким образом, составляя свою антологию, Ян Speвак вынужден был руководствоваться очень разными и очень сложными критериями. Его антология — документ больших перемен, какие произошли в русской поэзии со времен войны, и всех тех ферментов, которые она переживает по сей день.

Антологии и сборники переводческого творчества польских поэтов, давая общую картину русской поэзии и картину наших поэтических интересов, неизбежно не могут шире и более исчерпывающим образом показать творческие силуэты отдельных русских поэтов. Это стало возможным только благодаря издаваемой ПИВом [польский Госиздат] серии «Библиотека поэтов». Эта серия открыла новый этап в представлении польским читателям самых видных русских поэтов. Это оказывает также серьезное влияние на характер вступительных статей, которыми как правило снабжены книги поэтической серии ПИВа; здесь особенно выделяются инструктивные, полные философской эрудиции и в то же время полета и поэтического воображения вступительные статьи Яна Спевака к сборникам Тютчева и Хлебникова. Такого рода предисловия становятся ценным вкладом в польскую русистику, которая, кстати говоря, творчески развивается как раз благодаря участию в ней писателей, поэтов и критиков — назову по этому случаю имена Адама Важики, Анатоля Стерна, отличного знатока творчества Маяковского, и Виктора Ворошильского, в частности автора книги о Маяковском.

В рамках этой серии вышло до сих пор 12 сборников поэтов того периода, о котором мы говорим. «Лирику» Фета подготовил Габриэль Карский, «Стихотворения» Тютчева — Анна Каменская (вступительная статья Яна Спевака), «Избранные стихотворения» Блока подготовил и снабдил вступительной статьей Северин Полляк, «Избранные стихотворения» Брюсова — Влодзимеж Слободник, «Стихотворения» Ахматовой — Северин Полляк, «Стихотворения» Хлебникова в переводах Каменской, Полляка и Спевака — Ян Спевак, «Стихотворения» Есенина — Земовит Федецкий, «Лирику» Маяковского — Северин Полляк и Анатолий Стерн, «Стихотворения» Пастернака — Северин Полляк, «Стихотворения» Тихонова — Леопольд Левин, «Стихотворения» Цветаевой — Северин Полляк, а «Стихотворения» Мандельштама — Рышард Пшибыльский.

Эта серия отнюдь не исчерпывает переводческой деятельности польских поэтов, стремящихся донести до читателей русскую поэзию. Наряду с ней заслуживают внимания небольшие сборники стихов современных русских поэтов, в том числе Асеева, Сельвинского, Светлова, Уткина, Луговского, Мартынова, Тарковского, Твардовского, Слуцкого, Самойлова, Евтушенко, Винокурова и Вознесенского.

Названные сборники иллюстрируют как интерес польских поэтов к русской поэзии, так и ее распространенность в нашей стране. При этом важно, что в Польше, в противоположность

многим другим странам, поэтическим переводом занимаются не профессиональные переводчики, а главным образом поэты. Это дает меру уровня, особенно по отношению к строго соблюдаемым критериям современного поэтического перевода.

Перевод Натальи Горбаневской

Смотрит бледный серп Луны,

Звезды тихий свет струят,

Очи ангелов глядят.

Константин Бальмонт. Тишина.

1. В эти воды с вышины

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ НЕВОЗДЕЛЫВАНИЯ САДОВ

Тем, кто терпеть не может садоводства, нужна теория. Не возделывать сад без теории — неосновательный и недостойный образ жизни.

Теория должна быть убедительной и научной. Однако для разных людей разные теории убедительны и научны. Итак, требуется много теорий.

Возможна альтернатива невозделыванию садов без теории — это возделывание садов. Однако значительно легче создать теорию, чем действительно возделывать сад.

Теория марксистская

Капиталисты тщатся растлить умы трудящихся масс и отравить их своими реакционными «ценностями». Хотят «убедить» рабочих, будто возделывание садов — это огромное удовольствие, а значит, устроить так, чтобы рабочим было чем заняться в свободное от работы время, и не дать им возможности совершить пролетарскую революцию. Кроме того они желают внушить рабочим, что если у них есть свой жалкий клочок земли, то они благодаря этому — «собственники», а не наемные работники, и за счет этого перетянуть их на сторону имущих в классовой борьбе. Таким образом, возделывать сад значит участвовать в крупном заговоре, имеющем целью идеологическое оболванивание масс. Не возделывай садов! Q.E.D. ^[1]

Теория психоаналитическая

Пристрастие к садоводству — типично английская особенность. Легко понять, почему дело обстоит именно так. Англия была первой страной промышленной революции. Промышленная революция убила природную среду. Природа — символ Матери. Убивая природу, англичане совершили матереубийство. Их преследует неосознанное чувство вины, вот они и пытаются искупить свое преступление, возделывая свой маленький псевдоприродный садик и окружая его почитанием. Возделывать сад значит принимать участие в

гигантском самообмане, увековечивающем инфантильный миф. Нельзя возделывать сады! Q.E.D.

Теория экзистенциальная

Люди занимаются садоводством для того, чтобы очеловечить природу, цивилизовать её. Однако это отчаянная и тщетная попытка преобразовать бытие-в-себе в бытие-для-себя, что невозможно не только онтологически. Это самообольщение, морально недопустимое бегство от действительности, поскольку различие между бытием-в-себе и бытием-для-себя не может быть упразднено. Возделывать сад или воображать, будто Природу можно «очеловечить» — значит пытаться это различие стереть и впадать в безнадежное противоречие с онтологическим статусом человека. Садоводство — это ложь! Q.E.D.

Теория структуральная

В первобытных обществах человеческая жизнь распадалась на оппозиционную пару: работа/свободное время, каковой оппозиции соответствовало разграничение: поле/дом. Люди работали в поле и отдыхали дома. В современных обществах ось оппозиции перевернута: люди работают в домах (на заводах, в конторах), а свободное время проводят в открытом пространстве (в садах, парках, лесах, возле рек и т.д.). Это ключевое различие — оно скрепляет структуру понятий, в соответствии с которой люди организуют свою жизнь. Заниматься садоводством значит вносить хаос в различение дома и поля, свободного времени и труда; это значит затемнить, почти уничтожить структуру оппозиций, каковая является условием мышления. Возделывать сад — ошибка. Q.E.D.

Аналитическая философия

Несмотря на множество попыток не удалось выработать удовлетворительного определения сада и садоводства; все имеющиеся дефиниции оставляют обширное поле неуверенности в том, какие явления к какой области принадлежат. Мы попросту не знаем, что такое сад и садоводство. Следовательно, употребление этих понятий — а тем более практика разведения садов — интеллектуально безответственны. Не возделывай свой сад! Q.E.D.

Перевод Андрея Базилевского

1. Аббревиатура от лат. *quod erat demonstrandum* — «что и требовалось доказать».